Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.П. Рождественский

Об осторожности в словах и поступках по учению Иисуса сына Сирахова

Опубликовано:
Христианское чтение. 1909. № 12. С. 1521-1533.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Объ осторожности въ словахъ и поступкахъ,

по ученію Іисуса сына Сирахова.

«Во всѣхъ дѣлахъ твоихъ соблюдай душу свою», будь строго внимателенъ къ самому себѣ, къ своимъ словамъ и поступкамъ, — такова главная мысль небольшого отдѣла книги Іисуса сына Сирахова, занимающаго конецъ 32-й и начало 33-й главы. Совѣтъ—быть осторожнымъ всегда и во всемъ—неоднократно повторяется въ книгѣ бенъ-Сира (ср. 8, 13—22, 9, 16—18, 11, 29—12, 29 и мн. др.); даже въ отношеніи къ самымъ близкимъ людямъ человѣкъ, по ученію сына Сирахова, не долженъ позабывать объ осторожности: «даже передъ дѣтьми твоими будь остороженъ» (32, 23), такъ какъ они, по своей неопытности, могутъ неправильно истолковать твое поведеніе или же разгласить передъ чужими людьми то, что слѣдовало бы скрывать отъ нихъ. Такое настойчивое напоминаніе объ осторожности въ устахъ премудраго сына Сирахова вполнѣ понятно, если принять во вниманіе обстоятельства того времени, въ какое онъ жилъ и писалъ. Евреи со всѣхъ сторонъ окружены были подозрительными и мстительными врагами, готовыми преслѣдовать ихъ по каждому доносу; соперничество царей сирійскихъ и египетскихъ, ближайшихъ сосѣдей евреевъ, никогда не замиравшая мечта послѣднихъ видѣть свое царство независимымъ и могучимъ, племенныя, бытовыя и религіозныя особенности евреевъ, возбуждавшія ненависть и презрѣніе къ нимъ тѣхъ, среди которыхъ они поселялись,—все это заставляло ихъ быть всегда настороже и не довѣрять никому, чтобы не попасть въ бѣду, всегда грозившую каждому изъ членовъ гонимаго племени. Чтобы живо представить себѣ тогдашнее положеніе

евреевъ, стоитъ только вспомнить, какъ оно рисуется въ книгахъ Есѳири или 3-й Маккавейской: нѣтъ основаній полагать, что отношеніе къ евреямъ ихъ языческихъ сосѣдей, тамъ правдиво описанное, могло быть иное во время жизни сына Сирахова, не очень далекое отъ времени составленія этихъ книгъ.

Но въ своихъ рѣчахъ объ осторожности бенъ-Сира не выставляетъ указаннаго выше мотива. Онъ и здѣсь исходитъ изъ идеала мудреца, богобоязненнаго блюстителя закона Божія. «Кто хранитъ законъ, тотъ соблюдаетъ душу свою» (32, 25),— тотъ строго охраняетъ себя отъ малѣйшаго нарушенія закона, которое можетъ положить пятно на него, какъ носителя и представителя мудрости, ибо «тотъ не мудръ, кто ненавидитъ законъ», умный же человѣкъ «разумѣетъ слово Божіе, и законъ для него истиненъ, какъ откровеніе». Но, съ другой стороны, законъ Моисеевъ «полонъ премудростію, какъ Пишонъ и какъ Тигръ во дни новыхъ плодовъ; онъ изливаетъ разумъ, какъ Евфратъ и какъ Іорданъ во дни жатвы; онъ изобилуетъ ученіемъ, какъ Нилъ и какъ Гихонъ во дни сбора плодовъ» (24, 27—29), исполненіе его требуетъ отъ человѣка постояннаго вниманія, — отсюда и выходитъ требованіе крайней осторожности, чтобы не показаться нарушителемъ закона и не быть соблазномъ даже въ собственной семьѣ.

Должно соблюдать законъ и быть осмотрительнымъ

(Сир. 32, 16—33, 6).

16. Кто ищетъ Бога, *тотъ* приметъ наставленіе,
и стремящійся къ Нему пріобрѣтетъ *Его* благоволеніе;
17. кто изслѣдуетъ законъ, *тотъ* насытится имъ,
а лицемѣрствующій преткнется въ немъ.
18. Боящіеся Господа разумѣютъ правду
и правосудіе выносятъ изъ души *своей*;
19. а человѣкъ беззаконный отвергаетъ наставленіе
и по своему произволу искажаетъ правду.

* * *

20. Человѣкъ мудрый не пренебрегаетъ размышленіемъ,
гордецъ и насмѣшникъ не соблюдаетъ закона.

21. Безъ совѣта не дѣлай ничего,
чтобы послѣ того, какъ сдѣлаешь, не раскаяться.
22. По опасному пути не ходи,
чтобы не наткнуться тебѣ вдвойнѣ на бѣду;
23. не полагайся и на путь безопасный,
и *даже* передъ дѣтьми твоими будь остороженъ.

* * *

24. Во всѣхъ дѣлахъ твоихъ соблюдай душу свою:
кто такъ поступаетъ, тотъ соблюдаетъ заповѣди;
25. кто хранитъ законъ, тотъ соблюдаетъ душу свою,
и полагающійся на Господа не посрамится.

Глава 33, 1. Боящагося Господа не постигнетъ зло,
и при искушеніи Онъ снова избавитъ его.
2. *Тотъ* не мудръ, кто ненавидитъ законъ,
онъ колеблется, какъ корабль въ бурю.
3. Умный человѣкъ разумѣетъ слово *Божіе*,
и законъ для него истиненъ, какъ откровеніе.

* * *

4. Приготовь *свою* рѣчь, и тогда тебя будутъ слушать,
приведи въ порядокъ *свое* наставленіе, и тогда отвѣчай.
5. Сердце глупаго—*какъ* колесо въ телѣгѣ,
и мысли его—*какъ* вертящійся валъ.
6. Дружба глупаго—*какъ* осѣдланный конь:
онъ ржетъ подъ каждымъ всадникомъ.

* * *

Мысль о томъ, что и въ удовольствіяхъ человѣкъ не долженъ забывать страха Божія (32, 14—15), даетъ поводъ автору высказать нѣсколько общихъ совѣтовъ о необходимости строго соблюдать законъ Божій и всегда поступать осторожно, тщательно обсуждая каждый задуманный шагъ; такое соблюденіе закона принесетъ пользу самому человѣку, такъ какъ Господь сохранитъ его отъ всякаго зла (32, 16—33, 3). Послѣдніе стихи отдѣла (33, 4—6) содержатъ сравненіе мудраго, осторожнаго въ своихъ рѣчахъ, и глупаго, непостояннаго въ мысляхъ и чувствахъ.

16—17. Человѣкъ долженъ непрестанно искать Господа, т. е. стремиться къ Нему, къ исполненію Его закона, и за это онъ получитъ благоволеніе Божіе, а законъ Божій на-

полнитъ все его существо, станетъ стихіей, въ которой онъ будетъ жить и дѣйствовать. Сл.: „Боящійся Господа пріиметъ (Остр.: пождетъ) наказаніе, и утреннюющіи обрящутъ благоволеніе. Ищай закона насытится его, и лицемѣрствуяй (Остр.: сумняися) соблазнится о немъ". Вмѣсто Гр. и Сл. „боящійся" въ Евр. стоитъ *дорэш* „ищущій", какъ и въ 17 стихѣ; вѣроятно, Гр. замѣнилъ этотъ глаголъ болѣе обычнымъ въ подобныхъ выраженіяхъ: „боящійся Господа". Послѣ слова „наказаніе", т. е. наставленіе, Гр. гл. (248, Cpl.), Лат. и Эѳ. прибавляютъ: „Его", а послѣ „утреннюющіи", т. е. стремящіеся къ нему (ср. 4, 13), нѣкоторые Гр. списки (70, 307), Лат., Коп.-с. и Эѳ. прибавляютъ: „къ нему". Въ Евр. 16 стихъ читается въ трехъ варіантахъ, при чемъ только средній, на основаніи Гр., долженъ быть признанъ первоначальнымъ, хотя вмѣсто „благоволеніе", *рацо́н*, какъ стоитъ въ первомъ варіантѣ, тамъ читается ошибочно מענה „отвѣтъ, услышаніе". Первый варіантъ съ Евр. переводится:

„ищущій Бога надѣется на благоволеніе,
и лицемѣрствующій преткнется въ немъ".

На полѣ къ первому полустишію отнесенъ еще варіантъ:

„ищи Бога живаго, надѣйся, утѣсненный!"

Затѣмъ слѣдуетъ подлинная притча, переданная въ Гр., а далѣе—второй варіантъ ея:

„ищущій милости Божіей приметъ наученіе,
и услышитъ его (Богъ) въ молитвѣ его",

—вмѣсто *йикках* „приметъ" на полѣ предлагается варіантъ *йисса'* „возьметъ". Сир. стоитъ близко ко второму варіанту: „ищущій служенія Богу приметъ наученіе, и когда молится предъ Нимъ, Онъ слышитъ его"; 17 стихъ Сир. опускаетъ,—вѣроятно, потому, что онъ начинается одинаково съ 16-мъ. Гр. и Сл. „насытится" соотвѣтствуетъ Евр. слову *йэфо́кенна̂* „получитъ его" (ср. 4, 13),—здѣсь значеніе „насытится" весьма умѣстно: весь проникнется закономъ Божіимъ, неотступно будетъ ему слѣдовать. „Лицемѣрствуяй" передаетъ Евр. מתלהלה, встрѣчающееся только однажды въ Пр. 26, 18, Рус.: „притворяющійся помѣшаннымъ", по другимъ — „шутникъ"; здѣсь Гр., видимо, правильно передаетъ смыслъ слова: лицемѣръ, только притворяющійся, что исполняетъ законъ, на самомъ же дѣлѣ его нарушающій, непремѣнно „преткнется

въ немъ", т. е., или попадется въ нарушеніи закона, или будетъ наказанъ за это Господомъ. Лат. вмѣсто „лицемѣрствующій" ставитъ: „кто коварно поступаетъ".

18—19. Людямъ благочестивымъ доступно разумѣніе закона, и если они поставлены правителями и судьями, они судятъ по правдѣ и управляютъ справедливо, руководствуясь закономъ; беззаконники же дѣйствуютъ только по внушенію собственнаго произвола, искажая законъ для своихъ личныхъ выгодъ. Сл.: „Боящіися Господа обрящутъ судъ, и оправданія яко свѣтъ возжгутъ (Остр.: изъвнѣ възгорятся). Человѣкъ грѣшникъ уклоняется отъ обличенія, и по воли своей обрѣтаетъ извиненіе (Остр.: обрящетъ подобъство)". Въ Евр. передъ 18 стихомъ имѣется варіантъ его:

„боящійся Господа уразумѣетъ судъ,
и правленіе изъ души изнесетъ",

при чемъ вмѣсто *миннефеш* „изъ души", какъ и въ Сир., въ Евр. ошибочно написано מנשף „изъ сумрака". Въ Гр. и Сир. читается здѣсь множественное число: „боящіеся", какъ и въ Евр. въ стоящей далѣе подлинной притчѣ. Гр. и Сл. „обрящутъ" есть свободный переводъ Евр. *йабӥну* „уразумѣютъ" (ср. 38, 38); подъ „судомъ", *мишпат*, разумѣется здѣсь право, правда, какъ результатъ знанія закона и праваго суда. Сл. и Гр. „оправданія" передаютъ Евр. *тахбӯлӧт* „управленіе", искусство добраго управленія, „правосудіе"; такъ читается въ одномъ варіантѣ притчи, въ другомъ же это слово замѣнено описательнымъ выраженіемъ: *вэхокмӧт раббӧт* „и многую мудрость", какъ и Сир.; Лат.: „судъ правый". Далѣе Гр. и Сл.: „яко свѣтъ возжгутъ" не соотвѣтствуетъ Евр. *йӧцӥ'ӯ миллиббам* „вынесутъ изъ сердца своего", или *миннефеш йӧцӥ'* „изъ души вынесетъ", какъ читается въ варіантѣ; возможно, что Гр. вмѣсто *миннефеш* читалъ כרשף „какъ пламя", а вмѣсто *йӧцӥ'ӯ*—יציתו „зажигаютъ", отъ *йацат* „зажигать"; Евр. чтеніе представляется болѣе правильнымъ. Въ противоположность благочестивому, руководящемуся велѣніями закона, называется „человѣкъ грѣшникъ", *'ӥш хамас* „мужъ насилія", беззаконникъ; такъ читается на полѣ, въ текстѣ же неправильно, подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ стиховъ: *'ӥш хахам* „мужъ мудрый", Сир. „хитрый". „Уклоняется отъ обличенія", буквально съ Евр.: „отклоняетъ обличеніе, наставленіе", т. е. не хочетъ руководиться наставленіями закона, а только собственнымъ произволомъ. Вмѣсто Гр. и

Сл. „и по воли своей“, какъ и въ Сир., въ Евр. читается: *вэ'ахар цоркô* „и во слѣдъ потребности своей“ (ср. 15, 12: „Ему ненужны“, *'ên цôрек*),—вѣроятно, первоначально стояло: *вэ'ахар рэцонô* „и по произволенію своему“. Сл. „обрѣтаетъ извиненіе“ неточно передаетъ Гр. εὑρήσει (248, Cpl.: ἐξευρίσκει) σύγκριμα „найдетъ (выискиваетъ) согласіе“ или „сравненіе“, какъ въ Лат.; послѣднее слово здѣсь, какъ и въ 7 стихѣ (ср. „сладкогласія“ Сл.), указываетъ на Евр. *мишпат*, замѣненное въ Евр. словомъ *тôрâ* „законъ“, не совсѣмъ здѣсь умѣстнымъ. Вмѣсто „обрѣтаетъ“ въ Евр. читается *йимшок*, отъ משך „тянуть, растягивать“: растягиваетъ судъ, т. е. „искажаетъ правду“; Сир. невѣрно: „дѣлаетъ свой путь“.

20—21. Кто желаетъ строго соблюдать законъ, тотъ обдумываетъ каждое свое дѣйствіе, чтобы убѣдиться, не противорѣчитъ ли оно закону; и вообще человѣкъ мудрый ничего не дѣлаетъ, не обсудивъ заранѣе всѣхъ послѣдствій своего предпріятія. „Человѣкъ мудрый не пренебрегаетъ размышленіемъ“, не считаетъ его лишнимъ для себя, а „гордецъ и насмѣшникъ не соблюдаетъ закона“, дѣлая такъ, какъ хочется, не соображаясь ни съ закономъ, ни съ велѣніями собственнаго разсудка. Не такъ долженъ поступать мудрый: „безъ совѣта не дѣлай ничего, чтобы послѣ того, какъ сдѣлаешь, не раскаяться“: сдѣланнаго тогда ужъ не поправить. Въ Гр. и Сл. здѣсь наблюдается явная неисправность текста, которую давно уже старались устранить. Въ Сл. читается: „Мужъ совѣтный (Остр.: совѣтникъ) не презритъ размышленія: чуждый же (Остр.: и туждь) и гордый не убоится страха, и по сотвореніи своемъ безъ совѣта (Остр.: посътвореніи снимъ). Безъ совѣта ничесоже твори, и егда сотвориши, не раскаявайся“.

Въ Евр. здѣсь снова на первомъ мѣстѣ поставленъ варіантъ:

„мужъ мудрый не скроетъ мудрости,
а насмѣшникъ не соблюдетъ языка своего“.

Далѣе слѣдуетъ 20 стихъ, съ нѣкоторыми различіями сравнительно съ Гр.; Сир. и здѣсь переводитъ варіантъ, только вмѣсто „скроетъ“ ставитъ „оставитъ скрытою“. Въ Евр., кромѣ того, на полѣ написанъ еще варіантъ той же притчи:

„мужъ беззаконникъ не приметъ разумѣнія,
гордецъ и насмѣшникъ не приметъ заповѣди“.

Здѣсь *хамас* „беззаконникъ“—явная ошибка, вмѣсто *хакам* „мудрый“; эта ошибка повлекла и дальнѣйшее измѣненіе смысла притчи. Сл. „мужъ совѣтникъ“, точнѣе съ Гр. „мужъ совѣта“, свободно передаетъ Евр. *'îш хакам* „мужъ мудрый“, какъ и въ Сир.,—Гр. чтеніе получилось подъ вліяніемъ начала 21 стиха: „безъ совѣта“. Трудно установить смыслъ дальнѣйшихъ словъ; Сл. и Гр. читаютъ: „не презритъ размышленія“, въ Евр. стоитъ: „не возьметъ подарка“, въ варіантѣ: „не скроетъ мудрости“, на полѣ: „не приметъ разумѣнія“. При неустойчивости Евр. чтенія, остается принять Гр. чтеніе, тѣмъ болѣе, что оно соотвѣтствуетъ контексту, а слово „размышленія“ подтверждается Евр. чтеніемъ, написаннымъ на полѣ. „Человѣкъ мудрый не пренебрегаетъ размышленіемъ“, ничего не предпринимаетъ безъ предварительнаго всесторонняго обсужденія. Гр. и Сл. „чуждый“ явилось вслѣдствіе ошибочнаго чтенія *зар* „чужой“ вмѣсто Евр. *зед* „высокомѣрный, нечестивый“ (ср. 21, 28). Глаголъ „не соблюдаетъ“ читается въ Евр. въ обѣихъ притчахъ, стоящихъ въ текстѣ, а вмѣсто *тôрâ* „закона“ варіантъ ставитъ *лэшôнô* „языка своего“; въ виду предшествующей рѣчи о законѣ (ст. 17), слѣдуетъ признать правильнымъ первое чтеніе: „не соблюдаетъ закона“, не слѣдитъ за тѣмъ, чтобы необдуманнымъ поступкомъ не былъ нарушенъ законъ. Изъ этого чтенія вышло и Гр.: „не убоится страха“,—вмѣсто *тôрâ* Гр. прочелъ *мôра'* „страхъ“, а подъ вліяніемъ такой замѣны поставилъ и глаголъ καταπτήξει, буквально: „присядетъ отъ страха“, Сл. свободно: „не убоится страха“. Предъ 21 стихомъ въ Лат. и Эо. поставлено обращеніе: „сынъ мой“. Сл. „егда сотвориши“ вѣрно передаетъ смыслъ Гр. ἐν τῷ ποιῆσαί σε (155, 248, Cpl. σε опускаютъ), въ Евр. читается: „и послѣ дѣлъ твоихъ“, Сир.: „и послѣ того, какъ сдѣлаешь“, Лат.: „и послѣ сдѣланнаго“. Гр. и Сл. „не раскаявайся“ соотвѣтствуетъ Евр. глаголу *'ал титкаццаф* „не будешь скорбѣть“ (ср. 30, 24): „и ты не будешь скорбѣть“, или: чтобы тебѣ не раскаяться послѣ того, какъ сдѣлаешь что-нибудь необдуманно и не такъ, какъ слѣдовало. Въ концѣ 20 стиха въ Сл. стоятъ слова: „и по сотвореніи своемъ безъ совѣта“, буквально съ Гр.: „и съ содѣланіемъ (μετὰ τὸ ποιῆσαι) съ нимъ безъ совѣта“,—этихъ словъ нѣтъ только въ 70, 157, а въ S* они обозначены астерискомъ; они нарушаютъ стихъ и, видимо, не имѣютъ сколько-нибудь удовлетворительнаго

смысла. Чтобы придать имъ смыслъ, принимали въ текстъ прибавку, стоящую въ Лат.: „и своими изслѣдованіями (insectationibus) будетъ обличенъ“, и переводили всю притчу такъ [1]):

„и когда онъ сдѣлаетъ, то *останется* съ самимъ собою безъ совѣта
и будетъ обличенъ въ неразуміи своемъ“.

Но лишнія слова въ Гр., повидимому, были внесены въ текстъ съ полей рукописи, гдѣ они служили объясненіемъ второй части 21 стиха: вмѣсто ἐν τῷ ποιῆσαι справщикъ предлагалъ читать μετὰ τὸ ποιῆσαι, а затѣмъ прибавилъ для поясненія: „безъ совѣта“ (въ 106, 307, какъ и въ Остр., этихъ словъ нѣтъ), т. е. послѣ того, какъ ты сдѣлалъ что-либо безъ совѣта; „съ нимъ“ могло относиться къ „мужу совѣта“. Лат. же прибавка—обычное въ этомъ переводѣ дополненіе.

22—23. Человѣкъ осторожный не предприметъ ни одного важнаго дѣла безъ обсужденія, и вообще онъ не поставитъ себя въ такое положеніе, въ которомъ могутъ встрѣтиться ему разныя опасности. „По опасному пути не ходи“,—совѣтуетъ бенъ-Сира, разумѣя здѣсь жизненный путь человѣка,—„чтобы не наткнуться тебѣ вдвойнѣ на бѣду“, т. е. вдвойнѣ скорѣе, чѣмъ на обычномъ, не столь опасномъ пути. Но и на послѣднемъ не слѣдуетъ забывать объ осторожности: „не полагайся и на путь безопасный, и даже передъ дѣтьми своими будь остороженъ“, не довѣряй имъ больше, чѣмъ нужно: по своей неопытности они легко могутъ повредить тебѣ. Сл.: „На пути паденія не ходи, и не претыкайся о каменіе: Не вѣруй пути, въ немже не претыкаешися, и отъ чадъ своихъ хранися“. Сл. „паденія“, Гр. ἀντιπτώματος, передаетъ Евр. *мо̀кшот* „ловушекъ“, т. е. опасностей; свободно: „на опасный путь“; Сир.: „путь трудностей“. Глаголъ „не претыкайся“, *'ал титтакел*,—тотъ же, что въ 13, 29. „О каменіе“, какъ и въ Сир., передаетъ Евр. *бэнегеф* „въ язву, въ пагубу“, *'ебен негеф* въ Ис. 8, 14 значитъ: „камень претыканія“, чѣмъ и объясняется Гр. и Сир. переводъ; свободно можно перевести: „на бѣду“. Евр. слово „вдвойнѣ“, переданное въ Сир., въ Гр. и Сл. опущено; но возможно, что вмѣсто ἐν λιθώδεσιν „на каменистыхъ (мѣстахъ)“ первоначально

[1]) См. *V. Ryssel* in *E. Kautzsch'* Apokryphen, I, S. 393, ср. *O. Fritzsche*, Kurzg. exeg. Handbuch zu Apokryphen, V, S. 374.

въ Гр. стояло: ἐν λίθῳ δίς „на камнѣ дважды", какъ въ Сир. [1]) „Не вѣруй", какъ и въ Евр., значитъ—„не ввѣряйся, не полагайся", т. е. не будь баззаботенъ, слѣдуя и по такому пути, который не грозитъ тебѣ никакими опасностями. Сл. „въ немже не претыкаешися" свободно передаетъ Гр. ἀπροσκόπῳ „безсоблазненномъ", не представляющемъ опасностей; въ Евр. читается מחתף, онъ *хетеф* „грабежъ" (חתף „грабить") и *мин* въ значеніи „вдали отъ, безъ" (какъ *миммӯм* „безъ пятна", Іов. 11, 15 и др.),—„путь безъ грабежа", т. е. безопасный. Сл. и Гр. „отъ чадъ своихъ" соотвѣтствуетъ Евр. слову *бэ'ахарӣтка* „въ потомствѣ твоемъ", свободно по смыслу—„передъ дѣтьми" (ср. 16, 4): указывается крайняя степень осторожности, когда человѣкъ даже передъ собственными дѣтьми не считаетъ возможнымъ обходиться безъ нея; раньше бенъ-Сира совѣтовалъ такую же осторожность передъ друзьями (6, 13). Сир. передаетъ здѣсь варіантъ притчи, стоящій въ Евр. послѣ 23 стиха:

„не довѣряйся пути грѣшниковъ,
и на стезяхъ твоихъ будь остороженъ";

„грѣшниковъ"—явно позднѣйшая поправка, а „на стезяхъ" получилось вслѣдствіе ошибочнаго чтенія *'арахо̂т* вмѣсто *'ахарӣт*. Въ Лат. слову „паденія" соотвѣтствуетъ ruinae, откуда Рус. и Р. 59: „гдѣ развалины"; слово „безсоблазненный" передается: „трудный", затѣмъ между полустишіями 23 стиха имѣется вставка:

„не полагай душѣ твоей соблазна".

а послѣ этого стиха добавляется:

„и домашнихъ твоихъ остерегайся".

24—25. Послѣ общихъ наставленій объ осторожности во всѣхъ дѣлахъ своихъ, бенъ-Сира снова (ср. ст. 16—19) убѣждаетъ соблюдать законъ, такъ какъ въ этомъ выгода для самого человѣка: „полагающійся на Господа не посрамится". Сл.: „Во всяцѣмъ дѣлѣ блазѣ вѣруй душею твоею (Остр.: въ всяцѣмъ дѣлѣ не вѣруи души своеи): ибо сіе есть соблюденіе заповѣдей (Остр.: закона). Вѣруяй закону внимаетъ заповѣдемъ: и уповаяй на Господа не умалится". Въ Евр. и здѣсь имѣется варіантъ 24 стиха, ему предшествующій:

---

[1]) См. *N. Peters*, Hebr. Text des B. Eccli., S. 131.

„во всѣхъ путяхъ твоихъ соблюдай душу твою,
ибо всякій, дѣлающій это, соблюдаетъ заповѣдь".

На полѣ читается множ. число: „заповѣди". Сир. передаетъ этотъ варіантъ. Сл. „блазѣ" соотвѣтствуетъ прибавкѣ въ Гр. гл. (248, 308, Cpl.). „Вѣруй душею твоею"—неточный переводъ съ Гр., гдѣ читается: „довѣряй душѣ твоей"; но въ Евр. вмѣсто „довѣряй" стоитъ *шэмор*, повторяющееся и далѣе, т. е. „сохраняй, соблюдай", береги душу твою тѣмъ, что будешь соблюдать заповѣди и чрезъ это угодишь Богу. Гр. „довѣряй" взято изъ 23 стиха. Второе полустишіе Гр. передаетъ свободно; въ Евр. оно читается буквально: „ибо дѣлающій это—соблюдающій заповѣдь", т. е. дѣлаетъ это, соблюдаетъ свою душу, тотъ, кто соблюдаетъ заповѣди (един. число въ Евр., какъ и въ Гр. 55, 155, 157, 254, поставлено вмѣсто множественнаго). Та же мысль опредѣленнѣе выражается и въ 25 стихѣ, гдѣ Сл. и Гр. „вѣруяй закону" стоитъ вмѣсто: „хранящій законъ", исполняющій его (296, 308: „придержащійся закону"), а слова: „внимаетъ заповѣдемъ" (A, S, 23, 248, 253, 307, Cpl.: „заповѣди") ошибочно взяты изъ 24 стиха, здѣсь же въ Евр. читается: „соблюдаетъ (буквально: соблюдающій, *шо̂мер)* душу свою". Почти та же мысль и въ тѣхъ же выраженіяхъ содержится въ Прит. 19, 16: „хранящій заповѣдь хранитъ душу свою", и въ Прит. 16 17: „тотъ бережетъ душу свою, кто хранитъ путь свой". Въ концѣ 25 стиха Гр. и Сл. „не умалится" неточно передаетъ Евр.: „не посрамится"; Сир.: „никогда не погибнетъ". Въ Гр. гл. (248, Cpl.) и Лат. вмѣсто „закону" читается „Господу", а вмѣсто „на Господа" поставлено: „на Него"; Лат., кромѣ того, послѣ „вѣруй" въ 14 стихѣ ставитъ: „по совѣсти" (ex fide).

33, 1. Въ тѣсной связи съ предшествующимъ полустишіемъ, въ началѣ 33-ей главы (по неправильному счету 36-й) заявляется, что „боящагося Господа не постигнетъ зло", и если Господь пошлетъ ему испытаніе (ср. 2, 1—6), то не дастъ ему погибнуть и снова вернетъ ему Свою милость. Сл.: „Боящагося Господа не срящетъ зло: аще и въ напасть впадетъ, паки изметъ его",—разумѣется, Господь. Здѣсь „аще и въ напасть впадетъ" свободно передаетъ Гр. „въ искушеніи", Евр. *бэнӣ́ссӯй*; *нӣ́ссӯй*, какъ и *ниссайон* (ср. 4, 19), значитъ „испытаніе, искушеніе". Сл. и Гр. „паки изметъ" соотвѣтствуетъ Евр. обороту: „возвратитъ и избавитъ",—въ рукописи край листа испорченъ, и отъ этихъ словъ сохранились

только остатки буквъ; Лат.: „Богъ сохранитъ его и избавитъ отъ зла".

2—3. Такъ какъ мудрость и праведность у бенъ-Сира—синонимы, то ясно, что не можетъ быть мудрымъ тотъ, кто не только не слѣдуетъ закону, но и ненавидитъ законъ, какъ мѣшающій ему жить по произволу. „Онъ колеблется, какъ корабль въ бурю", такъ какъ нѣтъ у него твердой опоры въ Богѣ и Его законѣ, который для умнаго и благочестиваго человѣка непреложенъ, какъ откровеніе Божіе. Сл.: „Мужъ премудръ не возненавидитъ закона, сумняйжеся въ немъ яко же въ бури корабль. Человѣкъ разумивъ вѣру иметъ закону, и законъ ему вѣренъ",—дальнѣйшія слова: „яко вопрошеніе праведныхъ" отнесены въ Сл., подобно Лат., уже къ 4 стиху. Въ Сир. 2 — 4 стихи опущены. Въ первомъ полустишіи 2 стиха въ Гр. и Сл. подлежащее сдѣлано сказуемымъ и наоборотъ: вмѣсто „не мудръ ненавидящій", *ло' йэхкам сôнэ'*, тамъ читается: „мужъ премудръ не возненавидитъ"; но во второмъ полустишіи — то же подлежащее, что и въ первомъ, и именно „ненавидящій законъ", какъ въ Евр. Здѣсь „сумняйся" невѣрно передаетъ Гр. ὁ ὑποκρινόμενος „притворяющійся, лицемѣръ", а въ Евр. читается *митмôтет* отъ מוט „шататься, колебаться": нарушитель закона сравнивается съ кораблемъ въ бурю, который „шатается, колеблется", такъ какъ не имѣетъ опоры; Лат.: „и не будетъ разбиваемъ", а вмѣсто „законъ" ставитъ здѣсь: „заповѣди и оправданія (justitias)". Конецъ стиха, какъ и слѣдующаго, въ Евр. утраченъ, вслѣдствіе поврежденія листа. Вмѣсто „вѣру иметъ закону" въ 3 стихѣ въ Евр. стоитъ: „разумѣетъ слово", т. е. слово Божіе, какъ синонимъ закона, о которомъ говорится дальше въ Гр.: „и законъ для него вѣренъ, какъ вопрошеніе явныхъ", δήλων,—Сл. „вопрошеніе праведныхъ" соотвѣтствуетъ чтенію Гр. В: δικαίων; въ Евр. читается только *вэтôратô* „и законъ Его", остальныя слова утрачены. Можно думать, что словомъ „явныхъ" Гр. передалъ Евр. *'урîм*, какъ оно передается иногда у LXX: разумѣется урим и туммимъ, при посредствѣ которыхъ первосвященникъ въ важныхъ случаахъ получалъ отъ Господа откровеніе (Исх. 28, 30, ср. Числ. 27, 21); поэтому и здѣсь о законѣ можно сказать: для благочестиваго онъ „истиненъ, какъ откровеніе" Божіе.

4. Осторожность и строгое обдумываніе своихъ рѣчей и поступковъ (ср. 32, 20—23) особенно необходимы для учителя,

къ которому другіе обращаются за разъясненіемъ своихъ недоумѣній. Сл. (послѣ „Яко вопрошеніе праведныхъ“, см. 3 ст.): „приготови слово, и тако услышанъ будеши (Остр.: услышиши): сочетай наказаніе, и тогда отвѣщай“. Сир. опускаетъ эту притчу (ср. 2—3 стихи); въ Евр. ея также нѣтъ, какъ и дальнѣйшихъ, вплоть до 35, 7 включительно. Мудрый учитель, чтобы его слушали внимательно, приготовляетъ свою рѣчь и „связываетъ наставленіе“, т. е. приводитъ въ порядокъ тѣ мысли, какія намѣренъ высказать, и тогда только даетъ отвѣтъ вопрошающимъ. „Тогда“ въ Сл. читается вслѣдъ за многими Гр. списками (23, 55, 157, 248, 253, 254, Cpl.), въ другихъ читается: „и такъ“ (S, 70, 106, 307), въ остальныхъ просто: „и отвѣчай“. Лат. переводитъ, въ связи съ концомъ 3 стиха: „кто вопрошеніе объявляетъ, (тотъ) будетъ приготовлять слово, и такъ вопрошенный будетъ выслушанъ, и соблюдетъ ученіе и тогда будетъ отвѣчать“.

5—6. Въ противоположность мудрому, обдумывающему всѣ свои слова и поступки, глупый неустойчивъ ни въ своихъ мысляхъ, ни въ привязанностяхъ. Мысли его похожи на вертящееся колесо: онѣ текутъ, ни на чемъ долго не останавливаясь, не сосредоточиваясь, а дружба его похожа на осѣдланнаго коня, который готовъ служить всякому, кто на него сядетъ, въ ней нѣтъ постоянства. Сл.: „Коло колесничное (Остр.: колесное) утроба буяго, и якоже ось вертящаяся помышленіе его. Конь на ярженіи яко другъ лицемѣренъ (Остр.: зазривъ), подъ всяцѣмъ яздящемъ ржетъ“. Въ первыхъ трехъ полустишіяхъ на первомъ мѣстѣ поставлены сравнительныя предложенія, на второмъ—главныя; по-русски удобнѣе наоборотъ: „сердце глупаго—какъ колесо въ телѣгѣ“ и т. д. Вмѣсто Сл. „колесничное“, Р. 59 „въ телѣгѣ“, Сир. ставитъ: „быстрое“, вмѣсто „утроба“ въ Сир. читается „сердце“, что здѣсь вполнѣ умѣстно (ср. 21, 17), такъ какъ въ параллельномъ полустишіи говорится о „мысляхъ“ или „помышленіи“ глупаго человѣка. „Ось вертящаяся“—буквальный переводъ съ Гр.; разумѣется, вѣроятно, „вертящійся валъ“ надъ колодцемъ, посредствомъ котораго достаютъ изъ него воду (ср. Еккл. 12, 6), а не „вертящаяся ось“ колесницы, такъ какъ она обычно не вращается вмѣстѣ съ колесомъ [1]). Въ Сир. ошибочно: „и какъ свинья — всѣ его мысли“: можетъ

[1]) Ср. *Rich*, „Dict. of Antiq. p. 72“, in *Wace'* Apocrypha II, p. 164.

быть, въ Евр. здѣсь стояло причастіе חוֹר съ значеніемъ „вращающійся“, Сир. же прочелъ его какъ *хазйр* „кабанъ“ [1]). Какъ непостоянны и неустойчивы мысли глупаго, такъ же ненадежна и его дружба: сегодня онъ дружитъ съ однимъ, завтра—съ другимъ, какъ верховой конь ржетъ подъ любымъ всадникомъ. Сл. „на жженіи“ передаетъ въ 6 стихѣ Гр. εἰς ὀχεῖον (253: ισοχειος, 307: ισοχιων) или εἰς ὀχείαν (B, S*, 248, 254), т. е. жеребецъ „для случки“ (Рус. и Р. 59: „ярый конь“); вѣроятно, переводчикъ только усилилъ образъ,—въ Сир. читается: „конь приготовленный“, т. е. осѣдланный,—онъ ржетъ отъ нетерпѣнія, готовый нести своего всадника. Сл. „лицемѣренъ“ свободно передаетъ Гр. μῶκος „насмѣшникъ“,—въ нѣкоторыхъ спискахъ читается μοιχός „прелюбодѣй“ (23, 70, ср. φιλόμοιχος въ 55, 254) или μωρός „глупый“ (S*); Сир. подтверждаетъ послѣднее чтеніе: „дружба глупаго“,—при этомъ чтеніи 6 стихъ становится въ тѣсную связь съ 5-мъ. Но далѣе вмѣсто „яздящемъ“, точнѣе съ Гр. „сидящимъ“ на немъ, т. е. „всадникомъ“, Сир. ставитъ ошибочно: „любящимъ его“. Лат. въ 6 стихѣ читаетъ: „конь выпускной“,—emissarius поставлено вмѣсто первоначальнаго admissarius „припускной, случный“; вмѣсто „яко“ Лат. ставитъ болѣе умѣстный здѣсь союзъ „такъ“.

Прот. **А. Рождественскій.**

---

[1]) См. *R. Smend*, Die Weisheit J. Sir., S. 297.

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В.А. Кожевников

О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем

Опубликовано:
Христианское чтение. 1909. № 12. С. 1534-1564.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

О значеніи христіанскаго подвижничества въ прошломъ и въ настоящемъ *).

Рядомъ съ поученіемъ шли дѣла милосердія, которое русское иночество съ самаго своего начала включило въ существенныя обязанности [1]) и которое въ древней нашей церковно-учительной письменности стало, подъ именемъ «нищелюбія», даже первою нравственною обязанностью, безъ чего всѣ аскетическіе подвиги безсильны. Нищелюбіе—главная тема «Пролога», въ видѣ цѣлаго ряда святоотеческихъ переводныхъ и самостоятельныхъ русскихъ поученій, проходящая черезъ весь годовой церковный кругъ, можно сказать, изо дня въ день [2]); «Нищелюбіе больше есть молитвы, поста и иныхъ спасительныхъ и богоугодныхъ дѣлъ», выше самого дѣвства, «его же ничто же выше» [3]). Милостыня возводится въ настоящій поэтическій апоѳеозъ: «самъ Христосъ Вседержитель ходитъ во образъ нищаго; дающій бо нищему, Христу въ руцѣ даетъ... Слышаще се, будемъ милостивы и страннопріимцы и нищелюбцы» [4]). Изъ всѣхъ предписаній аскетическаго жизне-

*) Окончаніе. См. ноябрь.

[1]) Житіе преп. Ѳеодосія (Яковлевъ. Памятники), стр. 41—55, и Патерикъ печерскій: Никола Святоша, князь, раздавшій все имѣніе свое бѣднымъ, и Агапитъ, врачъ безмездный („никако же николи же ни отъ кого что взяхъ"); Григорій „ничто же имѣя, развѣ книгъ, продавъ ихъ раздасть убогимъ". (Яковлевъ. Памятники. 136, 137, 138); Алипій иконописецъ, отдававшій бѣднымъ заработокъ свой 176 и т. д.; Варлаамъ Хутынскій, все свое раздавшій, сдѣлалъ благотворительность заповѣдью своего монастыря.

[2]) Пономаревъ. Рѣчь о значеніи Пролога 22—25.

[3]) Прологъ 27 и 31 марта.

[4]) Прологъ 18 октября: о нѣкоемъ игуменѣ, его же искуси Христосъ во образѣ нищаго.

воззрѣнія это, повидимому, наиболѣе охотно выполнялось древнею Русью, замѣнявшей милостынею отсутствіе организованной благотворительности.

Примѣры иноковъ-подвижниковъ являются и въ этомъ отношеніи руководящими для всего общества. Заповѣдь о милосердіи преп. Сергія, «никогда не оставлявшаго благотворенія, никого изъ неимущихъ не отпускавшаго съ пустыми руками», вмѣнившаго своей братіи въ обязанность призрѣніе странниковъ и уходъ за больными, — эта заповѣдь исполнялась не только ближайшими его учениками и преемниками, но и хранилась еще и въ XVII вѣкѣ [1]), приводя въ изумленіе чужеземцевъ своими широкими проявленіями [2]). И такъ было не въ одной Троицкой обители, но и во многихъ другихъ, во всѣхъ лучшихъ. Говоря это, мы не хотимъ закрывать глаза на темныя стороны монашеской жизни древнерусской: корысть и любостяжаніе не были рѣдкостью въ ней, особенно тамъ, гдѣ, какъ въ Новгородѣ и въ особенности во Псковѣ, она слагалась по типу полумонастырскаго келліотства, съ сохраненіемъ частной собственности въ отшельническихъ обителяхъ и съ обычаемъ вкладничества въ общежительныхъ [3]), обычая, превращавшаго иноковъ въ общину найщиковъ, считавшихъ себя имущественно самостоятельными, «ядущихъ и пьющихъ свою силу», не хотѣвшихъ знать общихъ правилъ поведенія, «не желавшихъ ни въ церковь ходить, ни въ кельяхъ своихъ прилежно молиться», и, по словамъ лѣтописца, «одержимыхъ стяжаніемъ и всѣми житейскими печальми» [4]). Но, въ противоположность этимъ «полумонахамъ», какъ ихъ звали, и лжемонахамъ, каковыми они были, съ полнымъ основаніемъ можно утверждать, что не было ни одного подвижника, основателя или выдающагося руководителя монастыря, который, несмотря

---

[1]) Симонъ Азарьинъ. Книга о новоявленныхъ чудесехъ. 14. 18.

[2]) Герберштейнъ. Записки о Московіи. 18. Паломниковъ въ Лаврѣ „не бѣ числа“ говоритъ современникъ.

[3]) Объ институтѣ вкладничества, существовавшемъ уже въ домонгольскій періодъ (Голубинскій. Ист. рус. Ц. I, 2, 604 сл.), — подробно у Никитскаго: Очерки внутренней исторіи Пскова. Спб. 1873, 233 сл. и Серебрянскій. Очерки по исторіи псковскаго монашества. М. 1908, 226 сл.; 334 сл. О вкладчикахъ-мірянахъ, весьма многочисленныхъ, не отрѣшавшихся отъ міра и мірскихъ занятій, но въ то же время обезпечивавшихъ себѣ полученіе содержанія отъ монастыря, см. Никитскій, Очеркъ внутр. исторіи церкви въ Вел. Новгородѣ. Спб. 1879, 88.

[4]) П. С. Р. Лѣт. VI, 284, IV, 237—238.

на всю личную склонность къ «пустынному» и созерцательному житію, не отличался бы дѣятельнымъ милосердіемъ и не заповѣдалъ бы его своей братіи. Нестяжательность для себя и даже для обители—съ одной стороны, готовность къ помощи нуждающимся—съ другой,—вотъ общая имъ, характерная черта. Такимъ «учителемъ безымѣнія» былъ, напримѣръ, прп. Кириллъ Бѣлоозерскій, поставившій своей братіи «во главу добродѣтелей» заповѣдь милосердія и любви, не словомъ только, но и собственнымъ примѣромъ, когда, во время голода, онъ раздавалъ народу безъ остатка все, что было въ монастырскихъ закромахъ, чудеснымъ образомъ однако не перестававшихъ пополняться, по сказанію о жизни святого [1]). Такими же нестяжателями были Стефанъ Махрищскій, Евѳимій Суздальскій и «великій наставникъ о странноюбіи и о трудехъ» Димитрій Прилуцкій († 1392 г.), отказавшійся отъ пожертвованій на монастырь, внушая благотворителямъ, что рабовъ и сиротъ подобаетъ питать прежде, чѣмъ иноковъ [2]). Діонисій Глушицкій († 1437 г.) на предложеніе князя Юрія Ивановича просить имѣнія для монастыря отвѣтилъ: «инокомъ достоитъ молитися: благій нашъ Учитель Господь рече своимъ ученикомъ: «не стяжите ни злата, ни сребра»; братіи же своей, тотъ же праведникъ внушаетъ: «наипаче подвигнемся помогати нищимъ и сиротамъ и вдовицамъ», что́, въ голодную годину, и выполнялось въ его обители, до послѣдняго мѣшка муки, не думая о завтрашнемъ днѣ, но зато твердо помня, что́ ожидаетъ на Страшномъ Судѣ тѣхъ, кто не накормилъ алчущихъ [3]). Григорій Пельшемскій († 1449 г.) включаетъ заповѣдь добрыхъ дѣлъ вообще и милованія нищихъ и братолюбія въ особенности въ свое предсмертное поученіе, а самъ, во времена Шемякиной смуты, кормитъ множество крестьянъ и даетъ имъ пріютъ въ своей обители [4]). Корнилій Комельскій († 1537 г.) отказывается отъ щедрыхъ даровъ Василія III: «не восхотѣ бо просити ничесоже», кромѣ «земли мало съ лѣсомъ», чтобы «отъ поту лица своего ѣсть хлѣбъ свой и кормить мимопроходящихъ», что́ и выполнялось до раздачи послѣдняго имѣвшагося [5]).

[1]) Кадлубовскій. 183—186.

[2]) Тамъ же, 193, 191.

[3]) Тамъ же. 195, 199, и Коноплевъ, 50.

[4]) Житіе прп. Григорія Пельшемскаго. Великія Минеи Четьи. 30 сент., 2278.

[5]) Кадлубовскій, 299. Коноплевъ. 88—89, 92.

Достойно замѣчанія, что наилучше организованнаго и наибольшаго развитія благотворительность достигаетъ у нѣкоторыхъ подвижниковъ, отличавшихся мрачнымъ пессимизмомъ настроенія, величайшею требовательностью въ исполненіи аскетическихъ правилъ и доходившею до суровой нетерпимости ревностью о чистотѣ правовѣрія: таковы Пафнутій Боровскій и Іосифъ Волоколамскій. Тотъ самый «ярый окомъ» Пафнутій, что внушалъ трепетъ и страхъ своими рѣчами о Богѣ грозномъ, карающемъ, почти забывая упоминать о Богѣ милующемъ и прощающемъ, считавшій крупнымъ грѣхомъ всякое общеніе съ міромъ, не дозволявшій себѣ ни слова къ женщинѣ, ни взгляда на нее, «даже издалече», изгонявшій прочь инока за какой бы то ни было разговоръ, «кромѣ божественнаго Писанія», этотъ самый кажущійся мизантропъ во время голода кормилъ въ обители своей болѣе, чѣмъ по тысячи человѣкъ въ день [1]). Сходный по духу съ этимъ учителемъ своимъ, Іосифъ Волоколамскій, сочувствовавшій повелѣнію Василія III «еретикомъ языки рѣзати и огнемъ казнити» и даже благодарившій Бога за такую ревность въ охранѣ правовѣрія, этотъ аскетъ, смѣло и грозно относившійся къ властнымъ и сильнымъ міра, былъ полонъ милосердія къ «меньшей братіи», къ крестьянамъ, и ко всѣмъ нуждающимся: украдутъ у кого-либо изъ нихъ косу, или иное что, пала ли у кого лошадь или «доилица»,—и вотъ, «вси, отъ скорби, притекаша къ отцу, исповѣдуя скорбь свою; онъ же имъ даяше цѣну ихъ» [2]). Въ голодные года онъ кормилъ цѣлыя толпы безпомощныхъ, а въ особомъ, при монастырѣ устроенномъ пріютѣ —дѣтей, покинутыхъ родителями, за невозможностью прокормить ихъ; онъ «питалъ этихъ чужихъ чадъ и заботился о нихъ такъ, какъ будто они были его собственныя» [3]). «Дышавшій гнѣвомъ на нечестіе», онъ всякому больному готовъ былъ на услугу, «питая и напояя, подымая и постеля устрояя, прихождая и утѣшая» [4]).

Такъ исполняли заповѣдь милосердія и нищелюбія тѣ

---

[1]) Кадлубовскій. 213—218.

[2]) Житія Іосифа Волоколамскаго, изд. Невоструева въ Чтен. Общ. Люб. Дух. Просвѣщ. 1865, 36—38, 53.

[3]) Тамъ же, 49 сл.; 134—135.

[4]) Тамъ же, 86.

вожди обновленія монашеской жизни въ XV вѣкѣ [1]), которые своимъ выдающимся вліяніемъ на свѣтскую власть, а черезъ нее и на жизнь государственную, непосредственнымъ участіемъ въ текущихъ дѣлахъ церкви и, наконецъ, реформою самого иноческаго быта, въ смыслѣ болѣе систематической и строгой его организаціи, имѣли, несмотря на свой собственный суровый аскетизмъ, возможность довольно часто, дѣятельно, активно соприкасаться съ общественными нуждами и заботами. Это вмѣшательство «іосифлянъ» въ жизнь міра встрѣтило, какъ извѣстно, отпоръ въ лицѣ другого направленія тогдашняго иночества, направленія болѣе склоннаго къ уединенію скитскому, къ созерцательному образу жизни. Рѣшительно отдѣляясь отъ міра и печалей его, эти подвижники полагали, что отшельнику, при совершенномъ выполненіи его аскетическихъ задачъ, является помѣхою какое бы то ни было соприкосновеніе съ міромъ, не исключая и вызываемаго даже наилучшими побужденіями, тѣми, что заставляли и такихъ суровыхъ аскетовъ, какъ Пафнутій и Іосифъ, превращаться въ кормильцевъ голодныхъ и въ отцовъ сиротъ. Чтобы осуществить эти дѣла милосердія въ ихъ широкомъ размѣрѣ, нужно было имѣть то, что надо было раздавать, то, чѣмъ надо было питать, одѣвать, лечить. Между тѣмъ, какъ Павелъ Обнорскій раньше, такъ теперь Нилъ Сорскій и Корнилій Комельскій, стояли за абсолютное, безусловное «ничего—неимѣніе». «Притяжаніе селъ и содержаніе многихъ имѣній» Нилъ Сорскій считалъ совершенно недозволительнымъ для монастырей. На Соборѣ 1503 года онъ, со старцемъ Паисіемъ, возбудилъ вопросъ объ отобраніи вотчинъ у монастырей [2]) и «молилъ объ этомъ самодержца, ради крѣпкаго жительства и добродѣтели множества» [3]). Ученикъ Нила, Вассіанъ Патрикѣевъ, самъ княжескаго рода и близкій къ великому князю Василію III, настойчиво поддерживалъ это требованіе, «бесѣдуя съ бого-

---

[1]) Кромѣ исторій церкви, см. Хрущовъ. Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина. Спб. 1868. Архангельскій: Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ. I. Спб. 1881, а изъ источниковъ—житія Іосифа, изд. Невоструевымъ, и полемическія сочиненія Вассіана: Правосл. Собесѣдникъ 1863. III.

[2]) Посланіе неизвѣстнаго о враждѣ на Іосифлянъ („Письмо о нелюбкахъ“) въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. Отцевъ. X, 505. Ср. Павловъ. Историч. очеркъ секуляризаціи церковн. земель въ Россіи.

[3]) Житіе Іосифа Вол., изд. Невоструева. 39.

любивыми князи, плачася и рыдая церковнаго нестроенія» и убѣждая «у церквей и монастырей села отъимати» [1]). Скитская нищета, поддерживающая жизнь исключительно трудами рукъ своихъ,—вотъ, по убѣжденію этихъ крайнихъ «нестяжателей», надежнѣйшая охрана чистоты иноческаго житія. Оттого преп. Нилъ не признавалъ вещественную благотворительность за монашескую обязанность: «излишняя не подобаетъ намъ имѣти... Не имѣяй бо излише нужныя потребы, не долженъ есть таковый даяніе даети, и аще речетъ: «не имамъ»,—нѣсть солгалъ... Пишетъ же св. Исаакъ (Сиринъ): «нестяжаніе высши есть таковыхъ подаяній; милостыня бо иноческая—еже помощи брату словомъ во время нужды и утѣшити ему скорбь разсужденіемъ духовнымъ... Се есть душевная милостыня, и толико есть высши тѣлесныя, елико душа высши тѣла, глаголетъ святый Дорооей» [2]). Эта тенденція замѣтно отражается на монастырскихъ уставахъ, вырабатывающихся въ эту и послѣдующую, ближайшую пору: преп. Корнилій въ своемъ уставѣ (гл. 6) воспрещаетъ просить что бы то ни было у кого бы то ни было, во избѣжаніе даже малѣйшаго «вещепристрастія». Такую же строгость встрѣчаемъ въ уставѣ преп. Евфросина Псковскаго [3]) и въ поученіи Саввы Крыпецкаго. Ученикъ Нила Сорскаго, горячій защитникъ православія на Литвѣ, старецъ Артемій столь же рѣшительно высказывается за «нищее, безмолвное и безвещное житіе», въ противоположность «окаянному обычаю стяжанія селъ и многихъ служебъ»,—дѣлу, приличествующему не иноческому сану, а «царской, паче же мучительской власти» [4]).

Но это увлеченіе преимуществами скитскаго житія вполнѣ отрѣшившагося отъ заботъ мірскихъ, только у немногихъ, уже въ область ереси уклонившихся противниковъ всякой собственности и всякаго гражданскаго порядка, приняло характеръ дѣйствительнаго равнодушія къ обязанности дѣя-

---

[1]) Полемич. сочиненія Вассіана Патрикѣева. Правосл. Собесѣдникъ. 1863. III, 197, 207.

[2]) Преданіе преподобнаго отца нашего Нила Сорскаго ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ. Спб. 1889 (изд. 3), 51—52.

[3]) Онъ изданъ Серебрянскимъ въ Псковскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1902 г., часть неоффиціальная, № 1—4. О преп. Евфросинѣ—въ его же Очеркахъ по исторіи псковскаго монашества и у Малинина. Старецъ Филоѳей.

[4]) Посланіе старца Артемія: Русс. Историч. Библіотека. IV, 1258—1261.

тельнаго милосердія, такъ, напримѣръ, у Ѳеодосія Косого, который, преувеличивая вышеизложенныя тенденціи «заволжскихъ старцевъ» (противниковъ іосифлянъ), дошелъ до анархическихъ взглядовъ на собственность и на власть, и находилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что «поповское повелѣніе имѣнія приносити и нищимъ подаяти» не распространяется на монаховъ, которые сами — «нищіе псы» и потому свободны отъ долга благотворенія [1]). Всѣ же упомянутые нами праведные подвижники, несмотря на всю свою склонность къ созерцательному пустынножительству, не уклонялись отъ дѣлъ милосердія каждый разъ, когда волна житейской нужды и печали докатывалась до порога ихъ скитовъ и келій, сокрытыхъ во мшистыхъ болотахъ и лѣсныхъ зарослях угрюмаго сѣвера. Такъ Павелъ Обнорскій († 1429 г. 112 лѣтъ отъ роду), принявшій иночество 22-лѣтнимъ юношею, прожившій 50 лѣтъ «въ безмолвіи по разнымъ пустынямъ» и еще 40 въ монастырѣ, этотъ законченный представитель самоуглубленнаго подвижничества, «тщательно трудившійся (по словамъ его жизнеописанія) надъ молитвеннымъ очищеніемъ ума и надъ сосредоточеніемъ свѣта божественнаго разума въ сердцѣ своемъ», проводившій долгіе часы «въ неподвижномъ созерцаніи славы Божіей» среди окружавшихъ его звѣрей и птицъ въ глухихъ лѣсныхъ дебряхъ,—былъ въ то же время «нравомъ милостивъ и благоприступенъ», и братіи обители своей повелѣлъ «въ рукодѣліи коемуждо труждатися, да не токмо отъ своихъ трудовъ хлѣбъ снѣдятъ, но да и о нищихъ любовь показуютъ» [2]). Такъ и Нилъ Сорскій, несмотря на вышеприведенный взглядъ его на несущественное значеніе вещественной благотворительности, предписываетъ: «аще ли же страненъ кто пріидетъ,—упокоити его, елико по силѣ нашей, и по сихъ, аще требуетъ, даяти ему благословеніе хлѣба» [3]). Вассіанъ Патрикѣевъ, раздѣлявшій принципіальное убѣжденіе о необязательности для инока попеченій о матеріальной помощи нуждающимся, включаетъ тѣмъ не менѣе въ понятіе христіанскаго совершенства «нищету, милостыню и всякое братолюбіе и состраданіе» [4]); а преп. Евфросинъ въ своемъ уставѣ предписываетъ

---

[1]) Смирновъ. Какъ служили міру подвижники древней Руси? 49.

[2]) Кадлубовскій. 204—206.

[3]) „Преданіе ученикомъ“, 52.

[4]) Посланіе Вассіана Патрикѣева. „Правосл. Собесѣдникъ“, 1863 III, 108, 207.

«всячески потщиться принять и успокоить пришлеца-странника, кто бы онъ ни былъ, инокъ или мірянинъ; давать ему пріютъ трехдневный, не укоряя его и не принуждая къ труду, и отпускать съ милостынею»; равнымъ образомъ не отказывать въ хлѣбѣ нуждающимся звѣроловамъ, крестьянамъ или рабочимъ, и отнюдь не брать денегъ за что-либо, ибо «иже кто продаетъ хлѣбъ печеный—подъ запрещеніемъ великимъ таковый; все бо Божіе есть: или хлѣбъ, или риза, или злато, или сребро», а потому «еже кто и хощетъ купити на деньги, никакоже того учините, но туне давайте» [1]). Такъ, даже принципіально несочувствовавшіе благотворительному вмѣшательству иноковъ въ заботы о печаляхъ и нуждахъ мірскихъ, и тѣ, въ собственной жизни и въ правилахъ для своихъ чадъ духовныхъ, являлись всегда дѣятельными человѣколюбцами.

Необходимо при этомъ отмѣтить общую русскимъ подвижникамъ черту: ихъ заступничество за слабыхъ, за угнетенныхъ и обездоленныхъ въ свѣтскомъ общежитіи. Это такъ называемое «печалованіе» за «меньшую братію», за «младшую чадь», и даже за осужденныхъ, «опальныхъ», установившееся съ древнѣйшихъ временъ [2]) и сдѣлавшееся какъ бы особою прерогативою духовенства [3]), держалось, въ сущности, не на юридическихъ правомочіяхъ, а на религіозно-нравственномъ авторитетѣ выдающихся пастырей церкви и иноковъ-подвижниковъ, которымъ ихъ праведность, презрѣніе къ выгодамъ свѣтскимъ и нелицепріятіе давали смѣлость стоять мужественно за слабаго, обиженнаго и за кающагося виновнаго передъ сильнымъ и властнымъ. Таковъ былъ преп. Сергій, по словамъ его жизнеописателей, «заступникъ теплъ, печальнымъ утѣшеніе, скорбящимъ и сѣтующимъ радостотворецъ, ратующимся и гнѣвающимся миротворецъ..., безвременнымъ печальникъ, обидимымъ помощникъ, насильствующимъ и хищникамъ крѣпокъ обличитель, сущимъ въ плѣненіи—отпущеніе, въ работехъ сущимъ—свобожденіе, въ темницахъ, въ узахъ держимымъ—избавленіе, должнымъ—искупленіе..., грѣшникомъ каю-

---

[1]) Уставъ преп. Евфросина. „Псковскія Епарх. Вѣдом.“. 1902, № 4, 101—102.

[2]) Примѣры уже въ Житіи преп. Ѳеодосія Печерскаго и въ Патерикѣ Печерскомъ; обильныя указанія въ лѣтописяхъ.

[3]) Янковскій. Печалованіе духовенства за опальныхъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс. 1876, 1. Малинин. Старецъ Филоѳей, 682 слл. Павловъ. Курсъ церковнаго права. 501—502.

щимся—вѣрный поручитель» [1]). Таковъ Димитрій Прилуцкій, избавлявшій «словомъ своимъ отъ насилія и отъ злыхъ судей людей, бѣдою одержимыхъ»; таковы и многіе иные...

Особый видъ заступничества—за подневольныхъ, за рабовъ, холопей, отъ насилія и жестокосердія господъ ихъ: «изъ церкви, съ каоедры храма, изъ монастыря, изъ кельи подвижника», говоритъ Щаповъ, «въ бесѣдахъ съ рабовладѣльцами, въ посланіяхъ къ князьямъ и боярамъ немолчно раздавался пастырскій голосъ въ защиту несвободныхъ, голосъ, требовавшій или освобожденія ихъ, или, по крайней мѣрѣ, улучшенія ихъ матеріальнаго и нравственнаго бытія» [2]). Дмитрій Прилуцкій, возвращая принесенный его обители даръ, говоритъ благотворителю: «отнеси сія въ домъ свой, еже намъ принеслъ, и яже сутъ раби и сироты въ твоемъ дому, сихъ питай, и тѣхъ избытки нашей нищетѣ донеси, да будеши совершенъ милостивецъ, и вмѣнитъ ти Господь въ правду» [3]). Діонисій Глушицкій за подобное же участіе къ подневольнымъ прозванъ былъ «рабомъ свободитель» [4]). Выдающуюся дѣятельность въ этомъ направленіи проявлялъ Іосифъ Волоцкій, и притомъ — съ особеннымъ успѣхомъ, благодаря его исключительному вліянію на власть и на знать. Въ бесѣдахъ съ князьями и боярами, въ посланіяхъ къ нимъ, своимъ дѣтямъ духовнымъ, онъ часто заступается за холоповъ; онъ требуетъ отъ сильныхъ и славныхъ міра «восхищенное не по правдѣ отдати», «помиловать бѣдныхъ и убогихъ», улучшить бытъ подневольныхъ, тѣхъ, «что гладомъ таютъ и наготою страждутъ, дабы съ гладу и съ наготы не плакали». Эти забытые, «лишенные («пустые») человѣческаго утѣшенія», напоминаетъ онъ, однако же «крещены однимъ крещеніемъ, искуплены одною (и тою же) кровію Христовою, какъ и богатые и знатные, съ которыми они вмѣстѣ предстанутъ на Судищѣ Христовомъ». Жестокихъ или нерадивыхъ къ своимъ крестьянамъ вотченниковъ, невоспріимчивыхъ къ нравственной сторонѣ увѣщанія, аскетъ-человѣколюбецъ старается вразумить хотя бы указаніемъ на обоюдную матеріальную пользу благодушнаго отношенія господъ къ оброчнымъ людямъ: «будьте

---

[1]) Житіе преп. Сергія, изд. О. Л. Д. П., 149.

[2]) Щаповъ. Голосъ древне-русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей. Казань, 1859, 17.

[3]) Смирновъ 37.

[4]) Смирновъ 41.

добры къ пахатнымъ крестьянамъ своимъ, не злыми на владомыя»; а крестьянамъ онъ же внушаетъ не лѣниться, не упускать господскихъ выгодъ, и трудолюбіемъ благодарить за льготы и попеченія. Послушавшіеся совѣтовъ преподобнаго, по словамъ списателя житія его, «благословишася зѣло и обогатѣша паче, и мнози тяжаріе (земледѣльцы) стоги свои участиша и умножиша жить себѣ», и даже вся волоцкая сторона такимъ образомъ «къ доброй жизни прелагашеся, тишины и покоя наслаждашеся и вси веселящеся бѣаше, поселяне много пособленіе имуще отъ господей селъ ихъ поученіемъ его» [1]).

Опаснѣе было «печалованіе» за провинившихся или попавшихъ въ немилость государственныхъ людей, либо за цѣлые города; однако и передъ этою задачею не отступали русскіе подвижники. Такъ за предательски Василіемъ III схваченнаго и заточеннаго въ тюрьму послѣдняго изъ удѣльныхъ князей, Василія Шемячича, печаловался передъ великимъ княземъ троицкій игуменъ Порфирій, за что и былъ лишенъ начальствованія надъ лаврою; такъ даже передъ Грознымъ насмѣлился печаловаться за Курбскаго духовникъ его Ѳеодоритъ Соловецкій, поплатившійся, быть можетъ, смертью за такое заступничество; такъ еще, по просьбамъ псковичей, угнетаемыхъ московскими намѣстниками, старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей «много показа дерзновенія къ государю и моленія о людехъ, также и боляромъ и намѣстникомъ псковскимъ, и обличи ихъ о многой неправдѣ и насилованіи, не убояся смерти; великій же князь и вельможи, видяще его дерзость и безпопеченіе о семъ вѣцѣ, не смѣша ничтоже ему зла сотворити» [2]).

Можно ли, послѣ всѣхъ указанныхъ разнообразныхъ и высокихъ доблестей древне-русскихъ подвижниковъ, удивляться вліянію этихъ яркихъ свѣтильниковъ вѣры и правды на массу народную, несмотря на огромное несходство ея грубыхъ нравовъ съ этою возвышенностью стремленій и благодатною чистотою дѣлъ? Вліяніе было вполнѣ заслужено и совершенно естественно. Живоноснымъ лучами разливался свѣтъ, исходившій изъ этихъ праведниковъ, по лону земли родной. Въ «матери городовъ русскихъ» Кіевѣ, въ Ростовѣ Великомъ, въ вольнолюбивомъ Новгородѣ, въ Москвѣ самодержавной, въ

[1]) Житіе Іосифа Волок., изд. Невоструева, 98—99.
[2]) Малининъ. Старецъ Филоѳей. Приложенія, стр. 25.

лѣсныхъ дебряхъ Перми зырянской, до обители Соловецкой, до скитовъ Печенгскихъ, «въ варягахъ и на мурманѣхъ», гдѣ полуночное солнце дробится въ волнахъ студенаго моря.— вездѣ, на многострадальномъ фонѣ древнерусской исторіи, впереди, неизмѣнно, выступаетъ, въ своемъ смиренномъ величіи, все тотъ же образъ, инока-подвижника, предшественника и спутника началъ жизни государственной [1]), и отца жизни духовной, насадителя добра, труда и просвѣщенія [2]), нравственнаго объединителя жизни русской, столь склонной, безъ этой силы, къ распаду и къ саморазрушенію.

Сколько разъ, когда, по словамъ современниковъ, «до облакъ вздымавшаяся буря» междоусобій переходила въ кровавыя преступленія, изъ устъ подвижниковъ раздавался то жалостный, то грозный призывъ къ враждующимъ «престати отъ таковаго безумія» и вернуться «къ любви свѣтоносной», къ тому «братолюбію единомышленному и единодушному», которому вдохновенную хвалу воспѣлъ уже отецъ нашей исторіографіи, Несторъ [3]). И подъ вліяніемъ этихъ призывовъ, подкрѣпленныхъ подвигами праведности самихъ призывавшихъ къ «безгнѣвію и смиренію», мгновенно смирялись «озвѣрѣвшія сердца», злобные крики и проклятія смолкали и лились слезы раскаянія. Усобицы князей, столь долгія, столь закоснѣлыя, смягчались или прекращались подвижниками, проповѣдниками согласія. Какое вліяніе на ростъ самодержавія оказала поддержка авторитета великаго князя московскаго выдающимися святителями — фактъ общеизвѣстный [4]). Дѣятельность митрополита Алексія и преподобнаго Сергія имѣла въ этомъ отношеніи рѣшающее значеніе [5]). Митрополитъ Іона,

---

[1]) О колонизаторскомъ значеніи сѣверныхъ подвижниковъ, см. Коноплевъ, „Святые Вологодскаго края“ и статью „Древнерусс. пустыни на сѣверовостокѣ Россіи“. „Православ. Собесѣдникъ“ 1860, III.

[2]) Ср. статью „Содѣйствіе русс. монастырей просвѣщенію“ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1858 г. I.

[3]) Лаврентьевская Лѣтопись. Изд. 1897, стр. 133—136.

[4]) Новѣйшая работа на эту тему—В. Сокольскаго, Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ Московскомъ государствѣ въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI в.в., Кіевъ, 1902. Тотъ же вопросъ примѣнительно къ возникновенію и развитію теоріи самодержавія обстоятельно разработанъ Малининымъ въ его книгѣ о Старцѣ Филоѳеѣ. Ср. Л. Тихомировъ. Монархическая государственность. Москва. 1905, часть II, книга 3.

[5]) Сокольскій, 52—56.

игуменъ Кирилло-Бѣлозерскій Трифонъ, Мартиніанъ Ѳерапонтовскій и Михаилъ Клопскій сломили смуту неукротимаго Шемяки, обличая его «дьявольское самомнѣтельство и желаніе братоубійственнаго самоначальства [1]). Другіе мирили помѣстныхъ князей въ ихъ распряхъ, напримѣръ, Арсеній Тверской—кашинскаго князя Василія съ тверскимъ Иваномъ Михайловичемъ [2]). Многочисленны случаи обращенія кроткихъ праведниковъ къ «возлюбленнымъ князьямъ русскимъ не прельщатися пустошію, славою свѣта сего, еже хуждьше паучины, и яко стѣнь мимо идетъ, и не обидѣть меньшихъ сихъ, сродниковъ своихъ, и изъ за единаго малосамочинія не причинять толикой бѣды и пакости христіанству» [3]). Воистину геройской смѣлости достигала нерѣдко эта проповѣдь мира! Юрію Дмитріевичу, возмутившемуся противъ великаго князя, отшельникъ Пельшемскій Григорій говоритъ открыто: «не по Божьему строенію хощеши власть пріяти: пріимеши здѣсь укоръ и досаду и неустроеніе, поношеніе, и раны, и безчестіе съ чады своими, а онамо—судъ!» [4]). Будучи очевидцемъ ужасовъ шемякинской смуты, «видя святый въ толицѣ бѣдѣ суща христіанство, скоро иде ко князю и глагола ему, не обинуюся, не бояхубося ярости князя: «нѣси ли челъ, княже Димитріе, божественнаго писанія: безъ милости судъ не сотворшимъ милости!.. Дѣла твориши поганская: ты—князь православныя вѣры, а свою Русь воюешь, и... аще не остапешися отъ таковаго кровопролитія, то вскорѣ отпадеши славы, и княженія своего отщетишися»... Слышавъ глаголы сія, князь возъярися на блаженнаго и повелъ его съ мосту ринути... Преподобный же, лежавъ на земли многъ часъ, еле живъ возставъ,... пойде въ пустыню свою», гдѣ вскорѣ преставился, 127 лѣтъ отъ роду [5]). Уклоняется ли сама верховная власть на путь неправды, и вотъ игуменъ троицкій, преп. Мартиніанъ Бѣлозерскій, съ тринадцати лѣтъ «возросшій въ иноческихъ под-

---

[1]) Тамъ же, 58 слл. Обличительное посланіе духовнаго собора и святителя Іоны противъ Шемяки—Акты Историческіе. I, стр. 76 и сл. № 40, грамота 1448 г. митр. Іоны—тамъ же, № 43, стр. 86—87. Ср. №№ 53, 56, 261 и Житіе Михаила Клопскаго въ приложеніи къ Некрасову. Зарожденіе національной литературы въ сѣвер. Руси.

[2]) Житіе пр. Арсенія. Марта 21.

[3]) Тверская Лѣтопись. 403—404 и 478.

[4]) Великія Минеи Четьи. 30 сентября, 2275—2276.

[5]) Тамъ же.

вигахъ безмолвія и нестяженія», смѣло идетъ къ великому князю и «снимаетъ съ него и съ его княженія Божіе благословеніе». Задумывается Темный: зоветъ бояръ своихъ: «судите, бояре, что сдѣлалъ со мною болотный чернецъ! Но виновенъ я, други, передъ Богомъ: забылъ слово данное, поступилъ неправедно. Идемъ ко Святой Троицѣ, грѣхъ свой исправивши, молить прощенія». И идетъ онъ покорно, съ повинной, въ обитель, гдѣ преемникъ Сергіева завѣта смиреннаго братолюбія радостно встрѣчаетъ, его со всею братіей [1]). Но вотъ нѣчто большее! Въ 1480 г., когда Иванъ III, оробѣвъ передъ Ахматовой ратью, колебался вступить съ нею въ бой, а народъ, «долгъ общедательный во умѣ пріемлюще, молилъ его великимъ моленіемъ, чтобы стоялъ крѣпко за православное христіанство противу безбожному бесерменству», «злые же человѣки, сребролюбцы богатые и брюхатые, предатели христіанскіе, возлюбившіе богатства и женъ своихъ, паче православной вѣры», уговаривали великаго князя «удариться въ бѣга», во слѣдъ жены его, «римлянки»,—тогда «противъ дворянъ и бояръ богатыхъ» возвысилъ голосъ свой владыка Ростовскій Вассіанъ, не убоявшійся всенародно обозвать великаго князя «бѣгуномъ»: «вся кровь на тебя падетъ христіанская, что выдалъ ихъ, бѣжащъ прочь, а боя съ татары не поставилъ!.. Аще боишися смерти, — вѣжды, яко не безсмертенъ еси человѣкъ, смертенъ!.. Дай сіи въ руку мою вои! Хотя азъ и старъ, но не пощажу, ниже отвращу лице мое противъ татаръ!» [2]) Эти историческія слова «Посланія на Угру» имѣли своимъ слѣдствіемъ конечное освобожденіе Россіи отъ столь долго тяготѣвшаго надъ нею позорнаго ига.

Таково воздѣйствіе подвижниковъ на власть. Смотрите, каково оно на толпу! Въ 1359 году, «дьяволу дѣйствующу и по совѣту лихихъ людей, бысть мятежъ силенъ въ Новѣгородѣ,... и сѣча бысть... и стояша три дня межу себѣ... И съѣха владыка Моисей изъ монастыря... и благослови, и рекъ: «дѣти! не доспѣйте себѣ брани, а поганымъ похвалы, а святымъ церквамъ и мѣсту сему пустоты; не ступитеся биться!» И пріяша словъ его, и разидошася» [3]). Въ 1397 г. четырех-

---

[1]) Житіе преп. Мартиніана Бѣлоозерскаго въ Житіяхъ святыхъ архіеп. Филарета. 12 января, стр. 135.

[2]) 2 Софійская Лѣтопись. VI, 223—232. Воскресенская Лѣт. VIII, 205—213. Лѣтописецъ Русскій. III, 142—173. Степенная Книга. Ч. II, 139.

[3]) Продолженіе 1-й Новгород. Лѣтописи, 355.

лѣтняя ожесточенная вражда новгородцевъ со псковичами сразу прекращается увѣщаніемъ «отца Великаго Новгорода» владыки Іоанна къ «дѣтямъ своимъ, новгородцамъ»: «оставить нелюбіе къ братьямъ своимъ младшимъ, псковицамъ, и быть съ ними за одинъ братъ въ христіанствѣ». «И бысть», добавляетъ лѣтописецъ, «крестіаномъ радость и веселіе; а дьяволъ плакашеся, видя себя побѣждаема» [1]) Въ 1418 г. новая смута въ неисправимомъ гнѣздѣ раздоровъ: «взъярились, аки пьяне»; грабятъ дома богатые, даже монастырь св. Николы; «часъ отъ часа злоба множится»; звонъ набатный идетъ по городу: «срыскиваютъ люди съ обѣихъ сторонъ рѣки, аки на рать, въ доспѣхахъ, на мостъ великій»... И уже идетъ «губленіе», уже покрылись улицы убитыми... Вознегодовало само небо: «бысть громъ великъ, и молнія блискаше»... Слышитъ объ усобицѣ «промежь дѣтей своихъ» владыка Симеонъ, и «слезы испусти изъ очію, и, вшедъ въ церковь Святыя Софіи, нача молитися со слезами, и облачися въ священныя ризы со своимъ сборомъ, и повелѣ Крестъ Господень и Пречистыя Богородица образъ взяти, и иде на мостъ. И по немъ вслѣдующе, священници и причетъ церковный и христоименитое людство идоша, и мнози народи, испущающи слезы, глаголюще: «да укроти, Господи, молитвами господина нашего,... усобную рать!» И пришедъ святитель, ста посреди мосту, и, вземъ животворящій крестъ, нача благословляти обѣ странѣ. Овіи же, взирающе на честный крестъ, кланяхуся; иніи, видяще архіепископа изъ очію слезы испускающа,... прослезишася, ...и разъидошася, благодаряще Бога и Пречистую Его Матерь.... давшихъ таковаго святителя, могущаго управити своя дѣти... и брань укротити» [2]).

И да не подумаютъ, что сила вліянія въ подобныхъ случаяхъ коренилась только въ высокомъ положеніи пастыря церковнаго! Она была прежде всего въ его праведности, въ томъ духовномъ обаяніи, благодаря которому даже самые смиренные подвижники обрѣтали чудесную, благотворную власть надъ окружающею средою. Въ тяжелые дни Смутнаго времени, когда Великому Устюгу грозило нашествіе ляховъ (повѣствуетъ мѣстная лѣтопись), городъ и округу спасла проповѣдь нѣкоего пришельца, «мниха безмолвствующаго Левкія»,

---

[1]) Тамъ же, 381—382.

[2]) 1 Новгородская Лѣтопись, 407—408 и 2-я, 42—45, 258—261.

который, на сей разъ, «изостривъ языкъ свой», воодушевилъ гражданъ на побѣдоносный бой увѣщаніемъ дать обѣтъ: поставить, во избѣжаніе бѣды, единымъ днемъ и безмезднымъ, общимъ трудомъ, храмъ преп. Варлааму Хутынскому [1]).

Изумительна была сила вліянія на душу народную преимущественно аскетовъ, постниковъ, затворниковъ, «юродовъ о Христѣ». Однимъ изъ таковыхъ былъ Галактіонъ Вологодскій. Родомъ — князь, сынъ казненнаго Грознымъ Бѣльскаго, «уразумѣвши міра сего многомятежное житіе», онъ, ископавъ на окраинѣ города колодезь и прудъ, «всади рыбы и древія насадивъ, затворися въ келейцѣ малѣ», отдавая все время молитвѣ и саножному труду, выручку изъ коего дѣлилъ на три части: «одну даяше церкви Божіей, вторую — нищимъ, третію же частію самъ питашеся». Ему мало было голода, власяницы, воспрещенія сна въ лежачемъ положеніи: онъ прикрѣпилъ себя къ потолку келіи желѣзною цѣпью .. Но въ затворѣ онъ не остался безполезнымъ для міра: къ нему стекались за совѣтами, за назиданіемъ; онъ воздвигалъ унылыхъ и падшихъ, вразумлялъ забывавшихъ горнее ради земного. Молитва его достигла чудесной силы: въ бездождное лѣто, грозившее голодомъ, епископъ съ крестнымъ ходомъ пришелъ просить подвижника принять участіе въ общей молитвѣ. Не колеблясь, нарушилъ праведникъ свое правило, снялъ цѣпь и явился въ храмъ слиться съ народомъ въ единодушномъ благочестивомъ порывѣ. И угодна была Богу молитва: обильный дождь напоилъ истомившіяся нивы... Но вотъ настало лихолѣтье, пора усобицъ, самозванцевъ, ляховъ... Въ такіе дни эти «странные» люди, эти юроды изъ затворниковъ превращались въ общественнымъ героевъ, изъ молчальниковъ— въ вѣщихъ пророковъ Божьяго гнѣва и Божьяго же милосердія... Поляки наступали на Вологду; а въ городѣ порядки были не крѣпки, оборона слаба, сторожевье нерадиво: «воеводы пропили Вологду»... Въ эти черные дни Галактіонъ, сознавая, что «время дѣлательное наста», снова снимаетъ съ себя цѣпь, идетъ въ земскую избу и пламенною рѣчью призываетъ народъ и власть къ покаянію всеобщему и къ защитѣ родины, на развалинахъ которой умираетъ и самъ [2]). Въ эти

[1]) Великоустюжская Лѣтопись, 51—55, и Временникъ Устюга Великаго, перепечатанный въ Вологодской Старинѣ, 363—366.

[2]) Житіе преп. Галактіона: Филаретъ. Житія святыхъ. 24 сент.—Вологодская Старина, 309 - 310. Коноплевъ, 106—108.

же годы Иринархъ Ростовскій, 13 лѣтъ проведшій подъ бременемъ трехъ тяжелыхъ цѣпей и 142 мѣдныхъ крестовъ, покидаетъ свою келью и идетъ къ Шуйскому упредить его о надвигающихся бѣдахъ. На вопросъ свирѣпаго пана Микульскаго: «кого признаетъ онъ паремъ?» старецъ отвѣчаетъ: «я—русскій; живу въ землѣ русской; иного царя, кромѣ русскаго, не знаю!» Сапѣгѣ, дивившемуся «правдѣ батьки, подобнаго которому онъ нигдѣ не видалъ», Иринархъ предрекъ смерть, если ляхъ не прекратитъ разорять Россію. Пожарскому, въ минуту смущенія, онъ взывалъ: «иди на Москву! увидишь славу Божію!» а ляхамъ, вторично нагрянувшимъ-было на Ростовъ и оповѣстившимъ старца объ исполненіи предреченнаго имъ Сапѣгѣ, онъ молвилъ: «если не уйдете въ свою землю, не быть и вамъ живыми!», послѣ чего враги покинули городъ, никого и ничего не тронувши, изъ уваженія къ праведнику [1]).

Таковы были духовныя силы русскаго подвижничества, таково ихъ вліяніе на отдѣльныя личности, на массу народную и на жизнь частную и общественную. Высокіе идеалы религіозные и нравственные, воплощавшіеся въ рѣчахъ и дѣлахъ праведниковъ, были, разумѣется, во всей полнотѣ своей недосягаемы для большинства; но фактомъ великой исторической важности остается то, что большинство русскаго народа неизмѣнно, въ теченіе долгихъ вѣковъ, понимало и принимало эти идеалы, какъ наилучшіе, вѣрнѣе—какъ единственные неложные и правовѣрные съ православной точки зрѣнія. Эти идеалы большинство народное, вмѣстѣ съ передовыми вождями древнерусскаго сознанія, благоговѣйно чтило, считало посильное приближеніе къ нимъ за истину и праведность, а уклоненіе отъ нихъ—за путь грѣховный, погибельный. Идеалы эти, въ своей сущности и чистотѣ, неосложненной нѣкоторыми позднѣйшими, быть можетъ, чрезмѣрно-суровыми аскетическими чертами, были даны уже въ писаніяхъ и преданіяхъ святоотеческихъ, которыя оставались всегда первоначальнымъ родникомъ, питавшимъ душу русскаго подвижничества. И этотъ же источникъ, въ лицѣ наболѣе склонныхъ къ созерцательному житію по-

[1]) Житіе преп. Иринарха. 13 января и Ярославскія Епарх. Вѣдомости 1872 г., часть неоффиц., 343, 351, 359, 367, 376, 385, 393, 404 и 1884 г., 329 и Толстой. Жизнеописанія угодниковъ Божіихъ, живших въ предѣлахъ нынѣшней ярославской епархіи. Ярославль, 1896, 32—34.

движниковъ XV и XVI столѣтій, въ лицѣ Евфросина Псковскаго [1]), Нила Сорскаго и его послѣдователей [2]), обновилъ новою, освѣжающею струею русское иночество, частію—путемъ непосредственныхъ впечатлѣній, воспринятыхъ на Аѳонѣ, гдѣ, какъ разъ въ эту пору, снова усилилось мистически-созерцательное направленіе въ подвижничествѣ, частію же—сосредоточеннымъ изученіемъ преимущественно такихъ великихъ наставниковъ христіанской аскетики, какъ Исаакъ Сиринъ, Симеонъ Новый Богословъ и Григорій Синаитъ, оказавшихъ значительное вліяніе на преп. Нила Сорскаго, Корнилія Комельскаго и на уставы ихъ [3]). Благодаря этому усиленному притоку духа, почерпаемаго въ святоотеческихъ писаніяхъ, силы русскаго подвижничества не оскудѣвали даже и въ XVII вѣкѣ, когда на родину нашу стало уже замѣтно проникать иное, западное, обмірщающее вліяніе. Оно началò вносить разладъ въ доселѣ нераздѣльно царившій въ древней Руси аскетическій образецъ устроенія жизни; но новому вѣянію лишь съ трудомъ и медленно удавалось колебать старое, и, главнымъ образомъ, благодаря непрекращавшемуся. жизненному воплощенію прежняго идеала въ лицѣ праведныхъ подвижниковъ. Еще въ половинѣ XVII вѣка западные наблюдатели дивились «безпримѣрной (по выраженію Юрія Крижанича) милости, даруемой Господомъ этимъ простодушнымъ монахамъ-пустынникамъ», которые, «съ величайшимъ трудомъ, съ опасностью для славы и жизни, объ одномъ только и стараются, чтобы имѣть возможность угодить Богу и, нерѣдко смертью утверждая ученіе Христово, призвать души многихъ съ пути заблужденія на путь правый и принести ихъ въ жертву Христу» [4]).

V.

Не совсѣмъ омертвѣло это благотворное воздѣйствіе на совѣсть народную и въ наши дни. И понынѣ еще не изсякли

---

[1]) О вліяніи на развитіе Евфросина его путешествія въ Греціи, см. Серебрянскій. Очерки по исторіи псковск. монашества, 245 слл. и Малининъ. Старецъ Филоѳей, 16 и др. (вопреки Голубинскому, неосновательно отрицающему хожденіе преподобнаго въ Константинополь).

[2]) О вліяніи аѳонскихъ впечатлѣній на Нила Сорскаго. Кадлубовскій, 361 сл., и Архангельскій, 166 слл.

[3]) Кадлубовскій, 361—366.

[4]) Записка Юрія Крижанича о миссіи въ Москву, 1641 г. Изд. Имп. Общ. Ист. и Древ. Росс. Москва, 1901, стр. 30 (со ссылкой и на Герберштейна).

эти источники ничѣмъ пока не замѣненнаго воспитанія нравственности и благочестія въ народѣ. Достопочтенныя стѣны древнихъ обителей, поросшія нерѣдко лѣнью духовною, подбѣленныя ложью фарисейскою, загрязненныя корыстью превращающихъ домъ молитвы въ столы мѣнялъ небеснаго на земное и торгашей остатками любви къ святынѣ, — эти славные въ прошломъ очаги «свѣта тихаго», просвѣщавшаго міръ, еще не въ конецъ утратили духъ животворящій! Еще есть «тихія пристани», гдѣ живы завѣты и примѣры Серафима Саровскаго, старцевъ Оптинскихъ, Ѳеофана и иныхъ, чьи имена не заноситъ въ отрывные листки свои легковѣсная исторія дня, но которыя неизгладимыми чертами запечатлѣны въ тайникахъ сердецъ тѣхъ, что и понынѣ, сквозь зной и стужу, за тысячи верстъ, не смущаясь встрѣчными соблазнами, стремятся сюда зачерпнуть сердцемъ, жаждущимъ правды, хотя бы единую каплю «воды живой»...

И вотъ почему мы не можемъ согласиться съ приговоромъ вождя ученаго протестантизма (Гарнака), будто восточное монашество, не поддавшись соблазну обмірщенія и сохранивши свою самобытность, осталось «одинокимъ» непригоднымъ къ потребностямъ жизни современной [1]). Одинокимъ его никакъ нельзя признать, если съ нимъ—еще и доселѣ значительная часть души народной, несмотря на всю ужасающую убыль души за послѣднее время. И что это такъ, что это сочувствіе фактъ—тому яркое, неоспоримое доказательство та широкая и дружная волна духовнаго подъема, которая охватывала на нашихъ глазахъ душу народную въ дни прославленія новоявленныхъ угодниковъ Божіихъ. Мнѣ не забыть того умилительнаго впечатлѣнія изъ дней далекой, ранней юности, когда, по пути въ Задонскъ, къ открытію мощей святителя Тихона, непрерывная цѣпь смиренныхъ богомольцевъ, тянувшаяся по большимъ и проселочнымъ дорогамъ, на вопросъ проѣзжаго: «Туда что ли?» дружно и строго, «истово», словно соборнымъ рѣшеніемъ всего великаго міра православнаго, отвѣчала: «вѣстимо, туда, а то куда же, родимый?» Во-истину, «туда», и понынѣ все еще «туда» стремится душа народная, тамъ, гдѣ она еще есть, гдѣ она, по вдумчивому слову народному, еще не стала, въ плѣну у суеты и похоти животной, «нàромъ», безслѣдно исчезающимъ. Да! и понынѣ «туда!..» потому что

[1]) Harnack. Das Mönchthum, 63.

протекшее полустолѣтіе, столько давшее въ другихъ областяхъ общественныхъ потребностей, почти ничего не дало, да, по своему духу, и дать не могло, на смѣну этого исконнаго порыва «туда»; и душѣ народа-грѣшника, но и народа страдальца, народа-подвижника, для отрезвленія отъ соблазна зла, для преодолѣнія его добромъ, и понынѣ, за неимѣніемъ у него иного, лучшаго идеала, идти «некуда», кромѣ, какъ къ старой, родимой «тихой пристани». Это подтвердилось передъ лицомъ недоумѣвающей, такъ называемой «передовой» Россіи въ свѣтлые дни Чернигова и въ особенности Сарова. Когда, въ тихую ночь подъ 19-е іюля, подъ тѣнью вѣковыхъ сосенъ, при блескѣ чистыхъ звѣздъ небесныхъ, въ многотысячной толпѣ, притекшей изо всѣхъ сторонъ необъятной, когда-то единой духомъ, а потому и мощной родины, безъ уговора, въ дружномъ, овладѣвшемъ сердцами порывѣ, раздался канонъ пасхальный въ привѣтъ тому, по преимуществу народному угоднику, святому подвижнику, отшельнику, который во отшествіи отъ міра суетнаго, не оставилъ однако міра любовью праведною и настолько былъ полонъ ею, что каждаго встрѣчалъ привѣтствіемъ любви всепрощающей: «Христосъ Воскресе!» — тогда, въ эту торжественную минуту исповѣданія души народной, стало ясно, что она жива еще, и что любовь и благоговѣніе ея—еще неизмѣнно у сокровища родныхъ ей, свято-отеческихъ преданій.

Что будетъ дальше—мы не знаемъ! столькое со всѣхъ сторонъ дѣлается въ противоположность святымъ завѣтамъ этимъ, столькое, чтобы развѣнчать ихъ, извѣриться въ нихъ и противопоставить имъ иные образцы и цѣли, иногда, по-своему, и благонамѣренные, но несоизмѣримые съ прежними идеалами и не возмѣщающіе ихъ, что намъ, маловѣрамъ, легко усумниться въ непоколебимости сочувствія народной души ея исконному подвижническому пониманію святости. Но одно мы можемъ сказать: пока въ духовномъ народномъ строѣ нашемъ не вымретъ его коренная черта, такъ проникновенно постигнутая Достоевскимъ: сознаніе своей грѣховности, при неспособности успокаиваться на немъ и при вытекающей отсюда жаждѣ очищенія личнымъ подвигомъ для нравственнаго возрожденія,—до тѣхъ поръ мы уповаемъ, не вымретъ въ русской народной душѣ и влеченіе къ подвижническому пониманію задачъ жизни вообще.

Совсѣмъ иначе ставится вопросъ о живучести и дѣйствен-

ности того же идеала по отношенію къ нашей интеллигенціи. Односторонне увлекаясь свѣтскою культурою Запада, до забвенія и отреченія отъ противоположныхъ ей религіозныхъ основъ родного русскаго жизнепониманія [1]), наша интеллигенція, при нынѣ преобладающемъ въ ней настроеніи, разумѣется, лишена способности воспринимать сочувственно духовныя сокровища свято-отеческихъ подвиговъ и писаній. Иначе быть не можетъ, потому уже, что въ нихъ она не только не находитъ подтвержденія своего основного начала, но видитъ въ нихъ даже какъ разъ обратное ему, а именно: гуманистическому и натуралистическому убѣжденію въ нормальности и правомѣрности данной и будто бы естественной человѣчности здѣсь противопоставленъ аскетически-христіанскій взглядъ на грѣховность, а потому и несовершенство человѣческой природы въ ея настоящемъ состояніи, а слѣдовательно, признана и ея малоцѣнность, сравнительно съ сверхъестественными дарами благодати Божіей, преображающей грѣховное въ праведное! Изъ этой принципіальной противоположности вытекаетъ и другой контрастъ, уже практическаго свойства: умаленіе христіанскимъ подвижничествомъ значенія заботъ о внѣшнемъ устроеніи земныхъ отношеній, въ противоположность выдвиганію ихъ на первый планъ свѣтскою культурою. Разладъ сторонъ здѣсь глубокій и жгучій, и напрасно многіе изъ новыхъ защитниковъ аскетическаго идеала стараются смягчить несомнѣнно существующую противоположность. Добросовѣстнѣе, да и производительнѣе, не обинуясь, признать ея наличность, что однако отнюдь не равносильно обвинительному приговору надъ аскетическимъ началомъ. Все зависитъ здѣсь отъ взгляда на то, *чѣмъ должна быть, и можетъ стать жизнь земная*. Тѣмъ, кто ставитъ ей *лишь земныя и временныя* цѣли, только натуралистически-человѣческія, тѣмъ нечего искать въ твореніяхъ и жизненныхъ образцахъ святоотеческихъ опоры и вдохновенія для своихъ плановъ и задачъ въ настоящемъ и будущемъ: они встрѣтятъ тамъ только отпоръ и противодѣйствіе.

---

[1]) Глубоко искреннее, на личномъ опытѣ выстраданное и мужественно, передъ лицомъ закоснѣлыхъ предубѣжденій исповѣдуемое раскрытіе духовныхъ недуговъ нашей „интеллигенціи“ дано въ сборникѣ „Вѣхи“ (Москва, 1909), который, по содержательности и силѣ мысли, такъ же, какъ и по значенію авторовъ въ процессѣ развитія самой интеллигенціи, смѣло можно назвать *выдающимся историческимъ событіемъ* въ духовной жизни русскаго общества.

Однако даже и они должны признать огромное историческое значеніе этихъ ученій и этихъ примѣровъ по отношенію къ прошлому и даже еще и къ настоящему. Тѣ, наоборотъ, кто въ своемъ, рѣшительно аскетическомъ воззрѣніи на міръ и все мірское, какъ на неисправимо поврежденное грѣхомъ, ищутъ въ отрѣшеніи отъ земного облегченіе перехода къ небесному,—тѣ найдутъ, какъ столькіе изъ ихъ предшественниковъ въ прошломъ, въ этихъ образцахъ жизни и въ этихъ писаніяхъ утѣшеніе и подкрѣпленіе силъ для возлагаемаго на себя, немногимъ доступнаго подвига. Однако, при всей наличности суроваго аскетизма въ святоотеческихъ примѣрахъ, такъ мыслящіе едва ли вѣрно истолкуютъ смыслъ подвижничества, если сущность его будутъ полагать въ самодовлѣющемъ актѣ отреченія отъ міра, а не въ духовномъ перевоспитаніи человѣческаго существа, то есть во внутреннемъ подвигѣ, имѣющемъ конечною цѣлью жизнь вѣчную въ царствіи небесномъ, но, попутно, пересоздающемъ въ христіанскомъ духѣ и жизнь временную, въ царствѣ земномъ. Для тѣхъ, наконецъ, кто не извѣрился еще въ осуществимости царства праведнаго, благодатнаго устроенія рода человѣческаго и не отчаялся еще въ пришествіи его и въ свершеніи воли Отца Небеснаго, «яко на небеси, *и на земли*»,—для тѣхъ содержаніе подвижническаго идеала и соотвѣтственные пути къ его достиженію останутся въ настоящемъ и будущемъ неисчерпаемымъ источникомъ наученія ума, очищенія чувствъ, воспитанія воли и окрыленія желаній для величавой задачи, а именно: въ чаяніи совершенной жизни будущаго вѣка, *еще и на землѣ* намъ, «нѣкогда язычникамъ по плоти» и «безбожникамъ въ мірѣ (Ефес. 2, 11 и 12), стать «во единаго новаго человѣка», стать «согражданами святымъ и своими Богу, имѣя Самого Іисуса Христа краеугольнымъ камнемъ, на которомъ *все зданіе*, слагаясь стройно, возрастаетъ во святой храмъ въ Господѣ, въ жилище Божіе Духомъ» (Ефес. 2. 15, 19—22), «дабы въ устроеніи полноты временъ, *все небесное и земное* соединить подъ главою Христомъ (Ефес. 1, 10). Такое «сограждaнство святымъ», такая «близость» Богу объединенныхъ во Христѣ многоразличныхъ тружениковъ домостроительства благодати Божіей, предуготовляетъ *уже и на землѣ* свое и своихъ братьевъ спасеніе, не столько второстепенными «попеченіями о многомъ», хотя и это не исключено, въ подчиненномъ высшей задачѣ смыслѣ, сколько сосредоточеніемъ на «единомъ

на потребу», не столько, слѣдовательно, трудами надъ внѣшними условіями человѣческаго общежитія (хотя строгій отвѣтъ за горькіе плоды и этого неустройства грозитъ всѣмъ на Страшномъ Судѣ), сколько внутреннимъ воспитаніемъ обращенной къ Богу личности.

Непріемлемость христіанскаго подвижничества духомъ вѣка коренится во-первыхъ, въ ошибочномъ мнѣніи, будто внѣшнія проявленія самоограниченія и самоотрѣшенія составляютъ сущность аскетизма, тогда какъ, по свидѣтельству св. Отцовъ, они—только его средства и методологическіе пріемы, не для всѣхъ и всегда примѣнимые, сущность же, какъ мы уже сказали,—во внутреннемъ воспитаніи и дисциплинѣ духа. Вторымъ препятствіемъ считается обычно предполагаемая, будто бы абсолютная несогласимость подвижничества съ міромъ и враждебность перваго ко второму. Замѣчаемъ ли мы однако, какое крупное недоразумѣніе сокрыто въ этомъ утвержденіи? Нечего и говорить, конечно, что къ грѣховному состоянію міра христіанское подвижничество относиться сочувственно или потворственно не можетъ; съ *грѣховностью* мірскою оно разрываетъ радикально и непримиримо. Но *только съ нею, только съ грѣховнымъ искаженіемъ* міра и человѣчества въ ихъ противонравственномъ и противобожескомъ состояніи, *а отнюдь не съ тѣмъ состояніемъ, каковое должно бы быть и какое, при христіанскомъ усиліи и благодатной помощи, можетъ быть.* Міру и человѣчеству, пересоздаваемымъ въ ступень къ водворенію Царства Божія, къ исполненію воли Отца Небеснаго «и на земли», христіанское подвижничество—не врагъ, а другъ, сотрудникъ, наставникъ и воспитатель. Подвижничество въ этомъ смыслѣ—не упраздненіе міра, не умерщвленіе жизни, а претвореніе міра, перерожденіе жизни, однако не извнѣ, а извнутри, не путемъ прежде всего внѣшняго упорядоченія мірскихъ отношеній, а путемъ духовнаго перевоспитанія человѣка, какъ объекта, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и какъ творца этихъ отношеній. Это—пересозданіе житейскаго порядка такое, въ которомъ конечною цѣлью будетъ не внѣшнее и матерьяльное благоустройство, а нравственное усовершенствованіе; это—перевоспитаніе общества изъ царства подзаконной справедливости въ царство благого воленія и праведности; словомъ, это—очищеніе и освященіе, обоженіе человѣка, а черезъ то и жизни, и міра. Лишь поскольку житейскія отношенія противодѣйствуютъ этому идеалу, христіанскому подвижничеству

приходится чуждаться ихъ, но даже и въ этомъ состояніи міра оздоровленію и улучшенію его оно не противно и, какъ ярко свидѣтельствуетъ вся исторія, подвижничество всегда включало и это въ свою задачу, но *своимъ*, вышеуказаннымъ способомъ, подчиненнымъ высшей цѣли—духовной.

Оттого и удаленіе отъ міра для истиннаго подвижника можетъ быть въ этомъ смыслѣ признано вынужденнымъ, вызваннымъ подмѣною царства праведности царствомъ грѣха. Какъ законъ въ мірѣ, такъ и исходъ изъ міра «преступленія ради приложися». Не говоритъ ли Златоустъ противникамъ иночества: «хотѣлъ бы я не меньше, а гораздо больше васъ, и часто молилъ о томъ, чтобы миновалась надобность въ монастыряхъ, и такой бы насталъ добрый порядокъ въ городахъ, чтобы никогда, никому не нужно было убѣгать въ пустыню»... Но до тѣхъ поръ, пока «все полно всякаго беззаконія и неправды... мы привлекаемъ въ монастыри, чтобы люди избѣгали грѣха и любили добродѣтель» [1]). Значительно позднѣе, въ центрѣ непомѣрнаго увлеченія монашествомъ, Симеонъ Новый Богословъ не колеблется видѣть въ немъ порожденіе необходимости, противоядіе иначе непреодолимой духовной лѣни [2]). Осмѣлимся ли черезъ столько вѣковъ сказать, что эти рѣчи великихъ учителей церковныхъ пережили свой смыслъ, что имъ болѣе нѣтъ мѣста и оправданія въ нашей жизни? Всяческое беззаконіе и глубина неправды не обступаютъ ли насъ отовсюду, въ иныхъ, но лучшихъ ли, менѣе ли опасныхъ личинахъ, чѣмъ въ грубой и страстной Византіи? а духовная лѣнь не объемлетъ ли болѣе, чѣмъ какой-либо иной, нашъ болѣзненно-торопливый и суетливый вѣкъ, для котораго, по не совсѣмъ ироническому замѣчанію прогрессивнаго американскаго кардинала Эйрлэнда, «матерьяльное стало важнѣйшимъ и высшимъ въ жизни?» [3]) и, когда, по признанію одного изъ руководителей такъ называемаго «этическаго движенія», Шельдона, «пропорціонально росту борьбы за хлѣбъ и имущество, мы все менѣе задумываемся надъ смысломъ

---

[1]) Златоустъ. Творенія. Изд. Спб. Академіи 1898. Т. I, Слово I къ враждующимъ противъ привлекающихъ къ монашеской жизни и Слово III къ вѣрующему отцу.

[2]) Oratio 33. Migne. P. Gr. T. CXX, 497.

[3]) L'Eglise et le siècle. Conférences et Discours de Mgr. Ireland. 8 édit. Paris, 1894, 202—3.

жизни и тѣмъ болѣе вымираетъ въ насъ душа»? [1]) Намъ ли, если мы не въ концѣ сроднились съ этимъ пониженіемъ человѣческаго достоинства, говорить о ненужности для современной жизни твердынь огражденія отъ потопа суеты и тлѣна, твердынь, еще кое гдѣ, еще изрѣдка хранящихъ очистительный огонь съ древне-христіанскаго алтаря пламенной любви къ высшей чистотѣ и совершенной праведности? Нашимъ ли плѣннымъ у міра сердцамъ бояться увеличенія или хотя бы поддержанія «тихихъ пристаней» праведнаго безстрастія? Пожелаемъ, наоборотъ, чтобы онѣ были еще возможны, конечно, въ своемъ должномъ, въ своемъ истинномъ смыслѣ!

Я не могу входить здѣсь въ обсужденіе тѣхъ способовъ, какими, и въ наши дни, иночество, проникнутое священными преданіями прошлаго и сознаніемъ своихъ обязанностей передъ настоящимъ, могло бы, не въ ущербъ своей первой, своей главной задачѣ внутренняго духовнаго усовершенствованія, проявлять возращаемыя имъ нравственныя силы и вовнѣ, въ дѣятельности просвѣтительной, воспитательной, благотворительной. Полагать, что эти области труда не совмѣстимы съ иночествомъ по его задачѣ, неосуществимы по его положенію, значило бы забыть ту славную лѣтопись любви дѣятельной, которой полна его исторія, наша родная исторія—въ особенности. Вопросъ о предѣлахъ и способахъ этой дѣятельности, несомнѣнно, сложный и спорный въ частностяхъ, и не здѣсь вдаваться въ его подробности; о немъ говорено и писано не мало, между прочимъ, совсѣмъ недавно, и, на нашъ взглядъ, прекрасно, Н. Д. Кузнецовымъ въ его докладѣ Предсоборному Присутствію «объ общественномъ значеніи монастырей». Раздѣляющимъ мнѣніе о такомъ примѣненіи христіанскаго подвижничества, а также представителямъ и противоположнаго взгляда было бы поучительно поближе ознакомиться съ тѣмъ, сколько и съ какими результатами въ настоящее время дѣлается католическимъ монашествомъ въ области серьезнѣйшаго труда научнаго, миссіонерскаго, педагогическаго и въ сферахъ широкой и разнообразной благотворительности.

Но отъ этого сложнаго и, повторяю, для многихъ въ своихъ частностяхъ спорнаго вопроса я спѣшу перейти къ послѣднему положенію, позволяю себѣ думать, *безспорному*, хотя сразу оно и можетъ показаться парадоксальнымъ. Я разумѣю

[1]) Sheldon. What does it mean to be religious ? въ Ethical Addresses. 1 series, № 3. Philadelphia, 1894, p. 52.

необходимость *именно въ наши дни, не для исшедшихъ изъ міра, а для пребывающихъ въ немъ*, для всѣхъ насъ, несущихъ свѣтскія обязанности, необходимость внутренняго самоустроенія на основахъ *правильно понятаго* христіанскаго подвижничества. Не въ отсутствіи ли нравственнаго самоустроенія на высокой и незыблемой основѣ кроется несознаваемая нами, но глубочайшая причина всѣхъ нашихъ внѣшнихъ неустройствъ и немощность всѣхъ, даже искреннихъ и благонамѣренныхъ попытокъ ихъ устраненія?.. Я не отрицаю важности, настоятельности, неотложности многихъ задачъ внѣшней, экономической, гражданской и государственной жизни; не говорю о возможности бросить ихъ безъ рѣшенія или хотя бы какой-либо помощи! Но какъ рѣшать увѣренно и правомочно всѣ очередныя задачи жизни, какъ вносить въ нихъ строй и порядокъ съ надеждой на успѣхъ, если большинство изъ насъ, упорядочивающихъ другихъ, сами такъ внутренне неупорядочены? Какъ править надежно сложною волною общественныхъ страстей, когда мы сами, сплошь и рядомъ, ежечасно—рабы нашихъ личныхъ страстей? Какъ говорить производительно на величавую тему объ общемъ благѣ, о высшемъ благѣ, когда все кругомъ — въ позорномъ плѣну у мелкихъ похотей и пошлыхъ наслажденій прихоти и минуты? Какъ быть достойнымъ, авторитетнымъ семьяниномъ, отцомъ-воспитателемъ, гражданиномъ-законодателемъ тому, кто добросовѣстно и со смиреніемъ, по-христіански, свѣрившись съ тайнами души своей, принужденъ воскликнуть: «иныя спасаяй, самъ не можешь спастись!.»

И вотъ здѣсь-то, въ сосредоточеніи надъ необходимѣйшею, неотложнѣйшею изъ всѣхъ работъ, изъ всѣхъ дѣлъ, надъ внутреннею работою надъ самимъ собою въ духѣ праведнаго смиренномудрія,—здѣсь-то, шире, примѣнимѣе для большинства, чѣмъ въ уединеніи монастыря, раскрывается искони, а *въ наши дни въ особенности*, плодотворная среда для примѣненія началъ истиннаго христіанскаго подвижничества. Почему въ наши дни *преимущественно*? Да потому, что едва ли когда трудность и сложность важныхъ запросовъ жизни такъ нуждалась въ той духовной мощи, которая выковывается въ чудодѣйственную силу въ подвижнической внутренней дисциплинѣ праведности. Укажите мнѣ хотя одну область обязанностей современной жизни, добросовѣстно понятыхъ и принятыхъ, гдѣ мы не нуждались бы въ по-истинѣ геройскомъ подвижничествѣ? Или ненужно оно въ современной наукѣ, гдѣ столько самоотвер-

женнаго, тяжелаго труда должно сочетаться съ такою скромностью и осторожностью выводовъ, съ такимъ самоотреченіемъ отъ торопливаго и невзыскательнаго тщеславія передъ лицомъ безпристрастной истины? Или не нужно очистительное воздѣйствіе христіанской нравственной строгости на блуждающее столь часто по нездоровымъ путямъ искусство, проматывающее высокій Божій даръ недостойно?.. А въ области педагогической, требующей предварительнаго самовоспитанія воспитателей, трудности въ наши дни не возросли ли для добросовѣстныхъ до превращенія этого священнаго дѣла въ настоящій подвигъ, а подчасъ даже и въ духовное мученичество?.. Въ мірѣ отношеній экономическихъ, при чудовищной противоположности современнаго богатства къ бѣдности,—или не нужно воздѣйствіе аскетизма для однихъ,—чтобы покаяніемъ дѣятельной любви искупить грѣхъ своего счастія, чуть не преступнаго среди окружающей нужды и нищеты?,—а другимъ—не нужно ли подвижническое смиреніе, чтобы, не въ гнѣвѣ и мести, а въ терпѣніи и кротости, выстрадать и превозмочь судьбу обездоленныхъ, угнетенныхъ или обиженныхъ?.. Надо ли, наконецъ, напоминать о необходимости нравственнаго подвижничества общественному дѣятелю на тѣхъ, особо-скользскихъ путяхъ, по которымъ, въ угарной атмосферѣ партійныхъ и личныхъ страстей, вращается безжалостно давящее враговъ и друзей колесо политики?..

Но развѣ нѣтъ, скажутъ намъ, ученаго или соціальнаго подвижничества въ жизни, но только *своего*, специфическаго, несвязаннаго съ христіанскимъ и даже часто ему противоположнаго? Не отрицаемъ — есть! Но и глубоко вѣримъ, что здѣсь-то и таится источникъ трагическаго противорѣчія современной жизни: искренности и благородства многихъ ея стремленій съ одной стороны, а съ другой — ея безсилія и всяческихъ паденій, несмотря на наличность «своихъ, особыхъ» родовъ подвижничества. Именно потому, что въ каждой области дѣятельности, въ каждой группѣ дѣятелей, а иногда даже у отдѣльныхъ лицъ, подвижническое усиліе—только свое, особое, съ другими усиліями органически необъединенное и непримиренное, именно потому, что всѣ наши порывы и напряженія полны разлада, колебаній, противорѣчій, противодѣйствій, они немощны, и, по той же причинѣ, какъ частичные и условные, какъ выведенные не изъ абсолютнаго, предѣльнаго идеала, не изъ высшей, всеобъемлющей цѣли, не изъ

неизмѣнной въ своей сущности нормы жизни, — эти порывы, эти усилія несовершенны, а часто и прямо ошибочны. Всѣ, даже и благороднѣйшія стремленія къ свѣтскому подвижничеству нуждаются въ незыблемой и абсолютной внутренней, духовной первоосновѣ, и иной основы, въ ободряющемъ и плодотворномъ смыслѣ, кромѣ христіанской, для подвижничества даже житейскаго быть не можетъ! Не замѣнить ее основою такъ называемой естественной, гуманистической нравственности, чуждой, по существу, началу аскетическому, взывающей не къ добродѣтельному самоограниченію, а къ наибольшему удовлетворенію наибольшихъ потребностей. Извѣстное ограниченіе этого «разрѣшенія на вся» неизбѣжно, конечно, и въ гуманистической этикѣ, но лишь въ силу практической необходимости, по внѣшнему принужденію, а если добровольно,—то въ противорѣчіе съ основнымъ принципомъ этой нравственности. Не замѣнить христіанскаго подвижничества и пессимистическому аскетизму восточнаго буддизма и западной мудрости отчаянія: такое самоотрѣшеніе ведетъ къ отрицанію смысла жизни, къ небытію, нирванѣ, къ смерти вѣчной, въ противоположность упованію и подвигу христіанскому достигнуть жизни вѣчной.

Вотъ почему, какъ бы странно ни прозвучало мое слабое слово среди вихря нашихъ многихъ, нашихъ важныхъ и неотложныхъ дѣлъ, я осмѣливаюсь указать на высокую пользу для людей и нашего времени святоотеческихъ твореній, какъ содержащихъ въ себѣ глубокую школу не одного иноческаго подвижничества былыхъ временъ, но и общехристіанскаго, широко примѣнимаго, внутренняго, духовнаго воспитанія человѣка. Православная аскетика въ святоотеческихъ твореніяхъ, выработалась въ точную дисциплину и, можно даже сказать, въ науку духовнаго опыта, представляющую провѣренную до мельчайшихъ подробностей систему тщательнаго упорядоченія человѣческаго организма въ опредѣленномъ, цѣлостномъ и стройномъ направленіи. Тутъ нѣтъ ничего измышленнаго, придуманнаго, сочиненнаго; тутъ—только пережитое, лично выстраданное, и на опытѣ другихъ, мудрѣйшихъ и праведнѣйшихъ, провѣренное. Такъ радикальна была постановка задачи, такъ неутомимо желаніе рѣшить ее, такъ добросовѣстны, наконецъ, поиски рѣшенія, что во всѣхъ этихъ трехъ смыслахъ святоотеческія творенія сохраняютъ свою неветшающую цѣнность и понынѣ. Сама наука наблюдательной психологіи, пы-

тающаяся познать душу путемъ внѣшнихъ опытовъ, найдетъ здѣсь цѣлую сокровищницу огромнаго, разнообразнѣйшаго опыта внутренняго, плоды того сосредоточеннаго и планомѣрнаго «внутрь-смотрѣнія», въ которомъ никакому лабораторному физіологу и психологу не превзойти глубокихъ сердцевѣдцевъ: Макарія Египетскаго, Іоанна Лѣствичника, Исаака Сирина и столькихъ другихъ, ни тонкостью анализа, ни проницательностью интуиціи, ни осторожностью фактической провѣрки принципіальныхъ обобщеній и частныхъ практическихъ выводовъ. Загадочная природа нашихъ чувствъ, желаній, страстей и воли, въ ихъ такъ называемомъ естественномъ, съ христіанской же точки зрѣнія, грѣховномъ состояніи, разоблачается здѣсь съ изумительною полнотою и точностью, благодаря сравнительному изученію ихъ въ тройномъ процессѣ: во-первыхъ, грѣховнаго состоянія, далѣе,—въ процессѣ постепеннаго нравственно-религіознаго перевоспитанія естественнымъ усиліемъ воли и ума, стремящихся къ преодолѣнію грѣховности, и наконецъ,—въ процессѣ радикальнаго перерожденія личности высшею силою божественной благодати.

При томъ невѣдѣніи, въ которомъ находится большая часть нашей интеллигенціи относительно святоотеческой литературы, несмотря на вышеочерченное огромное, міровое значеніе идеала, въ ней воплощеннаго, не удивительно, что главнымъ препятствіемъ къ сближенію съ ней служитъ цѣлый рядъ предубѣжденій: относительно ея будто бы полной устарѣлости, ея значенія только для завзятыхъ аскетовъ и, наконецъ, ея однообразія и будто бы шаблонности. Но уму развитому, дѣйствительно интеллигентному, при непосредственномъ и притомъ непредубѣжденномъ ознакомленіи съ этими твореніями, не трудно было бы распознать и отграничить ихъ временныя и мѣстныя черты, имѣющія интересъ только историческій, отъ вѣчныхъ, психологическихъ, и потому не старѣющихъ. Отпасть должно, при непосредственно вдумчивомъ отношеніи къ этимъ произведеніямъ, и другое предубѣжденіе, о ихъ пригодности лишь для немногихъ, исключительныхъ натуръ. Идеалъ абсолютнаго, законченнаго подвижника здѣсь данъ безспорно, и, съ точки зрѣнія писавшихъ и ихъ времени, данъ съ нескрываемымъ превознесеніемъ его. Но онъ не сдѣланъ общеобязательнымъ во всей строгости и полнотѣ требованій, а, главное, не въ томъ, что наиболѣе вводитъ въ соблазнъ и откалкиваетъ людей нашего времени, полагается здѣсь смыслъ и центръ тяжести

подвижничества. Яснѣе, чѣмъ въ какихъ-либо иныхъ историческихъ проявленіяхъ аскетическаго духа, именно въ твореніяхъ величайшихъ подвижниковъ раскрывается многозначительная истина, что существенное содержаніе и цѣнность подвижничества заключается не во внѣшнемъ фактѣ отрѣшенія отъ плоти и міра, а во внутренней дисциплинѣ духа, которая, имѣя конечною цѣлью полное единеніе человѣка съ Богомъ, такъ сказать, попутно упорядочиваетъ и очищаетъ отношенія человѣка и къ плоти, и къ міру, согласно съ духомъ Христовымъ, составляющимъ для вѣрующаго «всяческое во всемъ», дабы, выражаясь словами епископа Ѳеофана, «при всемъ житейскомъ строѣ» и выполненіи возлагаемыхъ имъ житейскихъ обязанностей, «держать свое сердце» такъ, чтобы внутренняя наша сущность не была «подъ вяжущимъ и тяготѣющимъ обаяніемъ дѣлъ внѣшнихъ», и чтобы, «среди самого житейскаго, развивалась бы другая», высшая «жизнь, исходящая изъ того источника, откуда пьющій не вжаждетъ во-вѣки» [1]).

Совершенно неосновательно, наконецъ, и мнѣніе объ отсутствіи разнообразія въ содержаніи и о монотонности и шаблонности святоотеческой литературы. Конечно, въ ней нечего искать сюжетовъ чуждыхъ и несвойственныхъ ея цѣлямъ (хотя уже въ просто культурно-историческомъ смыслѣ она—цѣлое сокровище); но въ предѣлахъ поставленной ею себѣ задачи она изумительна! Поразительное единство въ духѣ и ученіи, и притомъ о столь таинственной области вѣдѣнія, у этихъ людей, живших на огромномъ разстояніи другъ отъ друга, при полномъ сохраненіи индивидуальности въ способѣ изложенія, стилѣ и, до извѣстной степени, въ предметахъ, привлекающихъ ихъ вниманіе,—вотъ характерная черта святоотеческихъ твореній. Они не повторяютъ, а восполняютъ другъ друга. Вотъ передъ нами Антоній Великій, устанавливающій внѣшнія правила подвижничества, тогда только что утверждавшагося. Въ основѣ этихъ внѣшнихъ нормъ какое глубокое сердцевѣдѣніе! Какое знаніе души, ищущей спасенія, и какая заботливость обо всемъ, что можетъ разслабить или укрѣпить ее! Какія драгоцѣнныя указанія почти на всякій жизненный случай, предупреждающія, охраняющія, возстановляющія вступившаго на путь спасенія! Откиньте окраску IV вѣка, полноту строгости, посильной только героямъ Ѳиваиды и Нитрійской пустыни,—останется достаточно основного, пригоднаго и для

[1]) Еп. Ѳеофанъ. Мысли на каждый день. Москва 1904, 385—7.

XX вѣка, если въ немъ вѣетъ еще духъ нравственной добросовѣстности! Вотъ преемникъ Антонія, «свѣтильникъ, возженный отъ этого великаго свѣтила», преподобный Макарій Египетскій. Онъ уже не касается частностей, онъ стремится каждымъ словомъ своимъ дать должное направленіе трудамъ подвизающагося, указывая конечную цѣль, къ которой должно стремиться во всѣхъ трудахъ. Его главная задача—раскрыть сущность христіанства, цѣль и вѣнецъ пути Христова, «освященіе души благодатію Духа Святого». Дерзнемъ ли сказать, что эта цѣль, этотъ путь устарѣли?.. или что онъ намъ достаточно извѣстенъ, что нечего поучаться ему у того, кому онъ былъ такъ близокъ, такъ родственно-знакомъ?.. Вотъ преп. Ефремъ Сирин, духовнымъ окомъ созерцающій грозную правду Суда Божія, и огненнымъ словомъ призывающій къ непрестанному покаянному очищенію души, безсильной, безъ очищенія, войти въ царство радости Господа своего... Вотъ Іоаннъ Лѣствичникъ, стянувшій огромный психологическій опытъ «духовнаго человѣка» въ точнѣйшія формулы анализа внутренней жизни, психологъ по преимуществу, постигшій природу нашихъ чувствъ, страстей, желаній и воли изученіемъ генетическимъ, въ процессѣ ихъ зарожденія, развитія и видоизмѣненія. Вотъ, далѣе, «величайшій (по Кирѣевскому) христіанскій философъ», Исаакъ Сирин, создающій своеобразную, на благодатномъ духовномъ опытѣ основанную, теорію познаванія и, въ связи съ нею, раскрывающій таинственное шествіе и подъемъ души, взыскующей Бога, въ процессѣ вѣры, отъ низшихъ ступеней до высшей, до созерцанія тайнъ Пресвятой Троицы и Искупленія. И наконецъ,—подвижникъ болѣе поздней поры, но продолжатель основоположительныхъ Отцовъ, Симеонъ Новый Богословъ, величавую глубину мистическаго озаренія коего признала даже столь холодная въ этомъ отношеніи протестантская историческая критика. Въ его неподражаемыхъ по вдумчивости и трезвенному воодушевленію «Словахъ» вы всюду чувствуете, что для этой чистой души, вполнѣ отдавшейся Богу, потусторонній міръ—такая же непосредственно, съ величайшею живостью и полнотою познаваемая реальность, какою для насъ, плѣнниковъ плоти, является міръ дольній, земной. Объединеніе Божественнаго съ человѣческимъ, примиреніе сверхмірнаго, трансцендентнаго съ имманентнымъ, эта, для односторонне-раціоналистической философіи неразрѣшимая, величайшая тайна души, безъ такого примиренія «тос-

кующей въ изгнаніи своемъ», раскрыта здѣсь какъ осязательный фактъ органическаго, цѣлостнаго переживанія, какъ результатъ реальнаго духовнаго опыта. И глядя на очевидные, осязательные плоды этого опыта въ нравственной и религіозной жизни шедшихъ по этому пути, и сравнивая съ ними результаты иныхъ путей, невольно чувствуется, какъ далеко въ сторону отъ животворнаго направленія уклонилась наша учено-раціоналистическая богословская мысль. Какъ бы ни нужна, какъ бы ни почтенна была вся ея добросовѣстная эрудиція и проницательная критика на подобающемъ имъ мѣстѣ, все же, въ разрывѣ съ духомъ живого, непосредственнаго опыта вѣры и праведности,—это сила не столько питающая душу, сколько изсушающая, мертвящая ее. Вотъ почему сближеніе съ святоотеческими твореніями, проникновеніе ихъ глубоко христіанскимъ духомъ мы считаемъ необходимостью и для нашей ученой богословской мысли.

Неучеными, но умудренными вѣрою душами эти высокія произведенія духа христіанскаго давно оцѣнены по достоинству въ прошломъ; такимъ душамъ они родственны, дороги, близки и въ наше время. Немногимъ праведникамъ дана благодать полнаго подъема въ область высшаго «умнаго» свѣта; но сколькимъ благочестивымъ душамъ даже далекія отраженія его служили успокоеніемъ и ободреніемъ къ росту духовному, сколькимъ падшимъ — средствомъ покаянія и возрожденія? Тѣмъ страннѣе и непзвинительнѣе почти полное незнаніе этихъ произведеній въ иномъ, хотя и просвѣщенномъ кругу нашего общества. Каково бы ни было отношеніе къ нимъ личныхъ симпатій и антипатій, такія міровыя силы, какъ эти, не могутъ, не должны быть игнорируемы. Нельзя судить объ этихъ твореніяхъ и только по наслышкѣ, по пересказу: ихъ не передать безъ ущерба своими словами, почти также, какъ и Священнаго Писанія, ибо и они—не придуманы, не сочинены, а созданы «въ духѣ и силѣ»; плодъ тончайшаго психологическаго анализа, величайшаго самоуглубленія и «внутрь-смотрѣнія», они въ особенности требуютъ непосредственнаго, самостоятельнаго ознакомленія и сосредоточеннаго вниманія; вызванныя безпримѣрнымъ въ исторіи человѣчества порывомъ къ выспренности помысловъ и къ чистотѣ чувствъ и дѣлъ, они и постигнуты должнымъ образомъ могутъ быть только чистыми сердцемъ, которые одни Бога узрятъ.

Владиміръ Кожевниковъ.

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.И. Соколов

О поводах к разводу в Византии IX-XV века:

историко-правовой очерк

Опубликовано:
Христианское чтение. 1909. № 12. С. 1565-1580.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

О поводахъ къ разводу въ Византіи IX—XV в.

Историко-правовой очеркъ *).

Что касается *Василикъ*, то о разводѣ—περὶ λύσεως γάμων говорится въ седьмомъ титулѣ XXVIII-й книги этого замѣчательнаго памятника византійской юриспруденціи. Однако, и здѣсь въ основу бракоразводнаго права положено законодательство императора Юстиніана. Титулъ открывается извлеченіемъ изъ CXVII-й новеллы Юстиніана (η′, § 1—2), гдѣ рѣчь идетъ о необходимости ограничить количество причинъ для расторженія брака, какъ отчасти недостойныхъ, и поименовать только благословныя основанія для развода. И дальше слѣдуютъ причины, по которымъ мужъ безопасно можетъ посылать женѣ разводъ, сохраняя власть и надъ ея приданымъ—одинъ или вмѣстѣ съ дѣтьми.

1. Если жена знаетъ о злоумышленіи нѣкоторыхъ лицъ противъ царской власти и не сообщитъ своему мужу; если же мужъ умолчитъ (предъ царемъ) о такомъ сообщеніи жены, то послѣдней должно дать обо всемъ этомъ извѣстіе царской власти чрезъ посредство какого-либо другого лица, такъ что мужъ не можетъ извлечь изъ этой причины (ἐκ ταύτης τῆς αἰτίας) никакого предлога (μηδεμίαν πρόφασιν) для развода.

2. Если мужъ полагаетъ, что можетъ обвинить свою жену въ прелюбодѣяніи, то ему слѣдуетъ прежде всего составить письменный актъ противъ жены, или и противъ прелюбодѣя. И если преступленіе прелюбодѣянія будетъ ясно доказано (мужемъ), то, послѣ того какъ имъ посланъ будетъ разводъ женѣ, на согрѣшившихъ (τοῖς ἁμαρτάνουσιν),—по повелѣнію за-

*) Продолженіе. См. ноябрь.

конодателя, — должны были наложены тѣ наказанія, которыя опредѣляются законами; законнымъ наказаніямъ должны подвергнуться и тѣ, кои были посредниками или сообщниками въ этомъ нечестивомъ преступленіи [91]).

Изъ имущества прелюбодѣя, — говорится дальше по руководству CXXXIV (CLXVI)-й новеллы Юстиніана (ι'), — если онъ имѣетъ жену, для нея сохраняется приданое и предбрачный даръ, или соотвѣтствующая часть (четвертая), предписанная закономъ, если не были заключены договоры о приданомъ. Остальное же его имущество,—если имѣются родственники по восходящей и нисходящей линіи,—получаютъ они до третьей степени по порядку и степенямъ; если же никого нѣтъ изъ такихъ родственниковъ, то закономъ повелѣвается утверждать все имущество за государственной казной. А прелюбодѣйную жену необходимо подвергнуть соотвѣтствующимъ наказаніямъ (ποιναῖς) и заключить въ монастырь. И если мужъ въ продолженіе двухъ лѣтъ пожелаетъ взять ее, то ему дается право сдѣлать это и сожительствовать съ ней безъ всякаго опасенія, такъ какъ браку не причиняется вреда тѣмъ, что произошло въ промежуточное время (μήτε διὰ τῶν ἐν μέσῳ γενομένων καταβλαπτομένου τοῦ γάμου), — коль скоро мужъ признаетъ возможнымъ пренебречь (καταφρονῆσαι) всѣмъ случившимся. Если же указанное время прошло, или мужъ, прежде чѣмъ взять жену, умретъ, то закономъ повелѣвается, чтобы жена, хотя бы и не желала, была пострижена, приняла монашескую схиму и жила въ одномъ и томъ же монастырѣ во все время своей жизни. И если она имѣетъ родныхъ по нисходящей линіи (дѣтей), то они получаютъ двѣ трети изъ ея имущества, раздѣливъ его по предписанію законовъ, а остальная третья часть отдается монастырю, въ которомъ она находится. Если же родственниковъ по нисходящей линіи не будетъ, а будутъ только по линіи восходящей, причемъ окажется, что они не содѣйствовали ей въ этомъ преступленіи, то они получаютъ четыре части (изъ ея имущества), раздѣленныя по предписанію закона, а восемь частей отдаются монастырю, въ которомъ такая жена заключена. Если же она не имѣетъ родственниковъ ни по нисходящей, ни по восходящей линіи, или и по-

---

[91]) Τὰ Βασιλικά. — Basilicorum libri LX. Ed. *Heimbach.* Tom. III, p. 217—218. Lipsiae 1843. Сравн. *Zachariae,* Novellae Justiniani, II, 216—217.

слѣдніе содѣйствовали такому преступленію, то все ея имущество получаетъ монастырь, при чемъ должно соблюдаться и то, чтобы за мужемъ при всѣхъ указанныхъ комбинаціяхъ (относительно родственниковъ) было сохранено право на владѣніе тѣмъ, что было установлено по добавочнымъ брачнымъ соглашеніямъ [92]).

3. Группа (3—6) причинъ для требованія мужемъ развода отъ жены, указанныхъ въ CXVII (ή, § 3—7) новеллѣ Юстиніана и регламентированыхъ въ Прохиронѣ и Эпанагогѣ [93]).

Вслѣдъ затѣмъ въ Василикахъ поименованы причины, по которымъ жена благословно можетъ посылать разводъ мужу, пользуясь приданымъ и брачнымъ даромъ—одна или вмѣстѣ съ дѣтьми. Памятникъ и здѣсь представляетъ буквальное извлеченіе изъ CXVII-й новеллы (θ') Юстиніана, внесенное также и въ Прохиронъ [94]).

Указавъ причины односторонняго развода, равно и законныя наказанія для виновной стороны, какъ прямое послѣдствіе грѣха, Василики вслѣдъ затѣмъ излагаютъ такія опредѣленія, которыя не вошли ни въ Номоканонъ Фотія, ни въ Прохиронъ и Эпанагогу. Должно соблюдать и слѣдующее,—говорится здѣсь:—если мужъ благословно—εὐλόγως—пошлетъ разводъ, то жена должна подлежать указаннымъ наказаніямъ и *въ теченіе цѣлаго пятилѣтія должна удерживаться отъ вступленія во второй бракъ* (εἰς πενταετίαν ὅλην πρὸς δεύτερον ἐλθεῖν κωλυθήσεται συνοικέσιον), (такъ что) бракъ, (заключенный) раньше пятилѣтія, не будетъ чистымъ и не долженъ называться законнымъ (νόμιμος), но всякій желающій можетъ придти и обвинить состоявшійся (бракъ), какъ дерзко заключенный противъ закона. А жена, если и благословно пошлетъ разводъ, будетъ имѣть и перевѣсъ въ спорѣ и пріобрѣтетъ раньше указанную имущественную прибыль, то (все-таки) должна постыдиться (ἐρυθριάτω) вступать во второй бракъ, прежде чѣмъ пройдетъ годъ. Но въ отношеніи мужа это у насъ не должно соблюдаться, и тому, кто справедливо (εὐλόγως) воспользовался выгодами (послѣ развода), можно и тотчасъ жениться, потому

---

[92]) Basilica, ib., p. 219—220=*Zachariae*, Novellae Justiniani, II, 383—384.

[93]) Basilica, III, 220=*Zachariae*, Novellae Justiniani, II, 218=Epanagoga, XXI, ε', см. выше, стр.

[94]) Basilica, III, 220 — 222=Prochiron, tit. XI, ιγ'—ιη'=*Zachariae*, Nov. Just. II, 218—220.

что не можетъ быть никакого разумнаго подозрѣнія о смѣшеніи потомства, что въ отношеніи женщинъ, естественно, распространяется на цѣлый годъ. Препятствіе, отсюда проистекающее, настолько велико, что хотя бы расторженіе брака произошло bona gratia (ἀγαθῇ χάριτι,) то и въ этомъ случаѣ для женщинъ запрещеніе на вступленіе во второй бракъ установлено также на одинъ годъ [95]).

Относительно представленнаго узаконенія должно, прежде всего, сказать, что оно заимствовано, съ нѣкоторыти текстуальными измѣненіями, изъ XXII (XLVII)-й новеллы (ιε′—ις′) императора Юстиніана отъ 536 года [96]), куда замѣчаніе о второмъ бракѣ жены послѣ развода bona gratia внесено, въ свою очередь, изъ конституціи императора Анастасія отъ 497 года [97]). Затѣмъ, къ узаконенію о другомъ бракѣ жены, по винѣ которой произведенъ разводъ, имѣется въ Василикахъ слѣдующая схолія: «замѣть, что обвиненная жена, если осуждена за прелюбодѣяніе, заключается въ монастырѣ, а если она осуждена по другимъ причинамъ, помимо этой вины, то не постригается, но бракъ расторгается, жена же въ теченіе пяти лѣтъ подлежитъ запрещенію вступать во второй бракъ»... Другая схолія гласитъ: «замѣть, что когда мужъ, послѣ расторженія брака, приметъ монашество, то жена должна соблюдать назначенное для оплакиванія время (τὸν πένθιμον χρόνον)“ [98]). Кромѣ того, XXII-я новелла Юстиніана была, какъ извѣстно, упразднена CXVII-й новеллой, излагающей поводы и послѣдствія расторженія брака. По этой причинѣ, опредѣленіе о другомъ бракѣ для жены, виновной или неповинной, а равно и для пострадавшаго мужа, не вошло ни въ Номоканонъ патріарха Фотія, ни въ Прохиронъ и Эпанагогу Василія Македонянина. Но въ Василикахъ забытое узаконеніе XXII-й новеллы Юстиніана было возстановлено, хотя и съ существеннымъ ограниченіемъ относительно вины прелюбодѣянія.

Далѣе въ Василикахъ рѣчь идетъ о бракѣ женъ воиновъ различнаго оружія, пропавшихъ безъ вѣсти, причемъ законодатель буквально воспроизводитъ одиннадцатую главу CXVII-й новеллы Юстиніана [99]). Схолія къ этому прибавляетъ, что,

---

[95]) Basilica, III, 222.
[96]) *Zachariae*, II, 301.
[97]) Codex Justinianus, V, 17, § 9, p. 213 Ed. *Krüger*.
[98]) Basilica, III, 222, notae *yy* и *bb*.
[99]) Basilica, III, 222—333=*Zachariae*, II, 220—222.

примѣнительно къ указанной новеллѣ, «нынѣ (σήμερον) наказанія для мужа и жены бываютъ равны»—за неосновательное (ἀλόγως) расторженіе брака [100]).

Затѣмъ, обращаясь къ разводу безъ наказанія—δίχα ποινῆς [101]), памятникъ, примѣнительно къ XXII-й новеллѣ Юстиніана (гл. 5—7), называетъ слѣдующіе къ нему поводы.

1. Постриженіе въ монашество одного изъ супруговъ, причемъ супругъ, остающійся въ міру, получаетъ «малое утѣшеніе» (βραχεῖα παραμυθία) въ видѣ наслѣдованія такой части имущества, какая назначена, въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, оставшемуся въ живыхъ. По разъясненію схоліаста, здѣсь рѣчь идетъ не о гипоболѣ (ὑπόβολον, hypobolum) [102]), который Василиками былъ отмѣненъ, а вообще о выгодѣ, которая получалась оставшимся въ мірѣ супругомъ по предварительному уговору на случай смерти другого супруга, удалившагося потомъ въ монастырь и умершаго для мірской жизни [103]).

2. Физическая неспособность мужа въ теченіе трехъ лѣтъ.

3. Пребываніе мужа или жены въ плѣну въ теченіе пяти лѣтъ (по мотиву ἀγαθῇ χάριτι=bona gratia) [104]).

«Итакъ, мы повелѣваемъ,—заключаетъ законодатель,—чтобы для расторженія законныхъ браковъ было достаточно только всѣхъ тѣхъ причинъ, которыя содержатся въ настоящемъ нашемъ законѣ, а относительно всѣхъ остальныхъ приказываемъ, чтобы онѣ были упразднены и чтобы законный бракъ не расторгался ни по одной другой причинѣ, кромѣ поименованныхъ въ этомъ законѣ,—будетъ ли таковая содержаться въ нашихъ или въ болѣе древнихъ законахъ [105]).

Въ связи съ представленнымъ заключеніемъ въ Василикахъ далѣе приводится извлеченіе изъ CXXXIV (=CLXVI)-й

---

[100]) Basilica, III, 233.

[101]) Въ схоліи изъясняется, что этотъ терминъ имѣетъ слѣдующій смыслъ: жена при разводѣ получаетъ свое приданое, а мужъ—предбрачный даръ.

[102]) Подъ „гипоболомъ“ разумѣется законное право на пріобрѣтеніе женою имущественныхъ выгодъ изъ наслѣдства умершаго мужа въ вознагражденіе за принесенное ею приданое и въ извѣстномъ отношеніи къ его величинѣ.

[103]) Basilica, III, 224.

[104]) Basilica, III, 224—225=*Zachariae*, Novellae Justiniani, I, 293—295. Ср. выше, стр.

[105]) Basilica, III, 226=Novella Justiniani CXVII ιβ' (*Zachariae* II, 222).

новеллы Юстиніана (ια') отъ 556 года. Такъ какъ нѣкоторые,—говоритъ законодатель,—пытаются нарушить законъ, гдѣ спеціально перечислены причины, по которымъ только и можно посылать разводъ со стороны или мужа, или жены, то повелѣвается, чтобы вопреки этимъ причинамъ разводы никоимъ образомъ не совершались.—хотя разводы, уже совершенные, должны остаться въ силѣ, или браки вновь заключенные расторгаются по соглашенію [106]) и супруги прощаютъ другъ другу грѣхи. Впредь же, если нѣкоторые осмѣлятся расторгнуть бракъ вопреки указаннымъ въ законѣ причинамъ, то повелѣвается, чтобы въ томъ случаѣ, когда виновные имѣютъ нисходящихъ родственниковъ (дѣтей) отъ этого или отъ другого брака, имущество ихъ передавалось послѣднимъ согласно законному порядку, а мужъ и жена заключались въ монастырѣ на всю свою жизнь; кромѣ того, четыре части изъ имущества каждаго назначаются тѣмъ монастырямъ, въ которыхъ водворены виновные, при чемъ мужъ, конечно, не имѣетъ права пользованія (χρῆσις) частью, отданною дѣтямъ. Если же виновные не имѣютъ нисходящихъ родственниковъ, а восходящіе окажутся, то послѣдніе получаютъ третью часть имущества, если не сочувствовали нечестивому расторженію брака, а двѣ части имущества отдаются монастырямъ, въ которыхъ виновные водворены. Если же нѣтъ ни нисходящихъ, ни восходящихъ родственниковъ, или восходящіе одобрили совершившійся разводъ, тогда все имущество должно быть отдано монастырямъ, гдѣ находятся виновные, дабы ради такого способа дѣйствій не остался въ пренебреженіи Божественный судъ и не былъ нарушенъ законъ. И тѣ, которые содѣйствовали такимъ расторженіямъ браковъ или составляли относящіеся къ нимъ незаконные документы, должны быть подвергнуты тѣлеснымъ наказаніямъ и отправлены въ изгнаніе. Если же тѣ, которые устроили брачный разводъ, пожелаютъ опять сойтись, прежде чѣмъ будутъ водворены въ монастыряхъ, то мы,—говоритъ законодатель,—даемъ имъ эту возможность,

---

[106]) Схоліастъ по этому поводу говоритъ: „Знай, что сказанное нынѣ не исполняется.., ибо новелла CXL (=II новелла императора Юстина II) повелѣваетъ безнаказанно расторгать браки по соглашенію (τῇ συναινέσει). Ищи 4 главу XIII титула Номоканона патріарха Фотія) и 9-е правило св. Василія“ (Basilica, Ш, 227—228. Сравн. Ράλλης καὶ Ποτλῆς, I, 298; проф. *А. В. Нарбековъ*, Номоканонъ константинопольскаго патріарха Фотія съ толкованіемъ Вальсамона, ч. II, стр. 526, примѣч. Казань 1899).

прощаемъ имъ наказанія и разрѣшаемъ имъ пользоваться своимъ имуществомъ и такимъ образомъ жить другъ съ другомъ, какъ будто бы никакого подобнаго грѣха и не случилось. Если же одинъ изъ супруговъ желаетъ возобновить бракъ, а другой не соглашается, то въ отношеніи къ не желающему сохраняются въ силѣ указанныя наказанія. Въ заключеніи законодатель повелѣваетъ, чтобы настоящій законъ исполнялся какъ въ столицѣ, такъ и въ областяхъ византійской имперіи, подъ наблюденіемъ гражданскихъ властей, именно комита приватовъ и школы палатиновъ—въ Константинополѣ [107]) и архонтовъ—въ провинціяхъ, которые, въ случаѣ небрежнаго надзора за виновными, сами, по приговору закона, должны подлежать изгнанію и конфискаціи имущества. Законодатель также повелѣлъ и епископамъ слѣдить за соблюденіемъ настоящего закона, чтобы по ихъ распоряженію припровожденныя гражданскою властью лица заключались въ тѣхъ или иныхъ монастыряхъ, а имущество ихъ поступало въ эти монастыри соотвѣтственно царскому объ этомъ опредѣленію [108]).

Далѣе въ Василикахъ опять помѣщены извлеченія изъ CXVII-й новеллы императора Юстиніана (гл. 13—15). Въ частности, законодатель повелѣваетъ, что всѣ дѣла, возбужденныя въ связи съ благословнымъ или несправедливымъ расторженіемъ брака, должны разсматриваться на судѣ и рѣшаться примѣнительно къ указаннымъ его опредѣленіямъ [109]).

А если кто-либо станетъ бить свою жену плетями или палками помимо одной изъ причинъ, которыя признаны въ отношеніи женъ достаточными для расторженія брака, то законодатель не желаетъ, чтобы изъ-за этого происходилъ разводъ, но мужъ, когда доказано, что онъ билъ свою жену плетями или палками безъ достаточной причины, за такое оскорбленіе, при сохраненіи къ тому же брака, долженъ отдать женѣ изъ остального своего имущества столько, сколько составляетъ третью часть предбрачнаго дара [110]).

Слѣдующее извлеченіе изъ CXVII-й новеллы (ιε′) говоритъ

---

[107]) διὰ τοῦ κόμητος τῶν πριβάτων καὶ τῆς τῶν παλατίνων σχολῆς.—„Комитъ приватовъ“ — министръ частнаго императорскаго имущества, или министръ удѣловъ, а „школа палатиновъ“—придворный военный отрядъ, охранявшій во дворцѣ царскія сокровища.

[108]) Basilica, III, 226—227=*Zachariae*, II, 384—385.

[109]) Basilica, III, 228=*Zachariae*, II, 224 (ιγ′ fin.).

[110]) Basilica, III, 228=*Zachariae*, II, 224 (ιδ′).

объ отношеніи оскорбленнаго мужа къ своему оскорбителю и прелюбодѣйной женѣ, причемъ оно излагается тождественно съ соотвѣтствующимъ узаконеніемъ въ Прохиронѣ [111]).

Въ заключеніи законодатель опредѣляетъ, что если кто-либо встрѣтитъ свою жену, или дочь, или внучку, или невѣсту бесѣдующими съ какимъ либо (мужчиной) въ священныхъ мѣстахъ, и заподозритъ, что они бесѣдуютъ ради гнусной цѣли, то ихъ должно отдавать экдику или прочимъ клирикамъ святѣйшей церкви, дабы послѣдніе держали ихъ обособленно и внѣ личной опасности, пока мѣстный архонтъ не испроситъ у епископа разрѣшенія взять ихъ, чтобы предать суду и наказанію, какъ прелюбодѣевъ [112]). Такимъ образомъ, Василики, какъ и законодательство Юстиніана, лишали прелюбодѣевъ, равно и убійцъ и похитителей дѣвъ, права церковнаго убѣжища, при чемъ съ особою строгостью относились къ лицамъ, позволившимъ себѣ нарушить святость храма какою-либо нечистою бесѣдой.

Кромѣ новеллъ, въ Василикахъ также помѣщены извлеченія изъ Дигестъ и Кодекса Юстиніана, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли не только историческое, но и практическое значеніе. Между прочимъ, здѣсь предложены такія законодательныя опредѣленія.

Бракъ, — говоритъ юристъ Павелъ, — расторгается разводомъ (благословнымъ), или смертью, или плѣномъ, или другимъ рабствомъ, случившимся съ однимъ изъ супруговъ [113]).— Но схолія Энантіофана, помѣщенная послѣ этого опредѣленія, разъясняетъ, что оно упразднено CXVII-ю новеллой императора Юстиніана [114]).

Разводъ,—по опредѣленію Гаія,—такъ производится: «дѣлай свое» (говоритъ мужъ женѣ, или жена мужу). Безразлично,—въ присутствіи или въ отсутствіи мужа объявляется о разводѣ,—какъ чрезъ подвластнаго ему, такъ и чрезъ того, кто его самого имѣетъ своимъ подвластнымъ.—Въ схоліяхъ

---

[111]) Basilica, III, 228—229=Prochiron, XXXIX, μβ′, p. 243—244 (см. выше стр.)=*Zachariae*, II, 224—225.

[112]) Basilica, III, 229—230=*Zachariae*, II, 225—226 (ιε′, § 1).

[113]) Basilica, III, 230=Digesta. lib. XXIV, tit. 2, § 1 (Corpus juris civilis, ediderunt A. et M. fratres *Kriegelii*, p. I, p. 392. Lipsiae 1875).

[114]) Basilica, III, 230.

разъясняется, что это опредѣленіе приложимо какъ къ repudium, такъ и къ divortium [115]).

Разводъ,—говоритъ Павелъ,—бываетъ только дѣйствительнымъ и для всегдашняго разложитія; посему жена, пославшая разводъ мужу вслѣдствіе вспыльчивости и возбужденности, а потомъ вскорѣ возвратившаяся къ нему, не должна, повидимому, считаться въ разводѣ.—Въ схоліяхъ разъясняется, что разводъ, совершенный въ гнѣвѣ и раздражительности, не долженъ признаваться дѣйствительнымъ, но слѣдуетъ выждать, не возвратится ли къ мужу жена, оставившая его въ возбужденномъ состояніи, и если она, спустя немного, возвратится, то должна признаваться его супругой, и развода, конечно, не можетъ и быть, такъ какъ дѣйствительность показала, что онъ произошелъ безъ благословной причины [116]).

Бракъ жены, находящейся въ безуміи, — говоритъ Ульпіанъ,—остается въ силѣ и ей справедливо посылается разводъ, такъ какъ она совершенно неразумна; сама же она не посылаетъ развода, ни попечитель ея, но отецъ можетъ посылать разводъ.—Энантіофанъ въ своей схоліи замѣчаетъ, что это опредѣленіе Дигестъ отмѣнено [117]).

Если одинъ изъ супруговъ, пославшій разводъ, перемѣнитъ свое намѣреніе,—говоритъ Папіанъ,—а тотъ, кто долженъ отнести разводную, не зная о раскаяніи, передастъ ее, то бракъ остается въ силѣ; но если тотъ изъ супруговъ, который, не зная о раскаяніи, приметъ разводную и пожелаетъ расторгнуть бракъ, тогда бракъ расторгается по его винѣ.—Въ одной изъ схолій это опредѣленіе иллюстрируется такимъ примѣромъ: «Я послалъ чрезъ тебя разводъ (ῥεπούδιον), потомъ

---

[115]) Basilica, III, 231=Digesta, XXIV, 2, § 2, p. 392—393.—Терминъ *repudium* въ источникахъ римскаго права употребляется для обозначенія *односторонняго* отказа отъ продолженія брака. По законодательству императора Юстиніана, такой отказъ имѣлъ правовое значеніе какъ для мужа, такъ и для жены. Терминъ *divortium* (ex consensu, communi consensu) обозначаетъ въ тѣхъ же источникахъ преимущественно *обоюдное* согласіе мужа и жены расторгнуть супружескій союзъ, хотя иногда употребляется въ смыслѣ односторонняго отказа продолжать бракъ, такъ что является синонимомъ термина repudium, только съ болѣе широкимъ содержаніемъ (срав. проф. *И. М. Громогласовъ*, Опредѣленія брака въ Кормчей и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго бракозаключенія, стр. 107—108. Сергіевъ Посадъ 1908).

[116]) Basilica, III, 231=Digesta, ibid., § 3, p. 393.

[117]) Basilica, III, 232=Digesta, ibid., § 4, p. 393.

я раскаялся, но ты, не зная объ этомъ, передалъ разводную: бракъ сохраняется; если же жена, узнавъ обо всемъ, пожелаетъ расторгнуть бракъ, то сама становится причиной развода» [118]).

Кто съ дороги возьметъ чужую жену въ свой домъ и убѣдитъ ее послать отсюда разводъ мужу, тотъ (по закону императора Адріана) удаляется въ изгнаніе на три года [119]).

Разводъ,—говоритъ Павелъ,—не имѣетъ силы, если не будутъ представлены семь совершеннолѣтнихъ свидѣтелей изъ ромеевъ, среди которыхъ нѣтъ ни одного вольноотпущенника того лица, которое посылаетъ разводъ, а равно—его отца, дѣда, прадѣда и вообще остальныхъ восходящихъ и нисходящихъ родственниковъ [120]).

Мать не можетъ посылать разводъ мужу своей дочери [121]).

Отецъ, коль скоро одобрилъ бракъ, не можетъ, помимо желанія дочери, расторгнуть его, за исключеніемъ лишь важной и благословной причины. Если же бракъ будетъ расторгнутъ и по желанію ея, то отецъ не можетъ принуждать ее возвратиться къ мужу. Если же дочь самовластна, то отецъ ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ расторгать бракъ ея [122]).

Дѣти ни подвластныя, ни самовластныя, ни сыновья, ни дочери не могутъ расторгать свои браки ко вреду отцовъ своихъ или матерей, давшихъ или принявшихъ приданыя и предбрачные дары, но какъ въ устройствѣ брака необходимо согласіе родителей, такъ и необходимо, чтобы браки дѣтей не расторгались противъ воли родителей; если же разводъ состоится вопреки желанію родителей, то не слѣдуетъ предъявлять къ нимъ требованіе о приданомъ или предбрачномъ дарѣ, хотя бы и они дали ихъ или получили, но сами сынъ или дочь, неосновательно пославшіе разводъ, подлежатъ этому взысканію,—ибо несправедливо будетъ, если отецъ, противъ желанія сына, не можетъ расторгать бракъ его, между тѣмъ какъ дѣтямъ, имѣющимъ, быть можетъ, менѣе 25 лѣтъ отъ роду,

---

[118]) Basilica, III, 233=Digesta, ibid., § 7, p. 393.

[119]) Basilica, III, 233=Digesta, ibid., § 8, p. 393.

[120]) Basilica. III, 233=Digesta, ibid., § 9, p. 393.

[121]) Basilica, III, 235=Codex Justinianus, l. V, c. XVII, § 4, p. 212 [законъ императоровъ Діоклетіана и Максиміана отъ 294 г.]. Recognovit *P. Krüger*. Berolini 1888.

[122]) Basilica, III, 235=Codex Justinianus, I. V, c. XVII, § 5, p. 212. [законъ императоровъ Діоклитіана и Максиміана отъ 294 г.].

не понимающимъ своей выгоды и пользующимся въ отношеніи родителей самымъ дурнымъ намѣреніемъ, позволено будетъ расторгать свой бракъ противъ воли родителей.—Въ схоліи къ этому добавляется, что часто самовластные сыновья, замышляя вмѣстѣ съ ихъ женами что-либо ко вреду своихъ родителей, посылали имъ разводную, не имѣя для этого никакой благословной причины, такъ что отъ родителей требовались и приданое, которое они получили, и предбрачный даръ, который они сдѣлали; между тѣмъ и послѣ будто-бы состоявшагося развода они тайно жили съ своими женами. Настоящее узаконеніе и направлено противъ указаннаго злоупотребленія разводомъ какъ самовластныхъ, такъ и подвластныхъ лицъ [123]).

Таково содержаніе титула «Περὶ λύσεως γάμων», входящаго въ составъ XXVIII-й книги знаменитыхъ византійскихъ Василикъ.

Что касается *новеллъ* императора Льва VI Мудраго (886—911 г.), то онѣ вносятъ существенныя дополненія въ предшествующее законодательство Македонской династіи, въ частности по вопросу о причинахъ расторженія брака. Такъ, въ XXX-й новеллѣ Льва рѣчь идетъ «о бракѣ при жизни прежняго мужа». Въ началѣ новеллы василевсъ говоритъ о важности законовъ для государства, которое и можетъ прогрессировать лишь тогда, когда законы предъявляютъ къ гражданамъ ясныя и опредѣленныя требованія; а съ другой стороны, нѣтъ ничего хуже, когда въ двухъ законахъ, касающихся одного и того же предмета, допускается противорѣчіе. Въ чемъ же дѣло?—Юстиніанъ, забота котораго о подданныхъ украсила—вмѣстѣ съ благочестіемъ—царственную его корону, сначала издалъ такое законоположеніе о расторженіи брака: если жена, когда мужъ ея еще живъ, будетъ замѣчена въ томъ, что вела съ другимъ переговоры о своемъ бракѣ, то ей больше уже нельзя находиться въ родственномъ и нерасторжимомъ едине-

---

[123]) Basilica, III, 236; Codex Justinianus, l. V, c. XVII, p. 213, nota 7 [конституція императора Юстиніана отъ 534 г.]. Эта конституція вошла и въ составъ XXII (=XLVIII)-й новеллы Юстиніана отъ 536 года [гл. ιε'] (*Zachariae*, I, 304—305). Умѣстно добавить, что седьмой титулъ XXVIII-й книги Василикъ, анализъ содержанія котораго здѣсь представленъ, заканчивается (—III, 236—237) извлеченіями изъ XXII (=XLVIII)-й новеллы Юстиніана (θ', ι'). [*Zachariae*, I, 296—297]

ніи съ своимъ мужемъ, но она, какъ злоумышленница, должна быть отсѣчена отъ брачнаго союза [124]); впослѣдствіе же Юстиніанъ, въ противорѣчіе самому себѣ, не позволилъ расторгать бракъ по этой причинѣ [125]). Но мы,—говоритъ Левъ,—видимъ, что для жизни болѣе полезно первое постановленіе Юстиніана, потому что оно предупреждаетъ и пресѣкаетъ замыслы противъ браковъ, и, объявляя это постановленіе въ достоинствѣ закона, мы при соблюденіи его не допустимъ, чтобы наше государство было какимъ-то театромъ, гдѣ мужъ обыкновенно поетъ палинодію... Посему, если какая-либо жена будетъ замѣчена въ томъ, что еще при жизни мужа вела съ другимъ бесѣды о бракѣ, то она должна быть отдѣлена отъ него расторженіемъ брака, такъ какъ своимъ преступнымъ настроеніемъ сама отсѣкла себя, и, конечно, должна подвергнуться имущественнымъ взысканіямъ, какимъ подлежатъ жены, и по другимъ основаніямъ разведенныя съ мужьями. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не справедливо, чтобы совершенно была отсѣчена отъ единенія, какъ заранѣе себя отдѣлившая, та, которая посредствомъ брачнаго союза была соединена съ мужемъ въ плоть едину, но не возлюбила его, которая оскорбила соединившаго ихъ Творца тѣмъ, что обратила свой взоръ къ другому, а вмѣстѣ съ тѣмъ прониклась враждебнымъ настроеніемъ къ мужу? Какое еще нужно доказательство того, что жена питаетъ къ мужу ненависть, коль скоро она, отвращая свой взоръ отъ близкаго человѣка, съ преступнымъ помысломъ сосредоточиваетъ его на другомъ и переноситъ на него свою любовь [126]).

Въ XXXI-й новеллѣ императоръ Левъ говоритъ о разводѣ по винѣ жены, если она намѣренно выбрасываетъ сѣмя мужа и вообще истребляетъ плодъ. Господь создалъ жену отъ ребра мужа,—такъ начинается новелла,—чтобы жена, зная о такомъ своемъ созданіи, поучалась отсюда имѣть расположеніе къ мужу и питать искреннюю къ нему любовь. Относясь къ мужу съ любовью, она дѣйствительно является его помощницей и неложно исполняетъ обѣтованіе Творца, въ противномъ же случаѣ она вовсе не является плотью отъ плоти его, хотя бы и имѣла съ нимъ общеніе. О женѣ въ этомъ отношеніи суще-

---

[124]) Novella Justiniani XXII (κ΄, § 1. *Zachariae*, I, 302.
[125]) Novella Justiniani CXVII, ιβ΄. *Zachariae*, II, 222.
[126]) *Zachariae*, Jus graeco-romanum, III, 113—115.

ствуютъ два закона, изъ которыхъ одинъ [127]) повелѣваетъ обиженному мужу посылать женѣ разводъ въ томъ случаѣ, если жена по ненависти къ нему производитъ выкидышъ плода и намѣренно лишаетъ свѣта жизни его потомство, а другой законъ запрещаетъ дѣлать это [128]), или вѣрнѣе — совсѣмъ не указываетъ означенную вину жены въ числѣ бракоразводныхъ причинъ. Мы же,—говоритъ Левъ Мудрый,—признаемъ силу за тѣмъ болѣе полезнымъ закономъ, который предписываетъ расторженіе брака. Въ самомъ дѣлѣ, неумѣстно и совершенно несправедливо, чтобы жена продолжала сожительствовать съ мужемъ, къ которому она явно проникнута враждой и потомство котораго истребляетъ. Коль скоро мы избѣгаемъ враговъ, наносящихъ намъ вредъ въ какомъ-либо другомъ дѣлѣ, то какъ же мужъ можетъ имѣть женою ту, которая постоянно наноситъ ему вредъ въ самомъ необходимомъ и важномъ дѣлѣ, какъ рожденіе дѣтей, и почему, напротивъ, онъ не долженъ удалить ее отъ себя, какъ злоумышленницу и врага своего? Какое еще требуется болѣе ясное доказательство того, что жена непріязненно относится къ мужу? Какъ же не очевидно, что жена, по враждебному къ нему настроенію, лишаетъ его потомство жизни? Поэтому долженъ оставаться въ силѣ законъ, ихъ раздѣляющій, и мужъ имѣетъ право удалиться отъ жены, уличенной въ такомъ преступленіи. Вѣдь если законъ повелѣваетъ удалить жену отъ брачнаго сожитія, когда она оставалась ночь внѣ дома или участвовала въ пиршествѣ съ посторонними мужчинами (хотя здѣсь и не столь очевидное свидѣтельство нерасположенія къ мужу), то какое будетъ основаніе не разводить ту, которая обнаружила столь великую ненависть и несправедливость и къ мужу, и къ природѣ, *коль скоро это желательно мужу* (εἰ τοῦτο δοκεῖ τῷ ἀνδρί), и напротивъ, гдѣ основаніе—дозволять и впредь имѣть сожительницей ту, которая злоумышляетъ на его жизнь [129])?— Въ заключеніе отмѣтимъ, что Ѳеодоръ Вальсамонъ упоминаетъ о XXXI-й новеллѣ Льва Мудраго въ своемъ толкованіи на 91 правило трулльскаго собора и разсматриваетъ ее здѣсь, какъ дѣйствующее въ Византіи право [130]).

---

[127]) Novella Justiniani, XXII, ιζ', § 1. *Zachariae*, I, 302.
[128]) Novella Justiniani CXVII. *Zachariae*, II, 217—218.
[129]) *Zachariae*, Jus graeco-romanum, III, 115—116
[130]) Ράλλης καὶ Ποτλῆς. II, 520.

Въ XXXIII-й новеллѣ Льва Мудраго содержится запрещеніе женамъ плѣнниковъ вступать въ бракъ съ другими мужьями. Въ предисловіи къ этой новеллѣ Левъ говоритъ о необходимости исправлять прежніе законы примѣнительно къ современнымъ нуждамъ государства, имѣя въ виду пользу населенія, а не какіе-либо посторонніе мотивы, въ родѣ честолюбія... По мнѣнію Льва, изъ прежнихъ законовъ, касающихся плѣнниковъ, вполнѣ неумѣстнымъ представляется опредѣленіе относительно расторженія ихъ браковъ. Въ XXII-й новеллѣ (ζ') императора Юстиніана объ этомъ сказано слѣдующее: «если случится съ мужемъ такое несчастіе, какъ плѣнъ, а жена останется въ государствѣ, или наоборотъ, жена будетъ въ плѣну, а мужъ останется въ государствѣ, то является точное и ясное основаніе для расторженія брака: коль скоро одного изъ супруговъ постигло рабство, то неравенство въ судьбѣ не позволяетъ сохраниться равенству, зависящему отъ брака; но, оцѣнивая это болѣе человѣколюбиво, мы соизволяемъ, чтобы бракъ оставался нерасторгнутымъ, пока извѣстно, что мужъ или жена находятся въ живыхъ, и ни жены, ни мужья не вступали въ другой бракъ, если не желаютъ сдѣлать это по безразсудству и подвергнуться штрафамъ, мужъ—лишенію предбрачнаго дара, а жена приданаго» [131]). По оцѣнкѣ Льва Мудраго, ни причина для развода плѣнниковъ, указанная въ новеллѣ Юстиніана, не представляется благословной, ни человѣколюбіе не является искреннимъ, коль скоро разрѣшеніе развода соединяется съ наложеніемъ наказанія. Вѣдь если неравенство въ судьбѣ,—продолжаетъ василевсъ,—не позволяетъ сохраняться браку, то какъ же бракъ не можетъ опять привести къ равенству, если плѣнникъ вновь будетъ призванъ къ свободѣ, и положеніе,—хотя уже послѣ расторженія брака,—снова достигнетъ равенства, когда оба будутъ жить свободно? Гдѣ искреннее человѣколюбіе, наказывающее раздѣленіемъ самыхъ родственныхъ членовъ и пытающееся смягчить наказаніе возвращеніемъ имущества? Да и разумно ли вознаграждать деньгами за потерю родственнаго члена, связаннаго съ другимъ союзомъ духовнымъ?.. И Левъ Философъ узаконилъ: супругъ, не испытавшій плѣна, никоимъ образомъ не долженъ вступать въ бракъ съ другимъ, и сколько бы лѣтъ находящійся въ плѣну ни страдалъ здѣсь, другой дол-

[131]) Сравн. *Zachariae,* Novellae Justiniani, I, 259.

женъ ожидать, хотя бы не получалъ оттуда вѣстей ни письменныхъ, ни устныхъ. Если же кто-либо, вопреки настоящему закону, пожелаетъ расторгнуть прежній бракъ для вступленія въ другой и поступитъ несогласно съ опредѣленіемъ CXVII-й новеллы о женахъ солдатъ, находящихся на войнѣ, тотъ подвергнется наказаніямъ, здѣсь опредѣленнымъ, да притомъ тотъ, кто возвратится изъ плѣна, имѣетъ право, если желаетъ, вновь взять своего прежняго супруга [132]). Такимъ образомъ, императоръ Левъ Мудрый совершенно запретилъ вступать въ новый бракъ женамъ и мужьямъ плѣнниковъ, а женамъ воиновъ, пропавшихъ безъ вѣсти, предписалъ руководиться CXVII-й новеллой Юстиніана, которая разрѣшала имъ бракъ лишь въ случаяхъ удостовѣренной военными властями смерти ихъ мужей, иначе онѣ подвергались тѣлесному наказанію за прелюбодѣяніе вмѣстѣ съ новыми своими мужьями, а воинскіе начальники платили штрафъ въ десять литръ золота въ пользу пострадавшаго отъ ихъ лжесвидѣтельства супруга [133]).—Ѳеодоръ Вальсамонъ и объ этой новеллѣ упоминаетъ въ своемъ толкованіи на 93 правило трулльскаго собора, какъ о дѣйствующемъ законѣ [134]).

Далѣе, CXI-я новелла Льва Мудраго ведетъ рѣчь о расторженіи брака, вслѣдствіе сумасшествія жены. Нѣтъ ничего въ жизни человѣка столь необходимаго, какъ помощь жены (говорится въ этой новеллѣ),—чему научилъ Самъ Виновникъ творенія, а по Божественному наставленію даетъ свидѣтельство и природа. Въ силу этого и законъ долженъ заботиться о той и другой сторонѣ, дабы у тѣхъ, кои посредствомъ брака соединились на всю жизнь, были взаимная помощь, радость и достиженіе задачи брака, а не господствовали, напротивъ, сокрушеніе, несчастіе и уныніе въ жизни. А если такъ, то не долженъ имѣть мѣста древній законъ, который заставляетъ мужа, если жена его послѣ брака впала въ безуміе, всю жизнь переносить это зло и навсегда примириться съ бѣдствіемъ сумасшествія [135]). Гдѣ благословное основаніе къ тому, чтобы на всю жизнь связывать мужа съ сумасшедшей женой

---

[132]) *Zachariae*, Jus graeco-romanum, III, 118—120.

[133]) *Zachariae*, Novellae Justiniani, II, 221—222.

[134]) Ράλλης καὶ Ποτλῆς, II, 526. Сравн. IV, 49: толкованіе на 1 пр. Григорія Неокесарійскаго.

[135]) Digesta, l. XXIII, tit. II, c. 16, § 2. (Corpus juris civilis, ed. *A. et M. Kriegelii*, t. I, p. 368. Lipsiae 1875).

и подвергать его проистекающимъ отсюда страданіямъ? Если никто не можетъ быть настолько жестокъ, чтобы и на короткое время заключать человѣка вмѣстѣ съ звѣремъ, то свойственна ли гуманность такому закону, который повелѣваетъ мужу вѣчно (δι' αἰῶνος) жить съ озвѣрѣвшей отъ безумія женой? Но говорятъ, что посредствомъ брака они образовали единый организмъ (μέλος) и необходимо обоимъ переносить болѣзнь, а съ другой стороны, Божественная заповѣдь повелѣваетъ не разлучать того, что сочеталъ Богъ (Мѳ. XIX, 6). Это—такъ, но несогласное съ Божественнымъ изреченіемъ дѣлается отсюда заключеніе. Если бракъ сохраняетъ то состояніе, какое первоначально мужъ и имѣлъ въ виду, то разлучитель несправедливъ и не избѣжитъ порицанія. Если же вслѣдствіе безумія ему не приходится даже слышать человѣческаго голоса и нѣтъ никакой другой радости, то кто не захочетъ расторгнуть этотъ несчастный и горькій брачный союзъ? *)

И. Соколовъ.

---

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

Знаменательные числа

Опубликовано:
Христианское чтение. 1909. № 12. С. 1581-1594.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Знаменательныя числа *).

V.

Предъ нами прошелъ довольно длинный рядъ чиселъ съ особливымъ значеніемъ, не всегда одинаково опредѣленнымъ, но неизмѣнно характернымъ. Дѣлались и попытки опредѣлить генесисъ числовыхъ явленій и выяснить, какъ и почему тѣ или другія числа сдѣлались особо знаменательными. Остановимся на этихъ попыткахъ.

Въ 1891 г. Люттихъ, отдавая должное стараніямъ, которыя до него прилагались къ тому, чтобы уловить смыслъ того или другого изъ знаменательныхъ чиселъ, вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ, что, насколько ему извѣстно, люди еще не дошли до того, чтобы объяснить главную массу чиселъ съ одной точки зрѣнія. Люттихъ попробовалъ восполнить пробѣлъ. Собранный имъ числовой матеріалъ онъ разсматриваетъ съ нѣкоторыхъ общихъ культурно-историческихъ точекъ зрѣнія. Начинаетъ онъ съ «3»-хъ, «самаго любимаго изъ всѣхъ знаменательныхъ чиселъ». Значеніе его выводитъ онъ изъ весьма древнихъ отношеній, возникшихъ, по его мнѣнію, вслѣдствіе группировки членовъ семьи около ея первой и естественной основательницы и родоначальницы, именно матери семьи. Въ образовавшихся такимъ образомъ родственныхъ группахъ были мыслимы только различія по возрасту, и различеніе по возрасту должно было въ древнѣйшей фамиліи быть рѣшающимъ началомъ. Въ семьѣ первобытной матери жило, какъ и теперь живетъ, обыкновенно 3 поколѣнія, т. е. представители 3-хъ поколѣній. Отсюда господ-

*) Продолженіе. См. ноябрь.

ственное значеніе числа 3. Авторъ предполагаетъ, что кто-нибудь можетъ возразить: «Я допускаю, что семья матери насчитывала одновременно 3 поколѣнія, и что это дѣленіе, бывшее единственнымъ, стало рѣшающимъ для всѣхъ чисто человѣческихъ отношеній. Но для религіи, которая исходнымъ пунктомъ имѣла величественныя небесныя явленія и которая поэтому сообразуется съ данными на небѣ числовыми отношеніями, это дѣленіе не имѣетъ значенія». Такому возражателю можно бы, по Люттиху, указать на соотвѣтствующіе отдѣлы труда Липперта [1]), согласно которому религія возникла изъ нѣдръ первобытной семьи [2]). Со временемъ главенство матери въ семьѣ прекратилось, потому что способность къ пріобрѣтенію средствъ жизни у жены, занятой около семьи и дома, была меньше, чѣмъ у мужа, свободно занимавшагося охотою. Мужъ начинаетъ господствовать надъ женой, а съ тѣмъ вмѣстѣ выдвигается новый принципъ, начало дуализма—властвующихъ и находящихся подъ властью. Это дѣленіе было унаслѣдовано и вышедшими отсюда бо́льшими организаціями. Въ государствѣ дѣленіе на обладающихъ и обладаемыхъ идетъ такъ далеко и имѣетъ такое большое значеніе, что указанная противоположность должна оказаться вліятельной во всѣхъ областяхъ жизни. Противъ указаннаго вывода изъ отношеній отцовской фамиліи самъ Люттихъ считаетъ возможными слѣдующія возраженія: «Если неразвитый естественный человѣкъ материнской семьи сдѣлалъ дѣленіе на 3 мѣрою всѣхъ вещей, то болѣе культурное время семьи отца должно было удѣлить надлежащее вниманіе и предметамъ внѣ семьи, прежде всего высоко важнымъ явленіямъ на небѣ. Дѣленіе на 2 и 4 вышло изъ наблюденій надъ небесными явленіями, при которыхъ это дѣленіе выступаетъ явно, и отсюда перешло на явленія жизни съ принудительною необходимостью». Люттихъ въ дальнѣйшемъ изложеніи старается показать, что приведенныя возраженія къ дѣлу не относятся. Окончательный выводъ его слѣдующій. Знаменательныя числа создавались сначала подъ вліяніемъ фамиліи, позже—подъ вліяніемъ раздѣленія времени, которое регулировалось небесными явленіями. Такъ какъ понятія фамиліи и дѣленія времени по небеснымъ явленіямъ составляютъ собственность всего человѣчества и, въ существенномъ, разви-

---

[1]) Lippert, Die Kulturgeschichte der Menschheit, 2 Bände. 1886, 1887.
[2]) Lüttich, 1—4 folgg.

вались всюду одинаково, то ими,—и только ими,—объясняется согласіе въ области знаменательныхъ чиселъ у всѣхъ народовъ, которые стоятъ на одинаковой ступени культуры [1]).

Не имѣя возможности передавать и разбирать всѣхъ разсужденій нѣмецкаго автора, остановимся не на долго лишь на нѣкоторыхъ. Не рѣшаемся при этомъ касаться проскальзывающихъ въ изложеніи автора основныхъ взглядовъ его на условія развитія человѣка, опирающихся, повидимому, на данныхъ одного естествовѣдѣнія, такъ какъ эти взгляды имъ прямо не высказаны, хотя на сужденіяхъ его, кажется, и отразились. Беремъ лишь то, что онъ прямо говоритъ.

Допустимъ, что въ первобытной семьѣ, подъ однимъ кровомъ, соединялись представители трехъ поколѣній. Но почему же эта трехсоставность семьи даетъ автору право дѣлать отсюда заключеніе къ господству числа 3 только въ той семьѣ, гдѣ главенствовала мать, хотя три поколѣнія могли жить (какъ и сейчасъ живутъ) и въ семьѣ, гдѣ главенствовалъ и главенствуетъ отецъ? Далѣе: по Люттиху, мужъ началъ господствовать въ семьѣ въ той же мѣрѣ, въ какой стоялъ онъ выше жены въ пріобрѣтеніи средствъ къ жизни. Допустимъ, что такъ было и на самомъ дѣлѣ. Но въ такомъ случаѣ періодъ власти материнской могъ продолжаться очень не долго, потому что съ появленіемъ дѣтей сразу увеличивались заботы матери около семьи и дома, слѣдовательно — не дологъ былъ и періодъ, въ который могли быть заложены основанія системы числа 3. Въ такомъ случаѣ могли ли быть прочны основы этой системы? Конечно, нѣтъ. Однако, система числа 3-хъ держалась и держится твердо. Значитъ, основанія ея кроются въ чемъ-либо болѣе существенномъ, чѣмъ предполагаемое Люттихомъ явленіе.

Знаменательныя числа нерѣдко объяснялись съ точки зрѣнія наблюденій надъ внѣшнею физическою природою, какъ дѣлалъ отчасти и Люттихъ. Года черезъ четыре послѣ появленія брошюры этого автора, Нейдгардтъ въ программѣ о числахъ 3 и 9 писалъ: «значеніе, которое придавалось числу 3 въ древности, нужно выводить изъ его частаго примѣненія въ сакральныхъ дѣлахъ, самое же это примѣненіе слѣдуетъ сводить къ простому факту: наблюденія надъ природою невольно наводили человѣка на это число. Всюду люди встрѣчали, или,

[1]) Lüttich, S. 47.

по крайней мѣрѣ, думали, что встрѣчали, дѣленіе на 3. Они видѣли, что вселенная состоитъ изъ неба, земли и воды; предъ ними сіяли небесныя свѣтила—солнце, луна и группа звѣздъ» (мыслимая какъ единое цѣлое; срав. Быт. 1, 16 о твореніи солнца, луны и «звѣздъ»); «въ природѣ видѣли они царство животное, растительное и ископаемое; въ тѣлахъ наблюдаются три измѣренія — въ длину, ширину и высоту; при размышленіи о жизни человѣкъ наталкивается на возникновеніе, возрастаніе и исчезновеніе, на прошлое, настоящее и будущее. А такъ какъ религія древнихъ была связана съ явленіями въ природѣ, то дѣленіе на 3 они положили въ основу своихъ теогоническихъ системъ, и это число получило значеніе до извѣстной степени богоугоднаго, священнаго числа» [1]). О числѣ 3 говорили, что оно есть первое число (въ послѣдовательномъ рядѣ чиселъ), «которое имѣетъ начало, средину и конецъ, что геометрическое изображеніе его въ видѣ треугольника приводило къ признанію этого числа совершеннымъ, и поэтому въ древности имъ охотно пользовались, чтобы представить что-либо абсолютнымъ и совершеннымъ въ своемъ родѣ» [2]). Нейдгардтъ, какъ видимъ, проще и прямѣе подходитъ къ занимавшему его вопросу. Объясненіе его представляется правдоподобнымъ.

Около года послѣ того извѣстнѣйшій въ ученомъ мірѣ, недавно умершій Вёльфлинъ, касаясь декадъ, попутно обратилъ вниманіе на то, что не только индоевропейцамъ, но и всѣмъ людямъ вообще дано въ руки счисленіе по десяткамъ, дано именно тѣмъ, что Творецъ надѣлилъ человѣка 10-ью пальцами на рукахъ, которымъ соотвѣтствуютъ 10 пальцевъ на ногахъ. Въ качествѣ одного изъ исходныхъ пунктовъ счета по декадамъ еще Овидіемъ признаны 10 пальцевъ на рукѣ [3]). От-

---

[1]) Neidhardt, 3—4.

[2]) Idem, 20. Узенеръ, въ виду вѣроятно подобныхъ соображеній, говорилъ, что измѣренія пространства (въ длину, ширину и высоту) и періоды времени — прошлое, настоящее и будущее — суть абстракціи: для народа онѣ такъ же не существовали, какъ и Аристотелевы формулы: начало, средина и конецъ (Usener, Dreiheit, 348). Съ приведеннымъ возраженіемъ трудно согласиться: указанныя понятія едва ли могутъ быть совершенно чужды и сознанію мало развитаго, не привыкшаго къ отвлеченному мышленію человѣка. Притомъ, знаменательнымъ было число 3 и для многихъ образованныхъ людей древняго міра.

[3]) Ovid. Fast. III, 121 слл. Любопытны указанія относительно счисленія по пальцамъ въ статьѣ Arithmetica у Pauly-Wissowa. s. v.,

сюда у грековъ слово πεμπάζειν, считать по пальцамъ (на рукѣ). Протягиваютъ также пальцы вверхъ, чтобы обозначить соотвѣтствующее число. Другое объясненіе у того же поэта состоитъ въ указаніи на 10 мѣсяцевъ, по истеченіи которыхъ человѣкъ рождается на свѣтъ. Это объясненіе, какъ думаетъ нѣмецкій изслѣдователь, предполагаетъ уже дѣленіе года, и потому не можетъ быть отнесено къ первоначальному времени, — хотя признается (впрочемъ, не вполнѣ точно) совершенно вѣрнымъ, что римляне не знаютъ 9-мѣсячныхъ дѣтей, но знаютъ 10-мѣсячныхъ [1]). Приведенное объясненіе Вёльфлина, который опирается притомъ на древнемъ свидѣтелѣ, хорошо знакомомъ съ римскою стариною, въ основной своей части заслуживаетъ — по своей естественности и простотѣ — полнаго вниманія.

Шире поставилъ вопросъ Узенеръ, ставшій при его разрѣшеніи на историко-культурную и естественно-историческую точку зрѣнія. По его мнѣнію, при пересмотрѣ чиселъ, получившихъ особое значеніе, наблюдаются двѣ группы совершенно различнаго происхожденія и свойства. Самая большая охватываетъ примѣненія понятій времени. Чрезвычайная роль, которую играетъ число 7, должна быть отнесена на счетъ вліянія планетной недѣли, шедшаго съ востока отъ глубокой древ-

---

Sp. 1068—1069. И мѣры длины, на взглядъ древнихъ, взяты отъ человѣческаго тѣла. Vitruv. III, 1, 5: mensurarum rationes—ex corporis membris collegerunt, uti digitum palmum pedem cubitum. Nissen въ Hndb. von Iw. Müller, I, 679.

[1]) Wölfflin, Das Duodecimalsystem, 527—528; cf. Zur Zahlensymbolik, 333. Относительно незнанія будто бы римлянами 9-мѣсячныхъ дѣтей нужно сдѣлать оговорку. Tertull. de anima, cap. 37: legitima nativitas ferme decimi mensis ingressus est. Auli Gellii N. A. III, 16 въ началѣ: Et medici et philosophi illustres de tempore humani partus quaesiverunt: πόσος ὁ τῆς τῶν ἀνθρώπων κυήσεως χρόνος. Et multa opinio est, eaque jam pro vero recepta, postquam mulieris uterus concepit semen, gigni hominem septimo rarenter, nunquam octavo, saepe nono, saepiusnumero decimo mense: eumque esse hominem gignendi summum finem, decem menses non inceptos, sed exactos. Idque Plautum veterem poetam dicere videmus.... Noster Caecilius—in mensibus genitalibus nominandis non praetermisit octavum... Caecilium non inconsiderate dixisse etc. Если, предлагая „сравнить“ цитату изъ Tichonii Afri lib. de septem regulis, regula V (Migne, Patr. l., XVIII, pag. 47 C), Вёльфлинъ хочетъ доказать свою мысль, то онъ дѣлаетъ это напрасно. Нѣмецкій авторъ упустилъ изъ виду цѣль, съ которой написана regula V. Притомъ слова: „in utero matris figuratus sum caro decem mensium“ составляютъ цитату изъ книги Премудр. Соломона, 7, 2, а не слова самого Тихонія.

ности [1]). Изъ низшихъ чиселъ выдѣлилось число 3, которое осталось господствующимъ до времени христіанства. Оно является въ качествѣ абсолютнаго выраженія множества. Многочисленные обороты рѣчи и слововыраженія, въ которыхъ 3 выступаетъ съ такимъ значеніемъ, могутъ быть поняты лишь въ томъ случаѣ, если видѣть въ нихъ отголоски того времени, когда числовыя понятія не были еще развиты дальше 3-хъ [2]). Этнографъ Карлъ фонъ денъ Штейненъ (Karl von den Steinen) нашелъ у Bakairi, племени во внутренней Бразиліи, способъ счисленія, который въ сущности не идетъ дальше 2-хъ. Они считаютъ, правда, до 3-хъ, но остановились на той ступени, гдѣ 2 было высшимъ числовымъ понятіемъ, выраженнымъ посредствомъ языка. На этой или близкой къ ней ступени стоятъ они не одни. Есть другіе народы, у которыхъ высшее число есть 3 и у которыхъ оно равнозначуще съ понятіемъ «много». Есть, затѣмъ, народы, которые возвысились до децимальной или вигезимальной системы и все-таки въ выраженіи для 3-хъ сохраняютъ памятный знакъ того времени, когда они не могли считать дальше 2-хъ. Неизбѣженъ выводъ, что и всѣмъ народамъ, даже достигшимъ высшаго развитія, доводилось проходить эти низшія ступени духовнаго развитія. Формулы и выраженія, въ которыхъ абсолютное множество передается числомъ 3, и религіозныя примѣненія числа 3 должны считаться остаткомъ отъ первобытнаго времени, когда искусство счета остановилось на 3-хъ. Двоицы образуютъ еще болѣе древній слой. «2» и «3» отлились въ форму устойчиваго, прочнаго представленія. Для уясненія этой прочности нужно принять во вниманіе, что какъ у отдѣльнаго человѣка, такъ и у цѣлаго народа раннѣйшія впечатлѣнія обыкновенно суть самыя глубокія. Чѣмъ раньше и глубже напечатлѣвается въ сознаніи извѣстное представленіе, тѣмъ болѣе сохраняетъ оно способность — стать формою воззрѣнія, чрезъ посредство которой духъ воспринимаетъ новое [3]). Заканчивая свой обширный трудъ, авторъ выразилъ радость, что въ конечныхъ результатахъ своихъ изслѣдованій онъ вполнѣ сошелся съ Г. Дильсомъ, который типическое значеніе числа 3 выводилъ изъ того, что оно было «первоначальнымъ конечнымъ числомъ примитивнаго человѣчества» [4]).

---

[1]) Usener, 349. [2]) Usener, 356—358. [3]) Usener, 358—361.

[4]) Здѣсь имѣются въ виду изслѣдованія Г. Дильса (H. Diels), которыя были помѣщены въ Archiv für Gesch. der Philosophie, X (1897) и

Изложенныя объясненія видимо находятся въ связи съ общимъ взглядомъ почившаго ученаго на религіозные вопросы и съ нѣкоторыми естественно-научными предположеніями о развитіи древнѣйшаго человѣчества.

Нѣкоторые изъ основныхъ взглядовъ, намѣченныхъ въ предшествующемъ изложеніи, встрѣчаемъ въ обширнѣйшихъ и детальнѣйшихъ изысканіяхъ миѳолога Рошера. Названный ученый, по его собственнымъ словамъ, еще въ своей монографіи «Die enneadischen und hebdomadischen Fristen und Wochen» [1]), попытался подробно показать, что значеніе и святость числа 7, какъ и числа 9, въ концѣ концовъ и по преимуществу основывается на измѣреніи и раздѣленіи времени, опредѣляемаго 7-ми и 9-ти-дневными фазами луны, которымъ приписывали могущественнѣйшее вліяніе на возрастаніе и умаленіе всего, на всю жизнь всѣхъ органическихъ существъ [2]). Этотъ свой взглядъ авторъ попутно раскрываетъ и въ своихъ послѣдующихъ работахъ. Въ монографіи о числахъ 7 и 9 въ культѣ и

въ Festschrift für Th. Gomperz. Второго изслѣдованія авторъ настоящей статьи пока не могъ добыть, съ первымъ же познакомился только отчасти. Здѣсь (въ статьѣ Ueber Anaximanders Kosmos), на стр. 232—233, читаемъ: Священное „девять“ есть усиленіе изначальнаго священнаго числа „три“... Если число 3 есть первое круглое число самой первоначальной ступени культуры, на которой обыкновенно различались только три количества—„одинъ“, „два“ и „много“, все же, выходящее за границы трехъ, обозначалось тѣмъ же числомъ безконечности, подобно тому, какъ позднѣйшіе, вмѣсто сего, изобрѣли выраженія „сто“, „тысяча“, „миріада“, то понятнымъ становится исконное и широко распространенное почитаніе числа 3 и кратныхъ отъ него—9 и 27.

[1]) Abhandlungen der philol.-hist. Klasse d. Sächs. Ges. d. Wissenschaften Bd. XXI, № IV, 1903. Эта статья появилась и въ отдѣльномъ изданіи.

[2]) Такое значеніе луны, по мнѣнію Рошера (Die Sieben und Neunzahl, S. 3. Anm), никто яснѣе не выразилъ, какъ Апулей въ Met. XI, 1. Здѣсь читаемъ: „Около первой стражи ночи внезапно охватилъ меня страхъ, и я проснулся. Вижу: изъ-за морскихъ волнъ поднимается полный дискъ луны, которая сіяетъ необычайно яркимъ свѣтомъ. Увѣренный, что всевышняя богиня обладаетъ особеннымъ могуществомъ, что именно она своимъ провидѣніемъ правитъ человѣческими дѣлами, что божественное мановеніе этого сіяющаго божества оживляетъ не только домашнихъ животныхъ и дикихъ звѣрей, но даже неодушевленные предметы, что самыя тѣла — на землѣ, въ небѣ и въ морѣ — то растутъ соотвѣтственно съ ея увеличеніемъ, то умаляются въ соотвѣтствіе ея ущербу,—понявъ, что судьба насытилась моими тяжкими и многочисленными бѣдствіями и подаетъ мнѣ надежду, хотя и позднюю, на избавленіе,—я, въ таинственномъ безмолвіи ночи, рѣшилъ обратиться съ молитвою къ священному облику явившейся богини“ и т. д.

міѳѣ грековъ онъ предположилъ, въ частности, изслѣдовать дальнѣйшее развитіе чиселъ 7 и 9 до значенія священныхъ и знаменательныхъ чиселъ, чтобы такимъ путемъ получилась въ концѣ концовъ исторія ихъ у грековъ. Такъ какъ это развитіе, несомнѣнно начавшееся уже въ очень раннее время, ни въ какой области человѣческой жизни не открывается въ своемъ первоначальномъ видѣ съ большею ясностью, какъ въ культѣ и міѳѣ [1]), то онъ поставилъ ближайшею своею задачею — точнѣе изслѣдовать роль, которую играли изучаемыя числа въ названной области, полагая, что только въ такомъ случаѣ можно надѣяться прослѣдить перенесеніе ихъ и на другія области жизни. При этомъ онъ считаетъ нужнымъ принять во вниманіе, что уже въ томъ (имъ раскрытомъ) значеніи, которое числа эти имѣли для опредѣленія и раздѣленія времени, т. е. движенія луны, заключается существенный религіозный моментъ, такъ какъ луна издавна, даже у примитивнѣйшихъ народовъ, считалась за одно изъ могущественнѣйшихъ божествъ и ея вліяніе въ выдающейся степени считалось священнымъ [2]). Въ послѣдовавшей за указанной—новой монографіи «Die Hebdomadenlehren der griech. Philosophen und Ärzte», представлявшей прямое продолженіе и восполненіе названныхъ выше изслѣдованій, авторъ говоритъ: «Чѣмъ полнѣе и обширнѣе становилось съ теченіемъ времени мое собраніе свидѣтельствъ о значеніи числа 7 въ области всей древней культуры и литературы грековъ, тѣмъ яснѣе становилось для меня, какую вліятельную роль играло ученіе о седмицахъ въ философіи и медицинѣ грековъ, народа, больше всѣхъ другихъ склоннаго къ теоретическому мышленію, и тѣмъ живѣе чувствовалъ я желаніе и потребность собрать по возможности многіе, даже всѣ отрывки древне-греческихъ теорій о гебдомадахъ, расположить ихъ соотвѣтственно историческимъ точкамъ зрѣнія и связать пояснительнымъ текстомъ» [3]). Почтенному автору казалось привлекательнымъ—«въ громадной, почти безконечной ткани, представляемой греческой философіей и наукой, слѣдить за одной нитью, которая проходитъ чрезъ всю ткань отъ начала до конца, обнажать эту нить, до извѣстной степени изолировать и въ изолированномъ видѣ наблю-

[1]) Причина заключается, какъ полагаетъ, конечно, и нѣмецкій авторъ, въ сравнительномъ консерватизмѣ религіи.

[2]) Roscher, Die Sieben-und Neunzahl, S. 3—4.

[3]) Idem, Die Hebdomadenlehren, S. 3—4.

дать и изучать, при чемъ неожиданно оказывается возможнымъ проникнуть своимъ взглядомъ въ историческую связь явленій и прежде всего въ отношеніе зависимости, въ которомъ находятся отдѣльныя системы и школы. Не безъинтересно также на какомъ-нибудь особенно ясномъ примѣрѣ показать, что иная «теорія» греческихъ философовъ, еще задолго до ея перваго научнаго формулированія древнѣйшими философскими школами, въ сокрытомъ видѣ находилась въ народной вѣрѣ древнѣйшихъ грековъ, такъ что заслуга этихъ школъ состоитъ не столько въ оригинальности мышленія, сколько въ рѣшеніи—на основаніи отдѣльныхъ мыслей народа создать систему ученія» [1]).

Въ виду связи римской культуры съ греческою, и общій ходъ изслѣдованій Рошера и результаты, имъ полученные, имѣютъ прямой интересъ и для изучающаго римское мышленіе. Вотъ эти результаты въ ихъ главныхъ и—по необходимости—лишь общихъ очертаніяхъ и въ той послѣдовательности, въ какой излагаетъ ихъ авторъ.

Древнѣйшая и вмѣстѣ важнѣйшая ступень въ исторіи греческой теоріи о седмицахъ представлена греческимъ культомъ и миѳомъ. Уже на этой первой ступени мы встрѣчаемъ седмицы дней, мѣсяцевъ, годовъ, и въ то же время можемъ наблюдать, какъ число священныхъ періодовъ переносилось и на многія другія опредѣленія. Въ этомъ отношеніи прежде всего многочисленныя указанія даетъ миѳъ объ Аполлонѣ съ его культомъ, такъ какъ здѣсь, кромѣ седмичныхъ сроковъ, встрѣчаются также очищенія въ 7 источникахъ, храмы съ 7 ступенями и многое тому подобное. Седмичные сроки болѣе древни и первоначальны. чѣмъ распространенные во времена древнѣйшаго эпоса девятичные [2]), и они съ большою вѣроятностью могутъ быть возведены къ раздѣленію древнѣйшаго 28-дневнаго луннаго мѣсяца на 4 части, точно такъ же, какъ девятичные и десятичные могутъ быть сведены къ раздѣленію позднѣйшаго мѣсяца изъ 27—30 дней на 3 части [3]). Гебдомады

---

[1]) Ibid., 4.

[2]) Возражаетъ по этому предмету Ludwig Ziehen въ Berl. ph. W. 1909, 5, 145—146, въ рецензіи на Roscher, Enneadische Studien. Versuch einer Geschichte der Neunzahl bei den Griechen, въ Abhandlungen d. phil.—hist. Kl. d. Sächs. Ges. d. Wiss., XXVI. B., № 1 (1907).

[3]) Ibid., 7—8. Срав. О. Базинеръ, Древне-римскія секулярныя игры, въ Сборникѣ статей по классич. филол., извлеч. изъ „Ж. М. Н. П.“,

наблюдаются, далѣе, въ древнѣйшемъ эпосѣ [1]), ученіи орфиковъ и тѣсно связанномъ съ нимъ ученіи пиѳагорейцевъ [2]). Такъ какъ въ культахъ и миѳахъ Аполлона и Діониса число 7 имѣло особенное значеніе, то, при связи пиѳагорейцевъ, какъ и ихъ учителей орфиковъ, съ Дельфами, можно уже наперед предполагать, что древнѣйшая пиѳагорейская школа, все сводившаяся къ числу и мѣрѣ, должна была придать числу 7 выдающуюся важность, тѣмъ болѣе, что пиѳагорейцы, какъ люди консервативно-аристократическаго и вмѣстѣ практико-этическаго направленія, охотно придерживались древнѣйшихъ культовъ, миѳовъ и народныхъ воззрѣній. Критическое разсмотрѣніе свидѣтельствъ показываетъ, что указанное предположеніе возвышается надъ простой вѣроятностью до степени почти абсолютной несомнѣнности [3]).

Главная и первоначальная основа священнаго числа 7, именно семидневная недѣля, какъ четверть древняго 28-дневнаго луннаго мѣсяца, была повидимому введена уже древними пиѳагорейцами въ область ихъ философско-математическихъ спекуляцій. Есть основанія думать, что уже древними пиѳагорейцами всѣ, по взгляду древности, столь важные для развитія организмовъ всякаго рода, особенно человѣка, седмичные періоды дней, мѣсяцевъ и годовъ ставились въ связь съ 7-дневными четвертями луны и изъ нихъ объяснялись. Сюда же относится древне-пиѳагорейское ученіе о двухъ періодахъ развитія зародыша въ утробѣ матери, именно 7-мѣсячномъ и 9-мѣсячномъ. По отрывку изъ «пиѳагорейца» Гиппона изъ Метапонта (въ Луканіи), число 7, вмѣстѣ съ числомъ 10, имѣетъ прямо господственное значеніе въ развитіи человѣка и до и послѣ рожденія. Въ этомъ отрывкѣ, приве-

---

1897, вып. IV, стр. 88. Припоминается замѣчаніе Шрадера: „люди смотрѣли на луну и пытались примѣнить къ счету дней постоянно повторяющіяся измѣненія диска ея“ (Сравнит. языковѣд. и первоб. исторія, стр. 434). Однако первоначальное дѣленіе мѣсяца вѣроятно не шло далѣе двухъ половинъ,—свѣтлой и темной (тамъ же, 59—60).

[1]) Ibid. 8 folgg.

[2]) Не забудемъ, что Кротонъ, первое средоточіе пиѳагореизма, находился въ Италіи (о Кротонѣ см. Nissen, Ital. Landeskunde, II, 2, 938 ff., и Forbiger, Hndb. d. alt. Geogr., III, 772) и что видные пиѳагорейцы были родомъ изъ южной Италіи (Windelband у Iw. Müller, V, 1, 134 и 171 слл.).

[3]) Roscher, 18—25. Срав. Л. Шредеръ, Пиѳагоръ и индійцы, въ вышеназванномъ Сборникѣ, 1888, вып. III.

деннomъ у Цензорина De die natali 7, 2, читаемъ: a septimo ad decimum mensem nasci posse..., nam septimo partum iam esse maturum eo quod in omnibus numerus septenarius plurimum possit. Здѣсь особенно важно общее положеніе: in omnibus etc., такъ какъ оно показываетъ, какъ далеко пошли философы 5 столѣтія въ своемъ взглядѣ на господство числа 7. Подтвержденіе этого можно видѣть въ многочисленныхъ, почерпнутыхъ очевидно изъ древнѣйшей научной литературы, мѣстахъ у разныхъ авторовъ, въ томъ числѣ и у Плинія, гдѣ трактуется о значеніи числа 7 въ области зоологіи, біологіи и сельскаго хозяйства [1]).

Высокій интересъ имѣетъ ученіе о седмицахъ въ псевдогиппократовой книгѣ медицинско-философскаго содержанія περὶ ἑβδομάδων, относящейся ко времени Пиѳагора или быть можетъ даже до Пиѳагора. По этому сочиненію, міръ такъ устроенъ, что все должно выразить своимъ видомъ и опредѣленіями число 7. Такъ какъ это число господствуетъ надъ міромъ, какъ цѣлымъ, то и каждая отдѣльная часть его обнаруживаетъ въ своей формѣ и расположеніи вліяніе того же числа. Семь небесныхъ свѣтилъ имѣютъ цѣлію условливать слѣдованіе временъ года одного за другимъ. Временъ года семь: время сѣянія, зима, время посадокъ, весна, лѣто, время плодовъ, осень. Есть семь направленій вѣтра. Земля съ животными и растеніями занимаетъ седьмое мѣсто между всѣми вещами мірового цѣлаго. Земля распадается на семь частей: она имѣетъ а) Пелопоннесъ въ качествѣ головы, мѣсто жительства людей, возвышенно мыслящихъ, б) Истмъ, въ соотвѣтствіе спинному мозгу (шеѣ?), и т. д. Число 7 господствуетъ надъ болѣзнями и надъ всѣмъ, что въ тѣлѣ поражается разрушеніемъ. Въ человѣческой жизни есть семь временъ, которыя мы называемъ возрастами. Всякій человѣкъ имѣетъ семь частей тѣла. Голова дѣйствуетъ семью способами для поддержанія человѣческой жизни. Языкъ имѣетъ семь гласныхъ звуковъ. И душа (т. е. принципъ жизни) дѣлится на семь частей [2]).

Въ древней медицинѣ первоначально почти исключительно господствовали седмичные сроки, и только съ теченіемъ времени, отчасти вслѣдствіе введенія 30-дневнаго мѣсяца, распадавшагося на три недѣли по 10 дней въ каждой, отчасти вслѣдствіе болѣе точнаго наблюденія, мало по малу выступили де-

[1]) Roscher, 31—43. [2]) Roscher, 44—51.

сятичные и другіе сроки, ограничившіе исключительное господство числа 7. Ученіе о критическихъ дняхъ, игравшее въ античной медицинѣ выдающуюся роль, находится въ тѣснѣйшей связи съ теоріей седмицъ и (что вѣроятно въ высшей степени), имѣетъ такую же древность, какъ и она. Вѣра въ критическое значеніе седьмого дня и вмѣстѣ съ тѣмъ вообще число 7 опирается на распространенное и древнее представленіе о сильномъ вліяніи луны и ея четырехъ фазъ на всю жизнь земли и ея обитателей. Такъ какъ луна, по вѣрованію всей древности, не только условливаетъ ростъ и развитіе всѣхъ живыхъ существъ, но и производитъ могущественное вліяніе на ихъ умираніе и болѣзнь, то отсюда не далеко было до мысли—для цѣлей прогностики и терапіи обращать вниманіе при болѣзняхъ на фазы прибывающей и убывающей луны и допускать, что эти фазы и съ ними седьмые дни имѣютъ величайшее значеніе для теченія болѣзней [1]).

Великіе древніе систематики Платонъ и Аристотель считали себя обязанными серьезно заняться сочиненіями іонійскихъ илозоистовъ, пиѳагорейцевъ, врачей и естествовѣдовъ, и изъ этой литературы брать въ свои системы то, что казалось подходящимъ, а другое оспаривать. Оттого и у Платона и у Аристотеля мы также встрѣчаемся съ слѣдами древняго ученія о гебдомадахъ. У Платона относится сюда, между прочимъ, ученіе о 7 возможныхъ государственныхъ формахъ (βασιλική, τυραννίς, ἀριστοκρατία, ὀλιγαρχία, δημοκρατία, ὀχλοκρατία и ὀρθή) и ученіе о 7 принципахъ, на которыхъ основывается отношеніе правителей къ управляемымъ. Гораздо болѣе многочисленные остатки древняго ученія о гебдомадахъ встрѣчаемъ у Аристотеля, особенно въ сочиненіяхъ естественно-научнаго содержанія; притомъ эти отрывки изъ древней литературы многократно сопровождаетъ онъ выраженіемъ своего согласія съ ними. Аристотель отвергалъ всеобщее и безусловное господство числа 7, но въ то же время, на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ или имъ самимъ, или взятыхъ изъ казавшихся ему достойными вѣры источниковъ, во многихъ отдѣльныхъ случахъ допускалъ, по крайней мѣрѣ, частичное или ограниченное вліяніе этого числа. И послѣдователи философа перипатетики часто придерживались ученія о гебдомадахъ [2]).

При эклектическомъ отношеніи стоиковъ къ раннѣйшимъ

---

[1]) Roscher, 55—85. [2]) Roscher, 86—103.

философскимъ школамъ легко понятно, что они также вносили въ свою философію издавна популярное въ Элладѣ ученіе о числѣ 7 и старались примѣнить его къ практикѣ жизни. Одному изъ самыхъ выдающихся стоиковъ обязаны мы и наиболѣе значительнымъ разсужденіемъ о числѣ 7, и связнымъ изложеніемъ прежнихъ гебдомадическихъ теорій. Здѣсь имѣется въ виду комментарій Посидонія къ Платонову Тимею, въ которомъ идетъ рѣчь о семи планетныхъ сферахъ и семичастной душѣ міра. Можетъ возникнуть вопросъ: вѣрилъ ли самъ Посидоній въ значеніе числа 7, или взятыя имъ изъ прежней философской литературы наблюденія приведены имъ только изъ историческаго интереса. Для большей части собранныхъ Посидоніемъ изъ древнѣйшей литературы примѣровъ нужно, кажется, принять первую альтернативу [1]).

Наконецъ, въ исторіи мнѣній о гебдомадахъ представляютъ важность сужденія астрологовъ по этому предмету. Астрологическое ученіе о гебдомадахъ въ позднѣйшее время не несущественно вліяло не только на философскія школы, но и на воззрѣнія всей древности, людей образованныхъ и необразованныхъ. Уже Филонъ въ De mundi opificio, 43, замѣчаетъ: τιμᾶται δὲ [ἡ ἑβδομάς] καὶ παρὰ τοῖς δοκιμωτάτοις τῶν ἑλλήνων καὶ βαρβάρων, οἱ τὴν μαθηματικὴν ἐπιστήμην διαπονοῦσιν. При этомъ онъ очевидно имѣетъ въ виду, съ одной стороны, пиѳагорейцевъ, съ другой—знаменитыхъ своими работами въ области математики и астрономіи вавилонянъ и халдеевъ. Дѣйствительно, мысль Филона блестяще подтвердилась новѣйшими открытіями и изслѣдованіями въ области ассиріологіи. Найдены, въ отрывкахъ, многочисленные памятники литературы и искусства этого стародавняго культурнаго народа Месопотаміи, изъ которыхъ можно заключать о настоящемъ культѣ числа 7. Спрашивается: въ какомъ отношеніи и съ какого времени находилась астрологія вавилонянъ къ ученію грековъ о гебдомадахъ?

Большинство ученыхъ новѣйшаго времени, занимавшихся вопросомъ о происхожденіи священнаго числа 7, (въ томъ числѣ всѣ семитисты и ассиріологи), доселѣ склонно было—святость числа 7, семидневную недѣлю и т. д. выводить и у народовъ запада изъ седмичнаго числа планетъ, слѣдовательно—изъ вавилонской астрологіи. Этотъ взглядъ теперь едвали можно поддерживать, послѣ того, какъ указано, что

[1]) Roscher, 104—141.

ученіе грековъ о гебдомадахъ было уже вполнѣ развито въ то время, когда греки еще и не подозрѣвали седмеричнаго числа планетъ. Въ пиѳагорейскомъ ученіи о седмеричномъ числѣ планетъ и о тѣсно связанной съ нимъ гармоніи планетъ должно видѣть первые ясные слѣды вліянія вавилонской астрологіи на греческую теорію гебдомадъ. При обозрѣніи частностей астрологическаго ученія о гебдомадахъ должно констатировать, что оба корня (die beiden Wurzeln), изъ которыхъ выросло ученіе о гебдомадахъ въ древнѣйшей вавилонской школѣ астрологовъ, именно соотвѣтствующія фазамъ луны семидневныя недѣли и седмеричное число планетъ, имѣли такую силу, что всѣ гебдомады, о которыхъ говоритъ астрологическая литература грековъ, съ легкостью могутъ быть произведены отъ одного изъ двухъ названныхъ корней, или отъ обоихъ вмѣстѣ. Второй корень древне-вавилонскаго ученія о гебдомадахъ, именно седмеричное число планетъ, далъ многочисленные отпрыски. При обозрѣніи ихъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что астрологи ведутъ свои предсказанія такимъ образомъ, что для истолкованія будущаго придаются каждой изъ семи планетъ—со включеніемъ солнца и луны—особенныя свойства, которыя планета сообщаетъ; подъ властью или вліяніемъ планетъ мыслятся находящимися опредѣленные металлы, камни, люди, звѣри, растенія и проч. При этомъ исходили изъ того воззрѣнія, что изъ совмѣстнаго дѣйствія различныхъ планетъ, въ зависимости отъ ихъ положенія въ кругѣ 12 знаковъ зодіака, можно вывести, по опредѣленнымъ правиламъ, заключенія о томъ, какъ сложится судьба [1]).

Изложенныя соображенія также могутъ объяснить несомнѣнно многое въ исторіи знаменательныхъ чиселъ *).

А. Садовъ.

---

[1]) Roscher, 156--170 и далѣе. Срав. сужденія профессора Ѳ. Зѣлинскаго въ III томѣ сборника его статей—„Изъ жизни идей“.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

С. Псарев

Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии на славянском и русском языках

Опубликовано:
Христианское чтение. 1909. № 12. С. 1595-1615.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Акаѳистъ Пресвятой Владычицѣ нашей Богородицѣ и Приснодѣвѣ Маріи на славянскомъ и русскомъ языкахъ *).

Икосъ 6.

ВОЗСІЯВЫИ во Египтѣ просвѣщеніе истины, отгналъ еси лжи тьму: идоли бо его Спасе, не терпяще твоея крѣпости, падоша, сихъ же избавльшіися вопіяху къ богородицѣ:

Радуйся, исправленіе человѣковъ.
Радуйся, ниспаденіе бѣсовъ.
Радуйся, прелести державу поправшая.
Радуйся, идольскую лесть обличившая.
Радуйся, море, потопившее фараона мысленнаго.
Радуйся, каменю, напоившій жаждущія жизни.
Радуйся, огненный столпе, наставляяй сущыя во тьмѣ.
Радуйся, покрове міру, ширшій облака.
Радуйся, пище, манны преемнице.
Радуйся, сладости святыя служительнице.
Радуйся, земле обѣтованія.
Радуйся, изъ нея же течетъ медъ и млеко.
Радуйся, невѣсто неневѣстная.

По-русски:

Озаривъ Египетъ просвѣщеніемъ истины, Ты, Спаситель, прогналъ тьму лжи; ибо идолы его (Египта), не перенесши

*) Окончаніе. См. ноябрь.

Твоей силы, пали. А избавленные отъ таковыхъ взывали къ Богородицѣ:

Радуйся, исправленіе людей.

Радуйся, низверженіе бѣсовъ (демоновъ).

Радуйся, заблужденіе обмана поправшая.

Радуйся, идольское коварство обличившая.

Радуйся, море, потопившее Фараона мысленнаго.

Радуйся, камень, напоившій жаждущихъ жизни.

Радуйся, огненный столпъ, путеводящій находящихся во тьмѣ.

Радуйся, покровъ міра, обширнѣйшій облака.

Радуйся, пища, смѣнившая манну.

Радуйся, сладости святой служительница.

Радуйся, земля обѣтованія.

Радуйся, изъ которой течетъ медъ и молоко.

Радуйся, Невѣста неневѣстная.

Икосъ представляетъ одиннадцатую часть акафиста, начинается буквой Λ (ламда), словомъ Λάμψας (λάμπω) *возсіявши* и имѣетъ содержаніемъ своимъ путешествіе Святого семейства въ Египетъ (Мато. II, 13—16), предпринятаго имъ, по наставленію Ангела, въ виду отданнаго Иродомъ, правителемъ Іудеи, повелѣнія объ избіеніи младенцевъ въ Виѳлеемѣ и его окрестностяхъ въ возрастѣ отъ 2 лѣтъ и ниже, чтобы убить родившагося Царя Іудейскаго. Это посѣщеніе младенцемъ Іисусомъ Египта имѣло важное миссіонерское значеніе: оно способствовало просвѣщенію Египта свѣтомъ истины, слѣдствіемъ чего было разсѣяніе тьмы лжи и паденіе идоловъ. Преданіе разсказываетъ, что посѣщеніе Святымъ семействомъ Египта сопровождалось дивными знаменіями. Когда путники вступили въ городъ Фермаполисъ и въ идольскій храмъ, тамъ стоявшій, то сразу пали всѣ идолы и точно также сокрушились 365 идоловъ въ селеніи Сирэнъ, какъ только внесла въ храмъ Пресвятая Матерь младенца Іисуса, и по всему Египту съ пришествіемъ Господа пали и разбились идолы и покинули ихъ обитавшіе въ нихъ бѣсы. На это-то и указывается въ словахъ: *возсіявый во Египтѣ просвѣщеніе истины отгналъ еси лжи тьму: идоли бо его, не терпяще Твоея крѣпости, падоша.* Въ этомъ событіи усматриваютъ исполненіе пророчества, произнесеннаго пророкомъ Іереміею, когда онъ находился въ Египтѣ. *Подобаетъ пасть всѣмъ идоламъ, сокрушиться всему рукотворенному, когда придетъ сюда Дѣва Матерь съ младенцемъ, рожденнымъ*

въ ясляхъ (Церковныя преданія о Рождествѣ Христовѣ въ «Церк. Вѣд.» 1907 г. №№ 51—52, стран. 2291). На это двоякое значеніе посѣщенія Египта Богородицею съ Божественнымъ Младенцемъ указываютъ и дальнѣйшія выраженія: *исправленіе человѣковъ*, *ниспаденіе бѣсовъ*. Просвѣщеніе Египта свѣтомъ Христова ученія повлекло за собою исправленіе людей, а познаніе истиннаго Бога послужило причиною паденія идоловъ, что еще яснѣе видно изъ дальнѣйшихъ словъ: «*прелести державу поправшая*»—заблужденіе обмана уничтожившая; *идольскую лесть обличившая*—идольское коварство изобличившая. *Море, потопившее Фараона мысленнаго.* Имѣется въ виду чудесный переходъ евреевъ черезъ Чермное море по выходѣ ихъ изъ Египта, причемъ Фараонъ, царь Египетскій, и все его войско потонуло въ морской глубинѣ (Исх. XV, 6—21). Гибель Фараона съ его войскомъ въ водахъ Чермнаго моря была прообразомъ потопленія грѣха и виновника грѣха діавола въ водѣ крещенія—въ этомъ смыслѣ и сказано: «Фараона мысленнаго» (τὸν νοητόν). Затѣмъ Пресвятая Дѣва сравнивается: со скалой, напоившею жаждущихъ жизни: скала горы Хоривъ во время путешествія евреевъ послѣ того, какъ Моисей ударилъ по ней своимъ посохомъ, напоила весь народъ еврейскій (Исх. XVII, 6); съ огненнымъ столпомъ, который, по повелѣнію Божію, явился въ воздухѣ надъ народомъ еврейскимъ и освѣщалъ ему дорогу во время его путешествія изъ Египта (Исх. XIII, 21, 22); съ покровомъ для міра, обширнѣйшимъ облака; съ пищей, смѣнившей манну, тотъ хлѣбъ, который Господь давалъ народу еврейскому во время путешествія изъ Египта (Исх XVI, 13—15); называется служительницей святой сладости; обѣтованной землей, текущей медомъ и молокомъ (Исх. XIII, 5), т. е. землей, обѣщанною потомству Авраама и изобиловавшею всѣмъ необходимымъ для жизни, отличавшеюся необыкновеннымъ богатствомъ своей природы.

Кондакъ 7.

Хотящу Симеону отъ нынѣшняго вѣка преставитися прелестнаго, вдался еси яко младенецъ тому: но познался еси ему и Богъ совершенный. Тѣмъ же, удивися твоей неизреченнѣй премудрости, зовый: Аллилуія.

Кондакъ представляетъ 12-ю пѣснь акаѳиста, начинается буквой М (ми) въ словѣ Μέλλοντος Συμεῶνος, *когда Симеонъ на-*

мѣревался, и содержитъ повѣствованіе о срѣтеніи праведнымъ Симеономъ младенца Іисуса въ Іерусалимскомъ храмѣ, куда Онъ принесенъ былъ въ 40 день по рожденіи Своею Матерью, какъ первенецъ мужескаго пола, для посвященія Богу въ память пощады первенцевъ египетскихъ предъ выходомъ евреевъ изъ Египта (Исх. XIII, 2), причемъ младенецъ узнанъ былъ Симеономъ и какъ Богъ совершенный, такъ какъ, подавая младенца Іисуса Его Пречистой Матери, Симеонъ произнесъ: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ» и высказалъ слѣдующее пророчество: «вотъ лежитъ Этотъ на паденіе и на возстаніе многихъ въ Израилѣ и въ предметъ пререканій (Лук. II, 23—39)». Соединеніе въ Іисусѣ Христѣ двухъ природъ Божеской и человѣческой является для человѣческаго ума неизреченной премудростью, которую мы не можемъ высказать, выразить.

Икосъ 7.

Новую показа тварь, явился зиждитель намъ, отъ него бывшимъ, изъ безсѣменныя прозябъ утробы, и сохранивъ ю, якоже бѣ, нетлѣнну, да, чудо видяще, воспоимъ ю, вопіюще:

Радуйся, цвѣте нетлѣнія.

Радуйся, вѣнче воздержанія.

Радуйся, воскресенія образъ облистающая.

Радуйся, ангельское житіе являющая.

Радуйся, древо свѣтлоплодовитое, отъ него же питаются вѣрніи.

Радуйся, древо благосѣннолиственное, имъ же покрываются мнози.

Радуйся, во чревѣ носящая избавителя плѣненнымъ.

Радуйся, рождьшая наставника заблуждшимъ.

Радуйся, судіи праведнаго умоленіе.

Радуйся, многихъ согрѣшеній прощеніе.

Радуйся, одеждо нагихъ дерзновенія.

Радуйся, любы, всякое желаніе побѣждающая.

Радуйся, невѣста неневѣстная.

По-русски:

Явившійся Творецъ показалъ намъ, получившимъ свое бытіе отъ Него, новое твореніе, родившись изъ безсѣменныя

утробы и сохранивъ Ее, какъ Она была, нетлѣнной, чтобы мы, видя чудо, воспѣвали Ее, взывая:

Радуйся, цвѣтъ нетлѣнія.

Радуйся, вѣнецъ воздержанія.

Радуйся, просіявающая образъ воскресенія.

Радуйся, проявляющая ангельскую жизнь.

Радуйся, древо, приносящее красивые плоды, отъ котораго питаются вѣрующіе.

Радуйся, древо, дающее хорошую тѣнь, подъ которымъ укрываются многіе.

Радуйся, носящая во чревѣ Путеводителя заблудшимъ.

Радуйся, родившая Освободителя плѣненнымъ.

Радуйся, Судіи Праведнаго умоленіе.

Радуйся, многихъ согрѣшающихъ прощеніе.

Радуйся, одежда нагихъ.

Радуйся, любовь, побѣждающая всякое желаніе.

Радуйся, невѣста неневѣстная.

Икосъ представляетъ тринадцатую пѣснь акаѳиста, начинается съ буквы N (ни), словомъ Νέαν κτίσιν *новую тварь* и содержитъ въ себѣ указаніе на непостижимое рожденіе Сына Божія отъ Пресвятой Дѣвы, изъ безсѣмянной утробы и съ сохраненіемъ дѣвства, сохранивъ Ее нетлѣнною, какою Она была. Въ этомъ смыслѣ и говорится, что Творецъ, произрасшій изъ безсѣменной утробы, сохранивъ Ее, какъ Она была, показалъ намъ новую тварь, которая до рожденія и во время рожденія была и послѣ рожденія Сына Божія пребываетъ Дѣвою или, какъ говорится въ церковной пѣснѣ: «въ рождествѣ дѣвство сохранила еси». Поэтому-то далѣе Она называется цвѣтомъ нетлѣнія, безъ истлѣнія Бога Слово родшею; вѣнцомъ воздержанія, т. е. наградой за воздержаніе; показавшею намъ образъ воскресенія. Пресвятая Дѣва послѣ рожденія Сына осталась дѣвою, такъ и мы по смерти снова будемъ жить, воскреснемъ; называется проявляющею ангельскую жизнь, которая, по слову Господа, состоитъ въ томъ, что Ангелы ни женятся, ни выходятъ замужъ (Мато. XXII, 30). Въ виду огромнаго значенія и обилія спасительныхъ заслугъ родившагося отъ Дѣвы Господа Она сравнивается то съ деревомъ *свѣтлоплодовитымъ* ἀγλαόκαρπον δένδρον т. е. приносящимъ сладкіе плоды, отъ котораго (дерева) питаются вѣрующіе, то съ деревомъ *благосѣнолиственнымъ* εὐσκιόφυλλον, дающимъ хорошую тѣнь, подъ которымъ укрываются многіе. *Во чревѣ носящая Избавителя плѣненнымъ*,

рождшая Наставника заблудшимъ: такъ называется Пресвятая Дѣва, въ виду того, что родившійся отъ Нея есть Избавитель плѣнныхъ, наставникъ заблуждшихъ, какъ Самъ о Себѣ говоритъ Христосъ: Я есмь путь, и истина, и жизнь (Іоан. XIV, 1). *Судіи праведнаго умоленіе, многихъ согрѣшеній прощеніе, одеждо нагихъ дерзновенія* στολὴ των γυμνῶν παῤῥησίας; *любовь, всякое желаніе побѣждающая*: всѣ эти выраженія говорятъ о томъ, что Пресвятая Дѣва, имѣющая особую близость къ Богу, является усердной ходатайницей за насъ предъ Богомъ, праведнымъ Судіей, дарующей прощеніе многимъ согрѣшающимъ, сообщающею смѣлость обращаться къ Богу тѣмъ, которые этой смѣлости не имѣютъ, и, наконецъ, любовь, которая превосходитъ всякую страсть. Пресвятая Дѣва Марія есть олицетвореніе той любви, которую восхваляетъ св. Апостолъ Павелъ, въ посланіи къ Коринѳянамъ, когда говоритъ, что любовь выше всѣхъ духовныхъ дарованій, выше дара языковъ, дара пророчества, чудесъ, нестяжательности, самоотверженія, такъ какъ любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, все переноситъ, никогда не перестаетъ (1 Кор. XIII, 1—8).

Кондакъ 7.

Странное рождество видѣвше, устранимся міра, умъ на небеса преложше: сего бо ради высокій Богъ, на земли явися смиренный человѣкъ, хотяй привлещи къ высотѣ, тому вопіющія: Аллилуія.

По-русски:

Видя необыкновенное рожденіе, устранимся отъ міра, перенесши умъ на небо, ибо для этого самаго Высокій Богъ явился на землѣ смиреннымъ человѣкомъ, желая привлечь на высоту взывающихъ къ Нему: аллилуія.

Кондакъ представляетъ четырнадцатую часть акаѳиста, начинается съ буквы Ξ (кси), словомъ Ξένον τόκον *необыкновенное рожденіе*, и содержитъ указаніе на цѣль, съ которою Господь сошелъ съ неба на землю, сдѣлался совершеннымъ человѣкомъ, а именно, чтобы возвести на высоту нрав-

ственнаго совершенства всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Постепенное восхожденіе на высоту, т. е. на высшую степень нравственнаго совершенства, восхожденіе отъ земли на небо изображено Іоанномъ Лѣствичникомъ въ его «Лѣствицѣ рая», имѣющей, по числу лѣтъ земной жизни Господа, 30 ступеней, 30 постепенно возвышающихъ къ Богу добродѣтелей. *Странное* (ξένον) *рождество*, т. е. необыкновенное, чудное, дивное, непонятное, безъ мужа, безъ болѣзни, *видя, устранимся міра* ξενωθῶμεν τοῦ κόσμου, будемъ чужды міра, удалимся отъ міра, который лежитъ во злѣ (Іоан. V, 19) и въ которомъ господствуетъ похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская (Іоан. II, 16), устремивъ (μετατιθέντες) умъ свой на небо, какъ мѣсто особеннаго пребыванія Бога, благодатнаго общенія со святыми, какъ мѣсто, гдѣ Господь повелѣлъ намъ собирать сокровища, такъ какъ на небѣ сокровища ни моль, ни ржавчина не истребляютъ, ни воры не подкапываютъ и не крадутъ (Мато. VI, 20).

Икосъ 8.

Весь бѣ въ нижнихъ, и вышнихъ, никакоже отступи неописанное слово: снисхожденіе бо божественное, не прехожденіе же мѣстное бысть, и рождество отъ дѣвы богопріятныя, слышащей сія:

Радуйся, Бога невмѣстимаго вмѣстилище.
Радуйся, честнаго таинства двери.
Радуйся, невѣрныхъ сумнительное слышаніе.
Радуйся, вѣрныхъ извѣстная похвало.
Радуйся, колеснице пресвятая сущаго на херувимѣхъ.
Радуйся, селеніе преславное сущаго на серафимѣхъ.
Радуйся, противная въ тожде собравшая.
Радуйся, дѣвство и рождество сочетавшая.
Радуйся, ею же разрѣшися преступленіе.
Радуйся, ею же отверзеся рай.
Радуйся, ключе царствія Христова.
Радуйся, надеждо благъ вѣчныхъ.
Радуйся, невѣсто пеневѣстная.

По-русски:

Неописанное Слово все было въ нижнихъ областяхъ бытія и совсѣмъ не отступало отъ вышнихъ, ибо то было не мѣст-

ное измѣненіе, а Божественное соединеніе и рожденіе отъ Богопріятной Дѣвы, слышащей вотъ это:

Радуйся, вмѣстилище невмѣстимаго Бога.

Радуйся, дверь досточтимаго таинства.

Радуйся, сомнительный слухъ невѣрныхъ.

Радуйся, несомнѣнная похвала вѣрующихъ.

Радуйся, пресвятая колесница носящагося на херувимахъ.

Радуйся, превосходнѣйшее жилище пребывающаго на серафимахъ.

Радуйся, противоположная приведшая къ тожеству.

Радуйся, дѣвство и рождество соединившая.

Радуйся Ты, черезъ Которую прощено преступленіе.

Радуйся Ты, черезъ Которую отворенъ рай.

Радуйся, ключъ царства Христова.

Радуйся, надежда вѣчныхъ благъ.

Радуйся, невѣсто неневѣстная.

Икосъ представляетъ пятнадцатую пѣснь акаѳиста, начинается буквой О (омикронъ), словомъ Ὅλος *весь* и содержитъ мысль о сошествіи Сына Божія на землю, о Его воплощеніи и вочеловѣченіи, о соединеніи въ Немъ двухъ природъ Божеской и человѣческой чрезъ рожденіе по человѣчеству отъ Пресвятой Дѣвы, принявшей Бога, а также о спасительныхъ плодахъ пришествія на землю Сына Божія. *Весь бѣ въ нижнихъ и высшихъ никакоже отступи, неописанное Слово.* Словомъ называется Второе Лицо Св. Троицы Сынъ Божій (Іоан. I, 1—4), потому что Богъ Отецъ чрезъ Него, Имъ, какъ словомъ Своимъ, въ полнотѣ и совершенствѣ открылъ людямъ Свою волю, которую постепенно открывалъ чрезъ пророковъ, о чемъ говоритъ Апостолъ Павелъ въ своемъ посланіи къ Евреямъ (I, 1—2). *Богъ, многократно и многобразно говорившій издревле отцамъ въ пророкахъ, въ послѣдніе дни сіи говорилъ намъ въ Сынѣ, котораго поставилъ наслѣдникомъ всего, чрезъ котораго и вѣки сотворилъ.* Какъ истинный Богъ, Богъ Слово, Второе Лицо Св. Троицы, обладаетъ присущимъ Богу свойствомъ вездѣсущія, вездѣприсутствія, а потому и называется *неописаннымъ.* Это же свойство Бога Слова раскрывается и въ словахъ: *весь бѣ въ нижнихъ и вышнихъ никакоже отступи,* т. е., сошедши на землю въ низшія сферы бытія, Второе Лицо Св. Троицы въ то же время не оставило и высшихъ сферъ, Оно, какъ вездѣсущее, находилось одновременно и на небѣ и на землѣ, и съ Богомъ Отцемъ и съ людьми. *Снисхожденіе бо*

божественное, не прехожденіе же мѣстное. Въ этихъ словахъ указывается, какъ нужно смотрѣть на воплощеніе Сына Божія, а именно: нельзя смотрѣть на воплощеніе, какъ мѣстное измѣненіе, обожествленіе человѣчествой природы, а какъ соединеніе Божества съ человѣчествомъ посредствомъ рожденія отъ Пресвятой Дѣвы богопріятныя, т. е. принявшей въ свою утробу Бога, Эммануила, Богочеловѣка. Такъ какъ отъ Пресвятой Дѣвы родился по человѣчеству Сынъ Божій, предвѣчно по Божеству рождающійся отъ Бога Отца, то Пресвятая Дѣва называется вмѣстилищемъ невмѣстимаго Бога, дверью досточтимаго таинства, т. е. тайны воплощенія Сына Божія, такъ какъ явленіе Бога во плоти—велія благочестія тайна (1 Тим. III, 16). Истина воплощенія Сына Божія отъ Дѣвы Маріи есть великая тайна благочестія, т. е. такая тайна, которая можетъ быть постигнута только благочестиво-настроеннымъ умомъ и неразвращеннымъ сердцемъ, потому что для язычниковъ и невѣрующихъ Пресвятая Дѣва, отъ которой воплотился Сынъ Божій, является предметомъ сомнительнаго слышанія, чего-то такого, чему трудно вѣрить, а для вѣрующихъ—предметомъ несомнѣнной похвалы. Это и выражается въ словахъ: невѣрныхъ (των ἀπίστων) сумнительное слышаніе, вѣрныхъ же (τῶν πιστῶν) извѣстная похвала. Какъ послужившая воплощенію Сына Божія, какъ вмѣстилище невмѣстимаго Бога, Пресвятая Дѣва называется далѣе *пресвятой колесницей Того, Кто носится на херувимахъ, преславнымъ селеніемъ Того, Кто пребываетъ на серафимахъ.* Образъ, очевидно, взятъ изъ видѣнія пророка Іезекіиля, (1-ой гл.), гдѣ Господь Саваоѳъ представляется сѣдящимъ на Престолѣ, который поддерживаютъ живыя существа, имѣющія по четыре лица—человѣка, льва, тельца и орла и по шести крыльевъ, изъ которыхъ двумя закрываютъ лицо, двумя ноги и двумя летаютъ. Оттуда взяты и произносимыя за литургіей слова п о б ѣ д н у ю п ѣ с н ь—поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще, выражающія величіе Господа—въ Его благодѣяніяхъ къ міру и прославленіе Его всею вселенною и всѣми живыми существами. *Приведшая противоположное къ тожеству*, т. е., соединившая Божество и человѣчество, соединившая дѣвство и рождество. Что касается спасительныхъ заслугъ воплощенія Сына Божія отъ Пресвятой Дѣвы, то въ этомъ отношеніи Пресвятая Дѣва называется освобождающею насъ отъ преступленія, отверзающей рай, заключенный для насъ послѣ грѣхопаденія пра-

родителей, ключомъ царства Христова, надеждою вѣчныхъ благъ.

Кондакъ 8.

Всякое естество ангельское удивися великому Твоего вочеловѣченія дѣлу: неприступнаго бо яко Бога зряще всѣмъ приступнаго человѣка, намъ убо спребывающа, слышаща же отъ всѣхъ: Аллилуія.

По-русски.

Всякое естество Ангельское удивлено великимъ дѣломъ Твоего вочеловѣченія, ибо неприступнаго, какъ Бога, видимъ Тебя всѣмъ доступнаго человѣка, пребывающаго съ нами и слышащаго отъ всѣхъ: Аллилуія.

Кондакъ представляетъ шестнадцатую часть акаѳиста, начинается съ буквы п (пи) словомъ πάσα φύσις *вся природа* и содержитъ мысль о величіи тайны воплощенія Сына Божія, когда мы недоступнаго нашему познанію Бога видимъ, какъ доступнаго человѣка, пребывающаго съ нами, какъ *Бога*, по пророчеству Исаіи, или Эммануила, т. е. Богочеловѣка.

Икосъ 9.

Вѣтія многовѣщанныя, яко рыбы безгласныя, видимъ о тебѣ Богородице: недоумѣваютъ бо глаголати, еже како, и дѣва пребываеши и родити возмогла еси; мы же таинству дивящеся, вѣрно вопіемъ:

Радуйся, премудрости божіей пріятелище.
Радуйся, промышленія его сокровище.
Радуйся, любомудрыя немудрыя являющая.
Радуйся, хитрословесныя безсловесныя обличающая.
Радуйся, яко обуяша лютіи взыскателе.
Радуйся, яко увядоша баснотворцы.
Радуйся, аоинейская плетенія растерзающая.
Радуйся, рыбарскія мрежи исполняющая.
Радуйся, изъ глубины невѣдѣнія извлачающая.
Радуйся, многи въ разумѣ просвѣщающая.
Радуйся, [illegible]блю хотящихъ спастися.
Радуйся, пристанище житейскихъ плаваній.
Радуйся, невѣсто неневѣстная.

По-русски:

Ораторовъ краснорѣчивѣйшихъ, какъ рыбъ безгласныхъ, видимъ предъ Тобой, Богородица, ибо и они затрудняются сказать, какимъ образомъ Ты и Дѣвою пребываешь и могла родить, но мы, дивясь тайнѣ съ вѣрою (πιστῶς) вопіемъ:

Радуйся, вмѣстилище Божіей премудрости.

Радуйся, хранилище Его промышленій.

Радуйся, показавшая любителей мудрости (философовъ) немудрыми.

Радуйся, обнаружившая искусныхъ въ словѣ безсловесными.

Радуйся, ибо жестокіе совопросники обезумѣли.

Радуйся, ибо творцы басней (миѳовъ) увяли.

Радуйся, разрывающая хитросплетенія Аоинянъ.

Радуйся, наполняющая сѣти рыбаковъ.

Радуйся, извлекающая изъ глубины невѣдѣнія.

Радуйся, многихъ просвѣщающая вѣдѣніемъ.

Радуйся, корабль для желающихъ спастись.

Радуйся, пристань въ житейскомъ плаваніи.

Радуйся, Невѣста неневѣстная.

Икосъ представляетъ семнадцатую пѣснь акафиста, начинается съ буквы Р (ρο), словомъ ῥήτωρας *ораторовъ* и содержитъ выраженіе непостижимости для человѣческаго разума приснодѣвства Богородицы, того, какимъ образомъ Пресвятая Богородица пребыла Дѣвой и могла родить. Пресвятая Дѣва называется *вмѣстилищемъ Божественной Премудрости*, той Ипостасной Премудрости, о которой говоритъ Соломонъ въ своихъ притчахъ (Прит. Сол. IX, I—II) и подъ которою разумѣется Второе Лицо Святой Троицы, Господь Іисусъ Христосъ. *Хранилищемъ Его промышленія,* — промышленія, открывшагося въ постепенномъ приготовленіи Пресвятой Дѣвы Маріи къ воспріятію тайны воплощенія. Истина воплощенія Сына Божія отъ Пресвятой Дѣвы воспринимаемая такъ легко вѣрующимъ умомъ и чистымъ сердцемъ, для невѣрующихъ столь таинственна и непостижима, что предъ этой истиной любомудрые (φιλόσοφοι) являются немудрыми (ἄσοφοι), искусные въ словѣ (τεχνόλογοι) художники слова—безсловесными (ἄλογοι), хитрые совопросники (οἱ δεινοὶ) обезумѣли (ἐμωράνθηταν), составители миѳовъ (οἱ τῶν μύθων ποιηταί)—увяли, поблекли (ἐμαράνθησαν), сплетенія Аѳинянъ разо-

рваны. Подъ этими мудрецами, ставшими немудрыми, художниками слова, ставшими безсловесными, хитрыми совопросниками, обезумѣвшими, творцами миѳовъ, которые увяли, подъ сплетеніями Аѳинянъ, которыя разорваны — разумѣются еретики, неправильно учившіе о воплощеніи Сына Божія и о соединеніи въ Немъ двухъ природъ Божеской и человѣческой и о лицѣ Пресвятой Дѣвы Маріи, Матери Божіей, каковы: несторіане, евтихіане, докеты, монофизиты, монофелиты, такъ долго волновавшіе Христіанскую Восточную Церковь и нашедшіе себѣ особенно удобное пребываніе въ Аѳинахъ, въ этомъ городѣ, который славился образованностью своихъ жителей, а вмѣстѣ и широкимъ развитіемъ идолопоклонства и пышностью языческаго культа. Жертвенникъ невѣдомому Богу (Ἀγνώστῳ Θεῷ) (Дѣян. XVII, 23), который еще Апостолъ Павелъ нашелъ въ Аѳинахъ, долго потомъ оставался тамъ, пока, наконецъ, благодаря распространенію христіанства, составители миѳовъ увяли и сплетенія аѳинянъ разорваны. Послѣдній ударъ язычеству въ греко-римской имперіи нанесенъ былъ Императоромъ Юстиніаномъ (527—566), который закрылъ школу въ Аѳинахъ, служившую главной опорой язычества. Спасительные плоды воплощенія Сына Божія отъ Пресвятой Дѣвы указываются въ томъ, что она *наполняетъ рыбарскія мрежи*, т. е. помогаетъ проповѣдникамъ христіанства уловлять своею проповѣдью язычниковъ для царства Божія. Господь Іисусъ Христосъ сдѣлалъ рыболововъ ловцами человѣковъ (Лук. V, 3 — 10), Матерь Божія помогаетъ миссіонерамъ привлекать ко Христу язычниковъ, извлекаетъ изъ глубины невѣдѣнія, просвѣщаетъ многихъ вѣдѣніемъ, свѣтомъ истины, является кораблемъ для желающихъ спастись и пристанью въ житейскомъ плаваніи. Сравненіе Пресвятой Дѣвы съ кораблемъ, съ пристанью соединяется со взглядомъ на жизнь, какъ на плаваніе по бурному морю и очень часто употребляется въ церковныхъ молитвословіяхъ и пѣснопѣніяхъ, напр. *Житейское море, воздвизаемое зря, напастей бурею* (Ирм. 6 гласа пѣснь 6-я). *Плавающаго въ молвь житейскихъ попеченій* (Ирм. 7 гласа пѣснь 6-я) и т. п.

Кондакъ 9.

Спасти хотя міръ, иже всѣхъ украситель къ сему самообѣтованъ пріиде и пастырь сый, яко Богъ, насъ ради явися

по намъ человѣкъ: подобнымъ бо подобное призвавъ, яко Богъ слышитъ: Аллилуія.

По-русски.

Желая спасти міръ, Украситель всѣхъ самовозвѣщенный для этого пришелъ и, будучи пастырь, какъ Богъ, ради насъ сдѣлался подобнымъ намъ человѣкомъ, ибо, призвавъ подобнымъ подобное, какъ Богъ слышитъ: Аллилуія.

Кондакъ представляетъ восемнадцатую пѣснь акаоиста, начинается съ буквы Σ (сигмы), словомъ Σῶσαι *спасти* и предметомъ своимъ имѣетъ мысль о томъ, что Іисусъ Христосъ сдѣлался подобнымъ намъ человѣкомъ для того, чтобы призвать насъ къ Богу, ту мысль, которая съ особой полнотой выражена въ посланіи Апостола Павла къ Евреямъ (II. 14—15). *А какъ дѣти причастны плоти и крови, то и Онъ также воспринялъ оныя, дабы смертію лишить силы имѣющаго державу смерти, т. е. діавола, и избавить тѣхъ, которые отъ страха смерти чрезъ всю жизнь были подвержены рабству.* Украситель всѣхъ, т. е. Творецъ и Промыслитель о всемъ, Богъ. *Самообѣтованъ* (αὐτεπάγγελτος). т. е., возвѣстившій о Себѣ чрезъ говорившихъ, по откровенію Божію, пророковъ и Ангеловъ, ибо *никогда пророчество не было произносимо по волѣ человѣческой, но изрекали его Святые Божіи люди, будучи движимы Духомъ Святымъ* (2 Петр. I, 21).

Икосъ 10.

Стѣна еси дѣвамъ, Богородице дѣво, и всѣмъ къ тебѣ прибѣгающимъ: ибо небесе и земли творецъ устрои тя пречистая, вселься во утробѣ твоей и вся приглашати Тебѣ научивъ:

Радуйся, столпе дѣвства.
Радуйся, дверь спасенія.
Радуйся, начальнице мысленнаго назиданія.
Радуися, подательнице божественныя благости.
Радуйся, Ты бо обновила еси зачатыя студно.
Радуйся, Ты бо наказала еси окраденныя умомъ.
Радуйся, тлителя смысловъ упраждняющая.
Радуйся, сѣятеля чистоты рождшая.
Радуйся, чертоже безсѣменнаго уневѣщенія.
Радуйся, вѣрныхъ господеви сочетавшая.

Радуйся, добрая младопитальнице дѣвамъ.
Радуйся, невѣсто красительнице душъ святыхъ.
Радуйся, невѣста неневѣстная.

По-русски.

Пречистая Богородица Дѣва! Ты стѣна для дѣвъ и для всѣхъ, къ Тебѣ прибѣгающихъ, ибо такъ устроилъ Тебя Творецъ неба и земли, обитавшій въ Твоей утробѣ и всѣхъ научившій возглашать:

Радуйся, столпъ дѣвства.
Радуйся, дверь спасенія.
Радуйся, началоводительница къ умному возсозданію.
Радуйся, подательница божественной благости.
Радуйся, ибо Ты возродила зачатыхъ постыдно.
Радуйся, ибо Ты наставила лишенныхъ разума.
Радуйся, развратителя умовъ уничтожившая.
Радуйся, Сѣятеля чистоты родившая.
Радуйся, чертогъ безсѣменнаго невѣстничества.
Радуйся, прекрасная кормилица дѣвъ.
Радуйся, Невѣста украсительница душъ святыхъ.
Радуйся, Невѣста неневѣстная.

Икосъ представляетъ девятнадцатую пѣснь акаѳиста, начинается буквой Т (тау), словомъ Τεῖχος *стѣна* и воспѣваетъ дѣвство Пресвятой Богородицы и Ея значеніе въ дѣлѣ нашего спасенія. Пресвятая Богородица называется столпомъ дѣвства, дверью спасенія, руководительницей нравственнаго исправленія, подательницею Божіей благости; прославляется за то, что возродила зачатыхъ постыдно, т. е во грѣхахъ, научила лишенныхъ разума, уничтожила растлителя умовъ, т. е. діавола, родила Сѣятеля чистоты, т. е. Христа Спасителя, Который Самъ называлъ Себя сѣятелемъ (Матѳ. XIII, 37); сдѣлалась чертогомъ безсѣменнаго невѣстничества—за то, что она соединила вѣрующихъ съ Господомъ, — и восхваляется, какъ прекрасная воспитательница дѣвъ и какъ невѣста красительница душъ святыхъ, т. е., украшающая души святыхъ подобно тому, какъ убираютъ невѣсту къ вѣнцу. *Зачатые студно* αἰσχρῶς *постыдно*, т. е. рожденные во грѣхахъ. Наказала окраденныхъ умомъ, наставила, научила лишенныхъ разума. *Тлителя*, *обольстителя*, діавола, *уничтожившая*; *Сѣятеля чистоты*—Христа родившая. *Чертогъ безсѣменнаго не-*

вѣстничества, дворецъ, залъ, въ которомъ происходитъ пиръ безмужнаго замужества. *Младопитательница* (κουροτρόφε), вскармливающая, воспитывающая дѣвъ. Невѣстокрасноречительница душъ святыхъ (νυμφοστόλε), украшающая души святыхъ добродѣтелями, какъ украшаютъ невѣсту передъ бракомъ дорогими нарядами.

Кондакъ 11.

Пѣніе всякое побѣждается, спростретися тщащееся ко множеству многихъ щедротъ твоихъ: равночисленныя бо песка пѣсни аще приносимъ ти, царю святый, ничтоже совершаемъ достойно, яже далъ еси намъ, тебѣ вопіющимъ: Аллилуія.

По русски.

Всякая пѣснь, когда старается простираться въ слѣдъ за многими щедротами Твоими, *побѣждается* ихъ обиліемъ, ибо если бы равночисленныя песку пѣснопѣнія принесли Тебѣ, Святый Царь,—то еще ничего не сдѣлали бы достойнаго того, что Ты даешь намъ, взывающимъ къ Тебѣ: Аллилуія.

Кондакъ представляетъ двадцатую пѣснь акаѳиста, начинается съ буквы Υ (ипсилонъ), словомъ ὕμνος *пѣснь*, *гимнъ* и имѣетъ предметомъ своимъ мысль объ обиліи благодатныхъ даровъ, данныхъ намъ воплотившимся отъ Пресвятой Дѣвы Сыномъ Божіимъ, даровъ, которыхъ мы не можемъ представить, изобразить и исчислить, если бы мы даже сложили и принесли пѣснопѣнія Христу, равночисленныя песку. *Песокъ морской, звѣзды небесныя* — образъ безчисленнаго множества. Обѣщая Аврааму многочисленное потомство, Господь говоритъ ему: «*умножу потомство Твое, какъ звѣзды небесныя, и какъ песокъ на берегу моря* (Быт. XXII, 17).

Икосъ 11.

Свѣтопріемную свѣщу сущимъ во тьмѣ явльшуюся, зримъ святую дѣву: невещественный бо вжигающи огонь, наставляетъ къ разуму божественному вся, зарею умъ просвѣщающая, званіемъ же почитаемая сими:

Радуйся, луче умнаго солнца.
Радуйся, свѣтило незаходимаго свѣта.
Радуйся, молніе души просвѣщающая.
Радуйся, яко громъ враги устрашающая.

Радуйся, яко многосвѣтное возсіяваеши просвѣщеніе.
Радуйся, яко многотекущую источаеши рѣку.
Радуйся, купели живописующая образъ.
Радуйся, грѣховную отъемлющая скверну.
Радуйся, бане омывающая совѣсть.
Радуйся, чаше черплюшая радость.
Радуйся, обоняніе христова благоуханія.
Радуйся, животе тайнаго веселія.
Радуйся, невѣсто неневѣстная.

По-русски:

Свѣтоносный свѣтильникъ, явившійся находящимся во тьмѣ, видимъ въ лицѣ Св. Дѣвы, ибо, возжигая невещественный свѣтъ, Она приводитъ всѣхъ къ Божественному знанію, просвѣщая умъ сіяніемъ и будучи почитаема восклицаніемъ таковаго:

Радуйся, лучъ умнаго солнца.
Радуйся, блистаніе незаходимаго свѣта.
Радуйся, молнія, освѣщающая души.
Радуйся, какъ громъ, устрашающая враговъ.
Радуйся, ибо Ты производишь многосвѣтлое просвѣщеніе.
Радуйся, ибо Ты источаешь широко текущую рѣку.
Радуйся, живописующая образъ купели.
Радуйся, униитожающая скверну грѣха.
Радуйся, баня, очищающая совѣсть.
Радуйся, чаша, почерпающая радость.
Радуйся, ароматъ Христова благоуханія.
Радуйся, жизнь таинственнаго веселія.
Радуйся, Невѣста неневѣстная.

Икосъ представляетъ двадцать первую часть акаѳиста, начинается съ буквы Ф (фи), словомъ φωτοδόχον) *свѣтоносный*. Въ этомъ икосѣ Пресвятая Дѣва прославляется какъ свѣтоносный свѣтильникъ, явившійся находящимся во тьмѣ, просвѣщающій умъ свѣтомъ божественнаго познанія; въ этомъ смыслѣ Она называется лучемъ умнаго, т. е. духовнаго, нравственнаго солнца, блистающаго, не заходящаго, т. е. вѣчнаго свѣта, — молніей, освѣщающей души, громомъ, устрашающимъ враговъ (указаніе на событіе, по поводу котораго составленъ акаѳистъ, чудесное отраженіе враговъ, нападавшихъ на Константинополь), — производящею широкую рѣку, подъ чѣмъ разумѣется благо-

дать святого Духа, ниспосылаемая вѣрующимъ въ церкви Христовой (Іоан. VII, 37—39),—живописующею, т. е. изображающею купель,—омывающею скверну грѣха,—банею, омывающею совѣсть (Тит. III, 5),—чашею, черпающею радость,—ароматомъ Христова благоуханія,—жизнью таинственнаго веселія.

Кондакъ 11.

Благодать дати восхотѣвъ, долговъ древнихъ, всѣхъ долговъ рѣшитель человѣкомъ, пріиде собою ко отшедшимъ того благодати: и раздравъ рукописаніе, слышитъ отъ всѣхъ сице: Аллилуія.

По-русски

Желая даровать прощеніе древнихъ грѣховъ долгорѣшитель всѣхъ людей пришелъ добровольно къ удалившимся отъ Его благодати и, раздравъ рукописаніе, слышитъ отъ всѣхъ такъ: Аллилуія.

Кондакъ представляетъ двадцать вторую пѣснь акаѳиста, начинается буквой Х (хи), словомъ χάριν, *блогодать, прощеніе* и содержитъ мысль о добровольномъ пришествіи въ міръ Христа Спасителя для освобожденія рода человѣческаго отъ грѣховъ. Слово Χάριν *прощеніе*, даръ, милость, благодать (Ефес. II, 5) означаетъ тотъ даръ, который принесъ намъ страданіями Своими Господь Іисусъ Христосъ. *Долговъ* т. е. грѣховъ, какъ и въ молитвѣ Господней (Лук. XI, 2 — 4), *древнихъ*, т. е. прежнихъ, перешедшихъ къ намъ отъ нашихъ прародителей. Іисусъ Христосъ, по заслугамъ Котораго прощаются намъ долги—грѣхи, *называется Долгорѣшитель* χρεωλύτης. *Собою*, δι' ἑαυτοῦ, чрезъ Самого Себя добровольно (Іоан. X. 17 — 18). *Ко отшедшимъ того благодати*, т. е. къ удалившимся отъ Его благодати, согрѣшившимъ и черезъ то лишившимся благодати. *Раздравъ рукописаніе* σχίσας τὸ χειρόγραφον: человѣкообразное представленіе о грѣхахъ и о ихъ прощеніи. Грѣхи, совершаемые людьми, какъ бы записываются за ними въ особой книгѣ, вносятся въ особый реестръ, въ особое рукописаніе, отсюда, прощеніе грѣховъ представляется какъ бы уничтоженіемъ самой записи, раздраніемъ рукописанія, какъ это наглядно выражено въ тропарѣ VI часа: *Иже въ шестый день же и часъ на крестъ привождей въ рай дерзновенный Адамовъ грѣхъ и согрѣше-*

нїй нашихъ рукописаніе раздери (σχίσον), *Христе Боже, и спаси насъ.*

Икосъ 12.

Поюще твое рождество, хвалимъ тя вси, яко одушевленный храмъ Богородице, во твоей бо вселився утробѣ, содержай вся рукою Господь, освяти, прослави, научи вопити тебѣ всѣхъ:

Радуйся, селеніе Бога и слова.
Радуйся, святая святыхъ большая.
Радуйся, ковчеже позлащенный духомъ.
Радуйся, сокровище живота неистощимое.
Радуйся, честный вѣнче царей благочестивыхъ.
Радуйся, честная похвало іереевъ благоговѣйныхъ.
Радуйся, церкве непоколюбимый столпе.
Радуйся, царствія нерушимая стѣно.
Радуйся, ею же воздвижутся побѣды.
Радуйся, ею же низпадаютъ врази.
Радуйся, тѣла моего врачеваніе.
Радуйся, души моея спасеніе.
Радуйся, невѣсто неневѣстная.

По-русски.

Воспѣвая Твое рождество, прославляемъ всѣ Тебя, Богородице, какъ одушевленный храмъ, ибо содержащій все рукою Господь, обитавшій въ Твоей утробѣ, освятилъ, прославилъ и научилъ всѣхъ взывать къ Тебѣ:

Радуйся, селеніе Бога и Слова.
Радуйся, большая Святого-Святыхъ.
Радуйся, кивотъ, позлощенный Духомъ.
Радуйся, неистощимое сокровище жизни.
Радуйся, драгоцѣнная корона благочестивыхъ царей.
Радуйся, досточтимая похвала благоговѣйныхъ іереевъ
Радуйся, непокелебимый столпъ Церкви.
Радуйся, нерушимая стѣна царства.
Радуйся Ты, чрезъ Которую воздвигаются памятники побѣды.
Радуйся Ты, чрезъ Которую падаютъ враги.
Радуйся, тѣла моего врачеваніе.
Радуйся, души моей спасеніе.
Радуйся, Невѣста неневѣстная.

Икосъ представляетъ двадцать третью часть акафиста, начинается съ буквы Ѱ (пси), словомъ ψάλλοντες (ψάλλω) *воспѣвая* и содержитъ прославленіе Богородицы по причинѣ рожденія отъ Нея Сына Божія. Пресвятая Богородица прославляется, какъ одушевленный храмъ, ибо въ Ея утробѣ обиталъ Господь Вседержитель, Который этимъ Своимъ пребываніемъ освятилъ Ее и прославилъ. Пресвятая Богородица называется селеніемъ (σκηνή) *Бога и Слова. Скинія*, значитъ палатка, шатеръ; у евреевъ ветхаго завѣта такъ назывался подвижной храмъ, устроенный, по повелѣнію Божію, при Моисеѣ и служившій мѣстомъ селенія Іеговы, Бога Израильскаго, Бога Отца; сдѣлавшись Матерью Сына Божія, Пресвятая Дѣва стала скиніею, т. е. мѣстомъ селенія Бога-Слова, Второго Лица Пресвятыя Троицы. *Святая Святыхъ большая* (Ἁγία Ἁγίων μείζων): скинія раздѣлялась на Святилище и Святое Святыхъ. Святилище доступно было для священниковъ, которые входили сюда принося жертвы, возжигая свѣтильники, мѣняя хлѣбы предложенія, воскуряя фиміамъ. Святое же Святыхъ, важнѣйшая часть скиніи, гдѣ какъ бы присутствовалъ Самъ Богъ, было доступно только для первосвященника, который только одинъ разъ въ годъ, именно въ день очищенія, восходилъ въ Святое Святыхъ съ кровью жертвеннаго животнаго и кропилъ на крышку находящагося здѣсь ковчега Завѣта этою кровію въ знакъ умилостивленія Бога за грѣхи народа. Пресвятая Богородица, въ утробѣ Которой обиталъ Господь, сдѣлалась больше важнѣйшей части скиніи Святого Святыхъ. *Ковчеже позлащенный духомъ*. Главную святыню Святого Святыхъ ветхозавѣтной Скиніи составлялъ ковчегъ Завѣта, четырехъ-угольный ящикъ, сдѣланный изъ драгоцѣннаго дерева и окованный золотомъ, въ которомъ хранились скрижали Завѣта, сосудъ съ манной и близь ковчега жезлъ Аарона, прозябшій. Пресвятая Богородица сравнивается съ этимъ Ковчегомъ, только превосходитъ его тѣмъ, что называется ковчегомъ, позлащеннымъ Духомъ, т. е. одухотвореннымъ, освященнымъ, одушевленнымъ, какъ Пресвятая Богородица называется, напримѣръ, въ 9-й пѣснѣ канона на Введеніе во храмъ: *Яко одушевленному Божію Кивоту да никакоже коснется рука скверныхъ. Сокровище живота неистощимое*: кропленіе кровью жертвеннаго животнаго на крышку Ковчега служило символомъ прощенія грѣховъ Еврейскаго народа, источникомъ милости Божіей къ народу. Пресвятая Богородица, этотъ одушев-

ленный ковчегъ, служитъ неистощимой сокровищницей жизни. Сравнивается далѣе Богородица съ драгоцѣнною короною благочестивыхъ царей и почетной похвалой благоговѣйныхъ священниковъ, іереевъ (ἱερέων), называется непоколебимой опорой Церкви (I т. Ш, 15), нерушимой стѣной царства. Ей приписывается воздвиженіе побѣдныхъ памятниковъ и паденіе враговъ. Все это, очевидно, указываетъ, на событія, послужившія поводомъ къ составленію акаѳиста и введенію его въ составъ богослуженія. Дивному заступленію Пресвятой Богородицы приписывается защищеніе отъ враговъ церкви и государства, дарованіе побѣды надъ врагами при благочестивомъ царѣ Ираклiи и благочестивомъ патріархѣ Сергіи въ 626 году, когда въ первый разъ воспѣтъ былъ акаѳистъ, о чемъ было сказано подробно выше. Являясь непоколебимымъ столпомъ церкви и нерушимой стѣной царства, Пресвятая Богородица служитъ врачеваніемъ нашего тѣла и спасеніемъ души, ибо отъ Нея родился Святой врачъ души и тѣла, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, какъ Онъ называется въ молитвѣ, читаемой священникомъ при помазаніи частей тѣла во время совершенія таинства Елеосвященія.

Кондакъ 12.

О всепѣтая мати, рождшая всѣхъ святыхъ святѣйшее Слово: нынѣшнее пріемши приношеніе, отъ всякія избави напасти всѣхъ, и будущія изми муки, тебѣ вопіющихъ: Аллилуія.

По-русски.

О Всепѣтая Матерь, родившая Святѣйшее всѣхъ святыхъ Слово! Принявъ нынѣшнее приношеніе, избави всѣхъ отъ всякаго несчастія и отъ будущаго мученія освободи взывающихъ къ Тебѣ: Аллилуія.

Кондакъ составляетъ послѣднюю, заключительную пѣснь акаѳиста, начинается съ послѣдней буквы ω (омега), *большое о*, членъ звательнаго падежа, который (падежъ) употребляется при обращеніи, и содержитъ въ себѣ усердное моленіе ко Всепѣтой (Πανύμνητος, воспѣтой всячески), т. е. Той, Которую воспѣли, прославили во всѣхъ предшествующихъ кондакахъ и икосахъ, Матери, родившей святѣйшее всѣхъ святыхъ Слово, т. е. Второе Лицо Пресвятыя Троицы, моленіе о томъ, чтобы Она, принявъ настоящее приношеніе, т. е. вотъ этотъ, только

что исполненный акаѳистный, несѣдальный гимнъ, избавила насъ всѣхъ отъ всякаго несчастья и освободила отъ будущаго мученія.

Затѣмъ снова читается первый икосъ, начинающійся съ первой буквы греческаго алфавита «Ангелъ Предстатель», поется кондакъ, не входящій въ число 24 пѣсней акаѳиста, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ: «Взбранной Воеводѣ Τῇ ὑπερμάχῳ στρατηγῷ и возглашается молитва къ Пресвятой Богородицѣ, которой въ греческомъ акаѳистѣ нѣтъ, и этой молитвой совершеніе акаѳиста заканчивается.

Свящ. **С. Псаревъ.**

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.П. Тодорский

Иеромонах Симон Тодорский (архиепископ Псковский и Нарвский) и его четыре неизданных слова

Опубликовано:
Христианское чтение. 1909. № 12. С. 1616-1631.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Іеромонахъ Симонъ Тодорскій († архіепископъ псковскій и нарвскій) и его четыре неизданныхъ слова *).

III.

Слово въ день живоначальныя Троицы, пречестнымъ іеромонахомъ Симономъ Тодорскимъ проповѣданное въ монастырѣ Кирильскомъ 1741 году [1]).

Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ. Пс.: 13.

Чище, возлюбленніи о Господѣ слышателіе, Духъ святый увѣщеваетъ насъ, да не како кто въ тую же причту безумія впадетъ, нѣкоегожъ преокаяннаго весма безумнаго и безбожнаго и безсовѣстника предъ очи ставитъ намъ и описуетъ его въ Псалмѣ 13. И понеже сіе кажется невѣрятное быти, дабы созданіе, созданный по образу Божію человѣкъ, Бога Создателя своего отрицался: того ради повторяетъ въ псалмѣ 12 тожде глаголя: рече безуменъ въ сердцѣ своемъ нѣсть Богъ. Да не како при устѣхъ двою свидѣтелей станетъ крѣпокъ глаголъ, якоже бо неудобь вѣрительно есть, дабы лехко вещественный огнь противу естества своего на низъ выливалъ пламень свой; тяжестному бо нижняя стіхіа, лехкому же горняя къ упокоенію отъ Бога опредѣлена: тако и сіе самому естеству быти и въ самой вещи есть противное, дабы разумное внутрь всѣхъ своихъ чувствъ нѣкую бы тайную силу воспріявшее и непрестанному движенію и желанію и началу своему отъ него же начало, жизнь и бытіе воспріяло, дабы, глаголю, въ такое безуміе пришло, во еже рещи въ сердцѣ своемъ противу совѣсти сердца своего нѣсть Бога, не разсуждая сего или нѣ хотя разсуждати, яко весма непремѣнно

*) Окончаніе; см. ноябрь.

[1]) 17 мая. Пасха была въ 1741 г. 29 марта.

якожъ есть вѣчное неизмѣняемое присносущное имать быти благо, еже есть Богъ, имъ же единый, неистлѣнный, несмертельный духъ нашъ отъ Бога водхненный намъ, аки сообразнымъ, подобный подобнымъ себѣ упокоевается. Каковаго безбожника вся видимая и чувствуемая созданія дивно устроеннымъ видимымъ бытіемъ своимъ Бога невидимаго показуя, яко всего естества и рода безотвѣтнымъ творятъ: невидимая бо Его отъ созданія міра твореніи помышляема, видима суть и присносущная сила Его и Божество; во еже безумникомъ быти таковымъ безотвѣтнымъ глаголетъ Павелъ въ посланіи своемъ къ Римлянамъ въ главѣ 1. Недовольно ли небеса повѣдаютъ славу Божію, недовольно ли твореніе руку Его возвѣщаетъ твердь. Да какъ силное изобилно, яко день дневи отрыгаетъ глаголъ и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ, не суть рѣчи, ниже словеса ихъ же не слышати гласи ихъ. Что же речемъ о браздахъ упокоенныхъ, умножившихъ жита и о поляхъ исполненныхъ тука, о пустыняхъ красныхъ разбогатѣвшихъ, о юдоліяхъ умножившихся пшеницею и о холмахъ радостію препоясавшихся: не вси ли цвѣти полніи, не вси ли юдолніи крини, наипаче же во время сіе весеннее и воззовутъ и воспоютъ величіе, ово всемогущество Его, имъ же аки отъ одровъ смертныхъ, отъ нѣдръ земныхъ, прешедшей зимѣ, тайною нѣкоеюжь всемогущею силою оживотвореніи паки производется и въ явленіе приходятъ, ово же крайнюю Его благостыню и любовь созданія неизреченную, яко траву днесь сущую, утро же въ пещь вмѣтаему, разноцвѣтными же прекрасными одеждами тако одѣваетъ, яко ниже Соломонъ во своей славѣ сице облечеся, яко единое отъ сихъ, по неложномъ свидетельствѣ Самого Христа Сына Божія у Евангелиста Матѳея въ главѣ 4. А понеже безумство сіе сердечное Бога отрицаніе, хотя и всѣмъ кажется быти ужасно, но не всѣмъ, наипаче съ простыхъ людей, извѣстное есть, и мнозіи сердцемъ суще Бога отмещутся, мнятъ себе истинныхъ и благочестивыхъ быти, аки бы не о нихъ въ помянутомъ Псалмѣ рѣчь была. Того ради краткое мое о семъ возымѣю слово, ктожь то былъ безумникъ сей глаголющь въ сердцѣ своемъ нѣсть Бога. Ты же страшное сокровенное смиреннымъ растлѣннаго естества нашего окомъ Невидимое Естество всѣхъ естествъ, Источниче твореніи помышляемое и познаваемое, лучезарная твоя молнія возсіяй скудоумному мнѣ проповѣднику, Боже мой, да во свѣтѣ Твоемъ и узрится и просвѣтится свѣтъ истины Твоея, въ ползу слышателя духовную.

Правда то, возлюбленніи о Господѣ слышателіе, яко безумники таковіи суть, наипаче отродки естества человѣческаго атеистами или, во русскомъ нарѣчіи, безбожниками называющіися, которіи и глаголати и явѣ учити дерзаютъ нѣсть Бога. Но въ помянутомъ Псалмѣ не о таковыхъ безбожникахъ рѣчь есть, но о сицевыхъ, которіи доволно уст-

нами исповѣдаютъ Бога быти, сердце же ихъ отъ Бога удалившееся глаголетъ нѣсть Бога. Якоже и сама писмена показуютъ: рече безуменъ, глаголетъ Писаніе, не устнами, но въ сердцѣ своемъ: глаголетъ нѣсть Бога. Яснѣ еже еще показуется сицевый безбожникъ въ слѣдующихъ словахъ: растлѣша и омерзѣшася, глаголетъ, въ начинаніяхъ своихъ, нѣсть творяй благостыню. Убо вси растлѣвшіися и омерзѣвшіися въ начинаніяхъ, вси не творящіи благостыни или, да кратко реку, вси грѣшники безъ благодати Божія въ беззаконіяхъ пребывающіи, Бога, Господа и Создателя своего воли противящіися и слушати его нехотящіи—суть то преокаянное, пребезумное оное созданіе, глаголющее въ сердцѣ своемъ: нѣсть Бога. Явѣ бо есть, яко здѣ глаголетъ Духъ Святый о растлѣніи души; души же растлѣніе грѣхъ есть, грѣхомъ душа растлѣвается, о которомъ растлѣніи доволно свидѣтельствуютъ Писанія, начавши отъ перваго грѣхомъ растлѣннаго Адама, даже до сего дне сему и сицевому растлѣнію слѣдуетъ помяненное безуміе. Смотрите, какъ растлѣвшійся обезумился Адамъ, не удоволяся быти царемъ, надъ всѣми созданіями поставленнымъ, восхотѣлъ Богомъ бысти, послушавъ растлителя душь діавола, глаголющаго: будете яко бози. И чтожь въ той часъ растлѣнное сердце Адамово глаголало? Не сіе ли? Нѣсть Бога; нѣсть Бога единаго всемогущаго, единаго невмѣстимаго, вся и вездѣ видящаго; яковое безуміе абіе потомъ показалося: познавши праотецъ грѣхъ свой, увидѣвши наготу свою, подъ древомъ хотѣлъ отъ всевидящаго Бога заховатися. Якій же бы то чудный Богъ былъ подъ древомъ крыющагося беззаконника невидящій? А каковъ отецъ, таковъ и сынъ его. Что бо глаголалъ Каинъ въ сердцѣ своемъ, убивая брата своего? Воистинну сіе, нѣсть Бога, истинную за зла дѣла месть творящаго. Егда же бо вопросилъ его Богъ, гдѣ есть братъ твой, отвѣщалъ, да еще съ гнѣвомъ противу Творца своего: егда, рече, стражь брату моему. Абіе же изобличенъ и наказанъ отъ Бога, кровь брата твоего, глаголетъ Богъ Каину, вопіетъ ко мнѣ отъ земли, се будеши стеняй и трясыйся. Тоежде творятъ и внуки Адамовы даже до сего дня. Что бо иное глаголютъ въ сердцѣ своемъ вси судіи направедніи, бѣдныхъ, убогихъ, нищихъ, вдовъ, сиротъ и пришельцевъ обидящіи, чуждое добро похищающіи и противу Самого Бога востающіи и ни монастырей, ни церквей щадящіи, къ нимъ принадлежащее добро къ себѣ привлачающіи и разграбляющіи? Что иное глаголютъ въ сердцѣ своемъ безумніи души гордостію надменія брата своего въ смиреніи его презирающіющіи, на чести и на славѣ его безсовѣстно убивающіи? Воистинну сія ихъ рѣчь есть въ сердцѣ ихъ: нѣсть Бога, нѣсть Бога, бѣдныхъ защищающаго и проліянія слезы всѣхъ кромѣ Бога инаго защитника не имѣющихъ. Собирающе таковыхъ безбожниковъ во обличеніе въ день откровеннаго праведнаго суда Божія, воньже и малѣйшая капля слезъ, акн Авелева кровь,

со дерзновеніемъ возопіетъ противу сихъ у пророка Исаіи въ главѣ 49: приближаются мнѣ, глаголетъ, сіи, усты своими чтутъ мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ мене. Аки бы рекъ: сердцемъ своимъ развращеннымъ замышляютъ мнѣ противная, въ сердцѣ своемъ глаголютъ: нѣсть Бога; еже въ той же главѣ яснѣе показуетъ Богъ. И рекутъ, глаголетъ Богъ, сіи беззаконники безумніи, кто насъ увидѣлъ или кто насъ уразумѣлъ, яже мы творимъ. Далѣе же съ сожалѣніемъ сердечнымъ глаголетъ Господь: егда рече зданіе создавшему, не ты мене создалъ. Глаголетъ же сіе Господь не о иныхъ безбожникахъ, которыхъ мы обще атеистами называемъ, но о сицевыхъ, которіи Его устнами довольно исповѣдали и въ церковь приходили молиться и жертвы приносили, какъ о томъ едва не во всѣхъ пророкахъ свидѣтельствуется. А понеже сіе творили, не исправляя злаго житія своего, того ради безбожіемъ въ Псалмѣ помянутомъ порицаетъ ихъ Богъ: сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене. Въ первой главѣ у пророка Исаіи, глаголетъ, людіе же мои не разумѣша Мене, Израиль Мой не позналъ. Удаленнымъ быти отъ Бога, не знати Бога, еже глаголати въ сердцѣ своемъ нѣсть Бога, едино и тоежде есть, а потому вси грѣшницы, пребывающіи въ беззаконіяхъ своихъ и хотящіи творити воли своея суть то помянутіи безбожники оніи, глаголющіи въ сердцѣ своемъ: нѣсть Бога, нѣсть видящаго беззаконія нашего сердца и утробы пронизающаго и испытующаго.

Кто насъ, глаголютъ, увидѣлъ, кто уразумѣлъ, яже мы творимъ? Подобная рѣчь сердца беззаконниковъ и въ псалмѣ 93 поминается: доколѣ грѣшницы, Господи, глаголетъ Давидъ, восхвалятся и возглаголютъ: не узритъ Господь, ниже уразумѣетъ Богъ Іаковль. Невидящій же Богъ, и не разумѣвающій Господь, нѣсть Господь, нѣсть Богъ. Не иное убо что и сіи глаголютъ въ сердцѣ своемъ, токмо сіе, нѣсть Бога. Увѣщаваетъ же ихъ въ томъ же Псалмѣ, глаголя: разумѣйте же безумніи въ людѣхъ и буи нѣкогда умудритеся: насаждей ухо, не слышитъ ли, или создавый око не смотряетъ ли, аки бы рекъ, не слушайте сердца своего развращеннаго, развращенная вамъ глаголющаго, нѣсть Бога, нѣсть Бога, вся видящаго, вся слышащаго. И сіе доволно бы было ко увѣщанію нашему, возлюбленніи о Господѣ слышателіе, и ко исправленію житія нашего, яко воистину сей есть Богъ, есть око Божіе всевидящое, есть ухо Божіе всеслышащое. Отъ ока Божія всевидящаго и вездѣ сущаго не можно никакимъ образомъ, аки подъ землею укрытися. Въ якій ни повернется беззаконнику путь, а Богъ тутъ, ты за грѣхъ, а Богъ за тебе: или временныя или вѣчныя казни постигаютъ беззаконія твоя. О таковыхъ беззаконіяхъ и Павелъ глаголетъ въ главѣ 1 посланія своего къ Титу: Бога, рече, исповѣдуютъ видѣти, а дѣлы отмещутся Его. Гораздо же надобно примѣчать, что глаголетъ Апостолъ: исповѣдуютъ, рече, не

токмо сіе яко Богъ есть, но понеже дѣла ихъ устному не согласуютъ исповѣданію, того ради порицаетъ ихъ Апостолъ безбожіемъ, дѣлы же глаголетъ отмещутся Его; отметатижеся Бога дѣломъ, еже рѣщи въ сердцѣ своемъ нѣсть Бога. Едино внутреннее сердецъ нашихъ состояніе дѣла наша,— суть рѣчь сія: его сердце, глаголетъ, дѣло познаетъ благое или злое. Внутреннее сердецъ нашихъ сокровище дѣломъ показало Іуду предателя и лестное помаваніе, что онъ не Апостолъ, но рабъ сатанинъ и лстецъ, аще и иное устама глаголалъ, аще и любовно устами привѣтствовалъ, глаголя: радуйся, учителю. А сынъ громовъ Іоаннъ святый и того аще жесточае гремитъ въ первомъ своемъ посланіи въ главѣ 2 глаголя и рече: яко познаетъ Его и заповѣди Его не соблюдаетъ ложь есть и въ семъ истины нѣсть. А потому вси заповѣдей Божіихъ не хранящіи, аще бы и зѣло благочестіемъ хвалилися, аще бы и чрезъ все житіе свое обучались и все бы Писаніе наизусть умѣли въ похотѣхъ сердца своего ходящіи, въ беззаконіяхъ жизнь свою провождающіи, аще и велегласно о Бозѣ глаголютъ, аще исповѣдуютъ Бога быти и великое себе причитуютъ Бога познаніе, безбожники суть, атеисты суть дѣлами Бога отрицающіися, послѣдовательно же въ сердцѣ своемъ глаголющіи: нѣсть Бога, по оному Павловому, дѣлы же, глаголетъ, отмещутся Его и посему Іоанновому отмещутся Его, глаголяй, яко познахъ Его и заповѣдей Его не соблюдаетъ, ложь есть и въ семъ истины нѣсть. И воистину, возлюбленніи о Господѣ слышателіе, якъ есть истинное реченіе апостольское и самому естественному разуму согласное, что бо имать пользовати благочестіе неистоваго и благочестиваго. Что пользуетъ глаголати, Пресвятая Троице, помилуй насъ, а сердцемъ противное Троицѣ Святой замышляти и въ дѣло производити? Что пользуетъ глаголати: Господи очисти грѣхи наша, сердцемъ непрестанно сквернитися, не хотя ниже мало съ тины или съ болота гнусностей двигнутися. Что пользуетъ глаголати: Святый посѣти и исцѣли немощи наша, сердце сквернити мерзкими, гордыми, ненавистными и завистными помышленіями всегда уязвляющи? Что пользуетъ устнама глаголати: вѣрую во Единаго Бога, въ сердцѣ жъ сто боговъ, сто идоловъ, сто чертовъ имѣти. Еда ли Богъ на устна смотритъ, млину вѣтренному подобящася? Слышимъ, что глаголетъ Павелъ: сердцемъ вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе въ посланіи своемъ къ Римлянамъ въ главѣ 10. Аще сердце, очистившися, отрекшися мірскихъ похотей, вѣруетъ въ правду, Духомъ Святымъ просвѣщенное, тогда исповѣданіе будетъ намъ во спасеніе. Тогда сердце не ктому имать глаголати: нѣсть Бога, но и со слезами вопіетъ: вѣрую во Единаго Бога, Создателя моего и Господа, крѣпкую надежду мою, единое непостыдное мое въ животѣ моемъ и по смерти моей упованіе. Что пользуетъ усты глаголати: вѣрую во единаго Господа Іисуса Христа Сына Божія, сердце же анти-

христово имѣти, заповѣдемъ Христа Сына Божія противляющееся. Что бо есть антихристъ, противникъ Христовъ: сей иже Христу противится, не слушая Его въ Евангеліи по вся дни глаголюща, во всѣхъ литургіяхъ читающагося и всѣхъ грѣшниковъ на покаяніе призывающаго? Что пользуетъ усты глаголати: вѣрую во Христа, иже есть свѣтъ отъ свѣта, суетами мерзкими помраченное сердце имѣющему, свѣтомъ пришедшимъ просвѣти всякаго человѣка, грудущаго въ міръ, просвѣтися не хотящему. Что усты глаголати: вѣрую во Христа распятаго, за насъ пострадавшаго и погребеннаго, воскресшаго въ третій день по Писаніемъ, сердцемъ жь священное презирати Писаніе, Сына Божія попрати, кровь завѣтную скверну возмнити, въ ней же освятитеся и Духа Благодати укорити, якоже Павелъ о семъ глаголетъ въ посланіи своемъ къ Евреомъ въ главѣ 1. Что пользуетъ усты глаголати: вѣрую во Христа паки грядущаго судити со славою живыхъ и мертвыхъ Его же царствію не будетъ конца, сердцемъ же страшнаго Его суда не трепетати, вся творя по омерзѣвшимся начинаніямъ своимъ, нимало на то не памятуя, како имамы страшному оному Его суду предстати и отвѣтъ воздати о всѣхъ, яже явно и тайно сотворихомъ. О, аще бы устами, но и сердцемъ сей членъ вѣры христіанскія мы исповѣдали, подобно бы не восхотѣли безчинствовати; сколько бы разъ сіе исповѣдали, толико бы всякъ изъ (зъ) насъ упалъ на лице свое со слезами вопія, страшный Судіе, не вниди въ судъ съ рабомъ твоимъ, прежде даже не возгласиши мя, востани на судъ воздати отъ содѣянныхъ, пощади, помилуй мя. Что пользуетъ устами глаголати: вѣрую въ Духа Святаго Господа животворящаго, отъ Отца исходящаго, сердце жъ исполнити духомъ всякія нечистоты. Кое общеніе Духу Святому съ духами нечистоты проклятыми, Духови смиренія съ духами блудодѣянія и всякія мерзости, огнеобразною росою Духа вчера на апостольскія сердца спадшему? Потреба первѣе сердце измыти, аще кто хощетъ со дерзновеніемъ членъ сей святыя вѣры нашея исповѣдати, исхожденіе Духа Святаго исповѣдуя отъ Отца, не прилагая и отъ Сына, да не како приложитъ Господь мукъ написанныхъ всѣмъ симъ, которіи къ самому исповѣданію вѣры нашея каоолическія апостольскія восточныя церкви матери нашей предавати дерзаютъ двоеглавнаго, двоеначальнаго отъ единаго начала Отца, отъ другого начала Сына исходящаго Духа Святаго, но со умиленіемъ возопіемъ: есть Богъ, Духъ Святый, Духъ Благій, освятившій мя и наставившій мя на землю праву. Что пользуетъ усты глаголати: вѣрую во едину святую соборную и апостольскую церковь, сердцемъ же въ наученія странная и различная прилагатися, утверждая сердце свое брашнами, а не благодатію отъ нихъ же не пріяша пользы ходившіи въ нихъ по апостольскому словеси въ посланіи его къ Евреомъ въ главѣ 13. Воистину

не человѣческое, но хамеліево сердце имѣютъ таковіи. Есть то хамеліонъ бестейка, да чюдна, которая, по свидѣтельству естества описателей, къ какому цвѣту приближится, то и сама такою станетъ. Напримѣръ, аще бы приближилася до зеленой травы, то и сама позеленѣетъ, аще до р(о)жи, то почервонѣетъ, аще къ черному какому цвѣту, почернѣетъ. Таковіи суть человѣцы, древле предуставленніи на сіе осужденіе единаго владыки Бога и Господа нашего Іисуса Христа и вѣры его отметающіися, съ папенстами папенсты, съ лютеранами лютераны, съ кальвенами кальвени, съ агарянами агаряне между благочестивыми быти показуются, суще въ сердцѣ своемъ глаголя: нѣсть Бога едину вѣру, едино крещеніе избравшаго, едину церковь православную Сыну Своему обручившаго и въ ней точію подвизающимся животъ вѣчный дати обѣщавшаго, аще и зѣло довольно усты Бога быти исповѣдуютъ. Что пользуетъ устами исповѣдовати едино крещеніе во оставленіе грѣховъ, сердцемъ жъ прилагатися сатанѣ и вся его темная дѣла творити, ихъ же единою отрекохомся на крещеніи и самую Троицы тайну крещенія освященія и избавленія Христомъ поставленную въ вѣчную себѣ погибель превращая и обращая нераскаяннымъ житіемъ своимъ. Что пользуетъ напослѣдокъ усты глаголати: чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, сердцемъ жъ глаголати, како имать се быти, како востанетъ плоть согнившая, како востанутъ кости, въ прахъ обратившіися. А тако глаголати: уже въ сердцѣ своемъ рещи: нѣсть Бога, нѣсть Бога всемогущаго и отъ небытія въ бытіе приводящаго, каковыхъ безбожниковъ и безумниковъ обличаетъ Павелъ святый въ первомъ своемъ посланіи къ Кориняномъ въ главѣ 15: безумне, глаголетъ Апостолъ святый къ безбожнику, ты еже сѣеши не оживетъ, аще не умретъ, еже сѣеши не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно, Богъ же дастъ ему тѣло, якоже восхищетъ. А потому видимо, возлюбленніи о Господѣ слышателіе, донелѣже не обратимся отъ тмы къ свѣту, донелѣже пребываемъ въ беззаконіяхъ нашихъ нерадяще ниже мало о спасеніи нашемъ, донелѣже не созиждется въ насъ благодатію Духа Святаго сердце чистое, сокрушенное и смиренное, дотолѣ безбожниками пребудемъ, дотолѣ растлѣвшимися и омерзившимися въ начинаніяхъ нашихъ не творяще благостыню будемъ глаголати въ сердцѣ нашемъ: нѣсть Бога. Можетъ же кто помыслити; жестоко есть слово сіе, потому многіе и честные люди будутъ безбожниками. Кто можетъ не за благо пріяти, воля твоя въ тебѣ. Павлово, Іоанново или паче Самого Христа, Сына Божія, есть сіе ученіе, кому досадно, пусть препирается съ Павломъ, пусть порицаетъ Іоанна грубьянствомъ, продерзливою нелюдностью, а я невѣжа сый, отъ себе что глаголати не научивыйся, слово апостольское лобызаю, да еще повторяю, яко вси сквернящіи умъ свой и совѣсть, якоже Апостолъ глаголетъ въ посланіи

къ Титу въ главѣ 1: Бога исповѣдуютъ быти, а дѣлы отмещутся, всякъ глаголяй, яко познахъ Его и заповѣди Его не соблюдаетъ ложь есть и въ семъ истины нѣсть. Чимъ же сквернится умъ нашъ и совѣсть, грѣхомъ и несоблюденіемъ заповѣдей Божіихъ, что есть грѣхъ, сердце наше прельщающій и вопіющій въ немъ безумномъ: нѣсть Бога; истинно убо есть сіе, яко всякій грѣшникъ, противляющійся волѣ Божіей, не соблюдающій заповѣдей Господа, Создателя своего есть то безумникъ оный въ помянутомъ Псалмѣ описанный, глаголющій: нѣсть Бога. Кая же казнь и коликое мученіе ожидаетъ безбожниковъ, ниже умомъ поняти, ниже языкомъ изрещи возможно: горе вѣчное, горе, конца не имущое. Аще же хощемъ, православный слышателю, страшнаго сего убѣжати мученія, безбожникомъ обѣщаннаго, зачнемъ, кто аще не зачалъ отъ сего дня, отъ сей годины, не точію устами, но и сердцемъ, волю Господню исполняти, Богу молитися, Бога любити чистымъ сердцемъ, сокрушеннымъ, не лицемѣрнымъ, очистившимся и омывшимся покаяніемъ.

Днесь, сердечный простолюдине, всякъ (и)зъ насъ поставимъ съ Богомъ договоръ, со умиленіемъ сердечнымъ вопія къ Нему, прости мнѣ, Боже мой, вся прешедшая моя согрѣшенія, отъ сего времени Ты мой, а я Твой, отъ сего времени не стану уже болѣе прогнѣвляти Тебе, Бога моего, аще бы мнѣ и умрети пришло. О, Троице Пресвятая, Боже мой, помилуй мя; Господи, очисти грѣхи моя, Владыко, прости беззаконія моя, Святый посѣти и исцѣли немощи моя имени Твоего ради. И сія то молитва въ Троичный сей день Трипостасному Богу да будетъ благопріятная. Якъ же еще закончишь молитву твою, упади, сердечный простолюдине, на лице твое предъ Всевидящимъ Богомъ, рцы къ Нему изъ глубины сердечныя: Слава Тебе Отцу, мене создавшему, Слава Тебѣ, Сыне, кровію Своею пречистою мене искупившему, слава Тебѣ, Духу Святому, мене освятившему, къ познанію истинныя христіанскія вѣры позвавшему. Тебѣ, единому Богу моему, въ тріехъ лицѣхъ познаваемому и поклаяемому, буди слава и честь и поклоненіе всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

IV.

Слово, проповѣданное во обители Видубицкой 1741 года сентября 6-го іеромонахомъ Симономъ Тодорскимъ.

Врата адова не одолѣютъ ей.

Слово у Евангелиста Матѳея въ главѣ 16-ой положенное нынѣшняго же праздника исторія чудеснаго избавленія церкви Божія отъ вратъ адовыхъ чрезъ небесныхъ воинствъ Архи-

стратига Михаила Архангела ясно намъ протолкованная и подтвержденная.

Вся видящій и предвѣчный Христосъ Господь предувѣдѣ гоненія и страданія церкви Своей святой, имѣющіися прилучитися, возлюбленныхъ учениковъ Своихъ, отъ Егоже имени многострадати имѣющихъ нѣкіимъ симъ неложнымъ Божественнымъ Своимъ утѣшаетъ обѣщаніемъ. Аки бы рекъ: дерзайте, не бойтеся, на камени истиннаго истинныя вѣры исповѣданія такъ крѣпко утвержду церковь Мою, яко аще бы вси силы устроилъ на низверженіе ея, ничтоже успѣетъ, врата адова не одолѣютъ ей. Самое же слово сіе врата имѣетъ особенный нѣкій разумъ восточныхъ народовъ и толкуется ово крѣпость, сила, могущество, ово же совѣти и замышленія, ибо при вратѣхъ градскихъ сошедшеся составляютъ совѣти своя по обыкновенію ихъ: а понеже главный гонитель церкви Христовой со всѣмъ своимъ сѣменемъ зміинымъ, о немъ же поминается въ 3-ей главѣ Бытія, различными образы покушался искоренити церковь, ово явѣ съ какимъ гоненіемъ, ово же хитрыми, коварными, совѣтами своими, того ради обоя единымъ словомъ изображаетъ Христосъ, глаголя: врата адова не одолѣютъ ей. Аки бы рекъ: ниже гоненіями, ниже мученіями, ниже ласкательствы, ниже хитростію возможетъ противный предолѣти церкви Моей на Мнѣжъ самомъ основанной и утвержденной. Тоежде обѣщаніе Свое подтверждаетъ у Евангелиста Луки въ главѣ 14: не бойся малое стадо, яко благоизволи Отецъ Мой дати вамъ царство. Человѣцы убо за немощь плоти нашея по внѣшнему разсужденію состоянія, сражаяся съ непріятелемъ, смотримъ, на которой части Божія силы большее число обрѣтается и у кого больше вооруженнаго воинства видимъ, то тому и побѣду приписуемъ, того и торжественно пророчествуемъ, якоже повѣствуется въ первой книгѣ Маккавейской въ главѣ 3: егда увидѣли сыны израилевы полкъ, грядущій въ срѣтеніе себѣ, рѣша Іудѣ вождю своему, како можетъ вмалѣ суще ополчитися противу множества сего толь крѣпкаго. Но разумный вождь смысленный и премудрый отвѣщалъ: нѣсть разнства предъ Богомъ небеснымъ спасти во мнозѣ и вмалѣ, яко не въ множествѣ вой одолѣнія брани, но отъ небесе крѣпость. Того ради Іисусъ Господь, видя смущающихся и боящихся учениковъ Своихъ и какъ было не ужасатися горсти тыхъ бѣдныхъ людей двунадесяти Апостолъ, да семужъ то малому числу на цѣлый свѣтъ ударити и съ пепельными вратами сразитися и наступати на аспида и василиска, на льва и зміа, плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово по Апостолу въ посланіи его второмъ къ Коринѳянѡмъ въ главѣ 10. Того ради, глаголю, утверждаетъ учениковъ Своихъ: не бойся малое стадо, яко благоизволи Отецъ Мой дати вамъ царство, еже тоежде есть и еже рещи: врата адова васъ учениковъ Моихъ, на Мнѣ

краеугольномъ камени основанныхъ и утвержденныхъ, не одолѣютъ. Сія бо то есть преблагословенная побѣда надъ вратами адовыми. еже быти въ наслѣдіе святыхъ царства отъ сложенія міра церкви Божія уготованнаго. Да яснѣе же уразумѣется истина сія, яко церковь Божія, не на ложномъ себѣ обѣщаніи основанная и утвержденная, никоимъ же ухищреніемъ врать адовыхъ поколебатися можетъ краткое о семъ мое будетъ слово, яко нѣсть премудрость, нѣсть мужество, нѣсть свѣтъ противу Господа, дивно и непостижимо всего и вездѣ церковь Свою отъ врать адовыхъ избавляющаго. Ты же дивно и непостижимо избавляющій отъ вратъ адовыхъ церковь, непостижимый въ судьбахъ Твоихъ, Боже нашъ, даждь глаголъ проповѣдати силою многою, да уразумѣвши слово сіе, яко нѣсть премудрость, нѣсть мужество, нѣсть совѣтъ противу Тебе, Бога нашего, возрадуется церковь Твоя о Тебѣ Бозѣ Своемъ во всѣхъ бѣдахъ своихъ, во всѣхъ гоненіяхъ своихъ, и да крѣпко уповая на Тебе единаго не постыднаго Избавителя своего, вратами адовыми во вѣки пребудешь непреодолѣнная!

Посмотримъ ли, о Господѣ возлюбленные слышателіе, на самое многобѣдное начало церкви Божія и разсудимъ прилежно многострадальный возрастъ ея, нельзя не удивитися и во удивленіи не возопити, како возгласила и возопила не болѣвшая, какъ многа чада быша пустой, нежели имущей мужа, яко же о семъ Исаія пророчествуетъ въ главѣ 54: како чада отъ камене быша Аврааму, ихъ же Сей токмо исчислити можетъ, Иже исчисляетъ песокъ воскрай моря лежащій, и неисчислимая множества звѣздъ ко большему небесъ украшенію на тверди небесной; коея хитрости, коего коварства не употребилъ многокозненный сатана, дабы еще въ юности ея искоренити ю. Усмотрѣлъ надежду основывающіяся церкве въ праведномъ Авелѣ, искони человѣкоубійца сый, вооружи Каина на Авеля, тогожде рукодѣлія научая, еже убити неповиннаго. Увидѣлъ сыновъ Божіихъ, во благое успѣвающихъ ко созиданію церкве Божія, и сихъ растли. Видѣвше сынове Божіи дщери человѣческія, яко добри суть и пояша себѣ въ жены отъ всѣхъ, яже избраша: Бытія глава 6. И тутъ то надѣялся супостатъ, яко Богъ, раздраженный беззаконеніемъ человѣческимъ, наипаче лукавымъ тымъ беззаконнымъ воззрѣніемъ на дщери человѣческія, перемѣнитъ и обѣтованія Своя не кому помянетъ завѣтъ Свой съ преблагословеннымъ жены Сѣменемъ, абіе по паденіи праотческомъ составленный, но вопреки сотворися, ибо утвердися милость Его на насъ и истина Господня пребываетъ во вѣкъ: Пс. 116. Аще бо и казнилъ растлѣвшійся свѣтъ страшнымъ онымъ мірнаго потопа наводненіемъ, обаче церковь Свою непостижимымъ смотрѣніемъ цѣлу между водами въ ковчегѣ сохранилъ, да еще и вновь благословеніемъ подтвердилъ, обоняющи воню благо-

уханія жертвы Ноемъ принесшіяся, страшную оную на крестѣ единою за грѣхи жершуюся жертву преобразующія, ея же ради тако возлюбилъ церковь, яко и сообручити ю Себѣ на вѣки обѣщалъ въ главѣ 1 пророка Исаіи, а послѣдователнѣ и непоколебимую и непреодолѣнную сотворити во вѣки вѣковъ. Что же имамы рещи о бѣдномъ церкви Божія многостранствованіи по между различными народами; колико же противныя тщащеся не точію разорити но и весьма искоренити, доволно свидѣтелствуетъ священная гисторія ветхозавѣтныхъ патріарховъ, а наипаче въ Египетъ уже переселенныхъ, въ 1 и въ 2 книзѣ Моисеовой повѣствуемая, совѣтуетъ фараонови дѣти раждающіяся мужескъ полъ убивать наущаетъ и различными тиранствами озлобляти людъ Божій вездѣ; но яко Бога перемудрить нельзя, колико паче сыновъ израилевыхъ озлоблялъ, толико болѣе множахуся сыны израилевы. Напослѣдокъ рече врагъ, гнавъ постигнути, раздѣлю корысть, исполню душу мою, убію мечемъ моимъ, господствовати будетъ рука моя, но самыи моря Чермнаго огустѣвши, яко стѣна, воды, таже яко камень мучителя съ колесницами погрузивыи въ глубинахъ своихъ. Паки показали противное, яко нѣсть премудрость, нѣсть мужество, нѣсть совѣтъ противу Господа, прошедши бо сушею море чрезъ самая почитай врата адова, введъ, насади въ гору достоянія Своего, въ готовое жилище Свое, еже сдѣлалъ Господь святыню, юже уготовастѣ руцѣ Его, Господь царствуяй во вѣки и на вѣкъ, яко же о томъ пространнѣе во второй книгѣ Моисеовой отъ начала даже до главы 16.

Якоже ветхозаконную церковь чрезъ Чермное море крѣпкою рукою и мыслею высокою провелъ Господь, тако и церковь Новаго Завѣта чрезъ море червленное кровію мучениковъ. Въ самомъ началѣ возшаталися языцы и людіе поучишася тщетнымъ, предсташа царіе и князи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его, тутъ же и на церковь святую Его, якоже показуется въ главѣ 4 Дѣяній Апостольскихъ, собрашася, глаголютъ въ помяненной главѣ молящіися, на святаго отрока твоего Іисуса, Его же помазалъ еси, Иродъ же и Понтійскій Пилатъ. И въ таковомъ бѣдномъ своемъ состояніи чимъ защищалася церковь Христова воинствующая, вооруженною ли рукою какъ то махометанская, защищалися мечеты или хитрыми какими волшебствами, какъ-то языческіе идолопоклонницы защищаютъ невѣрную вѣру свою; никогда же, но единою теплѣ сердца изліянною молитвою и помолившимся намъ, глаголетъ Писаніе, подвижеся мѣсто, идѣже бяху собрани и исполнишася вси Духа Святаго и глаголаху Слово Божіе со дерзновеніемъ. А то ихъ былъ мечъ острый, противныхъ поражающій, доводя поистинѣ такъ христіанъ, поборяющіихъ крѣпко, яко не мощи никомуже противитися имъ. А когда уже возгремѣла во всей подселенной проповѣдь Евангельская, егда же во всю землю изошло вѣ-

щаніе и въ концы вселенныя глаголы апостольскіе, колико отъ грому сего смертоносныхъ тучь родилося, колико смертоносныхъ облаковъ волнующеся окружило церковь Божію и помыслити страшно, годствовало весьма съ царствующимъ пророкомъ возопити: рѣки воздвигоша гласы своя, возшумѣша врази и ненавидящіи воздвигоша главу, лукавноваша волею и совѣщаша на святыя единомышленіемъ вкупѣ, рѣша: пріидите, потребимъ отъ языкъ, и не помянется христіанъ ктому. Что замышляла лютая оная въ крови матери своей загущенная бестіа Неронъ; что замышляли дышущіи прещеніемъ и убійствомъ Максиміанъ и Діоклитіанъ, Іуліанъ, апостатъ; не всѣмъ ли являли мужество свое къ вѣчному безчестію своему, кіими бы вооружитися мучительствы на безоружныхъ, кую бы вину нанести на невинныхъ, за сіе едино точію виноватыхъ, яко оставивши прелесть многобожія, единаго истиннаго Бога быти исповѣдаху. Но что успѣли безчеловѣчіи мучители и гоненіями и коварными своими замышленіями, злая и страшная жизнь ихъ и кончина показала и крѣпко засвидѣтельствовала, яко нѣсть премудрость, нѣсть мужество, нѣсть совѣтъ противу Господа, оныіими и непостижимыми Своими судьбами церковь Свою отъ вратъ адовыхъ избавляющаго, якоже и самъ погибающій призналъ апостатъ, егда на войнѣ невидимою пораженъ рукою, на воздухъ метая кровь свою, на Бога Христа изблевалъ словеса: побѣдилъ мя еси Галилеянине, насытился кровію моею. О неповинномъ же и честномъ и святомъ христіанствѣ, не точію христіанскія, но и языческія свидѣтельствуютъ гисторіи, изволяй да чтетъ посланіе Плинѣйшово къ Траяну и отвѣтное писаніе Кесарево. Къ томужъ и въ томъ же гисторикѣ не увѣстившися апостатъ сице въ намѣреніи своемъ инымъ путемъ устремляется на церковь Божію; вооружилъ дѣтей на матерь и уродилъ и воздвигнулъ апокалиптическій змій сей, ехидны матери своея утробы держащій, христоненавистнаго онаго Арія, духоборца Македонія, Несторія и проч. и такою надеждою въ еретикахъ дѣйствующій поднесь былъ; адъ врата его. Яко аще не Господь бы былъ въ насъ, егда богоненавистнымъ симъ востати человѣкомъ на ны, убо живыхъ пожрели быша насъ по псаломнику въ Псалмѣ 123, но и здѣ обуяла мудрость человѣческая, побѣдилося мужество мучителей, по ересемъ поборяющихъ; общіе ихъ совѣти пребыли недѣйствительны. Господь всегда и вездѣ церковь Свою святую выше естественно немощными и весьма безсильными орудіями защищающій, и самымъ дѣломъ являя, яко нѣсть премудрость, нѣсть мужество, нѣсть совѣтъ противу Господа, дивно и непостижимо церковь святую отъ вратъ адовыхъ избавляющаго. Но аще всегда и вездѣ, обаче по превосходству, показуется истина сія отъ исторіи нынѣшняго праздника. Что иное показуетъ намъ чюдо Михаиломъ Архангеломъ въ Хонѣхъ сотворенное, аще не сіе, яко церкви Божія врата адова не одо-

лѣютъ. Яко нѣсть премудрость, нѣсть мужество, нѣсть совѣтъ противу Господа, церковь Свою отъ врать адовыхъ избавляющаго, яко нѣсть разнства предъ Богомъ небеснымъ спасти во мнозѣ или вмалѣ, яко отъ небесе крѣпость по вышереченному. Посмотримъ ли на церковь чудесный оный храмъ святаго Михаила Архангела, во исторіи нынѣшняго праздника поминаемый, увидимъ дѣла Божія дивная, дивный промыслъ Божій о церквѣ Его. Вси народи идолопоклонничестіи, окрестъ святаго онаго мѣста живущіи, собравшеся вкупѣ совѣтовали тщетная водами затопити и весьма погубити церковь Божію, ово отъ древъ сложенную, овоже церковь одушевленную во Архиппѣ святомъ, въ нынѣшной же гисторіи поминаемомъ, прехрабро тогда воинствующую. А при церкви кто остался единъ токмо бѣдный старецъ Архиппъ преподобный, на единаго Бога уповая со крѣпкимъ намѣреніемъ не отбѣгну, глагола, отъ святаго мѣста сего, ниже изиду изъ церкве, но здѣ да умру и азъ аще попуститъ Господь. Человѣчески разсуждая, возлюбленніи о Господѣ слышателіе, треба бы то было уже весма надежды избавленія отчаятися, чтобъ единъ бѣдный старецъ противъ толикаго множества язычниковъ спасся. Но видя, что сотвори Господь, посрамляя человѣческое мудрованіе, у него же нѣсть разнства спасти вмалѣ и вомнозѣ, якоже въ началѣ речеся. Егда же услышалъ Архиппъ гремѣніе шумящихъ водъ отъ язычниковъ на потопленіе храма святаго низпущенныхъ, бросился старецъ святый ко оружію, единою вооружая себе молитвою, возопилъ прилежнѣе къ Богу, да не потоплено будетъ мѣсто святое, да не возвеселятся врази, но да посрамятся нечестивіи, да прославится же имя Господне и прочая. Егда молитву окончилъ, и абіе увидѣлъ помощь и крѣпкое Божіе Его церкве заступленіе, дивенъ во высокихъ Господь, дивны высоты морскія устрояющій. Самаго чиноначальника Михаила Архангела посылаетъ на заступленіе церкви Своея, иже, явившися старцеви святому, укрѣпляетъ его, глаголя: дерзай и не бойся, востани и узриши Божію силу въ водахъ тѣхъ; воздвигъ же Архистратигъ десницу свою, воспятилъ воды, на потопленіе устремляющіяся. Та же показалъ мѣсто въ камени вонже чюдеснымъ Божіимъ строеніемъ рѣки церковь Божію погрузити имѣвшіи, сами въ глубинахъ своихъ погрузишася, по свидѣтельству нынѣшняго праздника гисторіи. И тако сила Божія обыкновенно въ немощныхъ совершающаяся и въ семъ немощномъ сосудѣ старцѣ преподобномъ совершилася. Посрамился діаволъ съ служителями своими, а церковь Божія пребысть враты адовыми не преодоленна, ниже мудростію, ниже мужествомъ, ниже совѣтомъ противныхъ побѣжденная, и сія то язва тягчайшая бѣсови была паче протчихъ. Защитилъ церковь Божію Павелъ, да Павелъ же выше небесъ бывшій, Апостолъ на небеси богословіи научившійся; защитилъ церковь Божію Аѳанасій Великій,

да Аѳанасій же имя безсмертное, мужъ искусенъ, а къ сему ученіями славный; защитили церковь Божію и протчіи отцы святіи, человѣцы жъ ученіемъ, премудростію, искуствами всему свѣту знаменитіи, а отъ таковыхъ мужей не въ стыдъ и побѣжденнымъ быти: здѣ же вѣчный срамъ, крайнее врагу безчестіе, дивное позорище. Сразился сильный и хитрый веліаръ съ немощнымъ старцемъ реторическихъ, філософскихъ и богословскихъ ученій непознавшимъ, да подобно и неграмотнымъ. Бѣсъ по обыкновенію своему съ хитрою козней своихъ ловитвою, а старецъ по обыкновенію своему съ молитвою. А кто побѣдилъ? Конецъ вышерченный дѣла довольно показалъ, отсюду возражается простое оное премудрости Божія мнѣніе: Мто. въ главѣ 16 прореченное.

Смотрятъ противники наши на насъ, на святую церковь восточнаго греческаго исповѣданія и похваляются симъ, яко ихъ болше. Вопрошуютъ насъ, гдѣ наша училища, тоежде творятъ многіе и отъ насъ мнящіися быти, дабы въ погибель рода человѣческаго и въ нашихъ странахъ езуитскіи завелися сонмища; о семъ то и дивно, что насъ менше, да съ нами Богъ. разумѣйте, противницы, и покаряйтеся истинѣ, яко съ нами Богъ, у Него же нѣсть разнствія вомнозѣ или вмалѣ спасти церковь Свою. Мудрствуйте, какъ хотите, совѣтуйте церкви святой противная, пусть съ вами будетъ мудрость еретическая, пусть съ вами будутъ коварства отступническія, но съ нами Богъ, противу Его же нѣтъ мудрость, нѣсть мужество, нѣсть совѣтъ. Правда то, что немного академій имѣемъ, да имѣемъ же еще едины школы Духа Святаго, въ нихъ же обучившеся и препростѣйшій старецъ Архиппъ воистину лучше можетъ бѣдствующей, воинствующей церкви Христовой помоществовать, нежели сто академій епикурейскихъ, единою плотскою надменныхъ мудростію и киченіемъ. Доброе есть ученіе, не хулю, ниже отрицаю, но сіе ему же предполагается христіанское обученіе, инако ученія отъ растлѣннаго ума человѣческаго происходящая, безъ благодати Божія, не токмо церкви Божія не полезна, но весьма вредительная, не низвергающая вратъ адовыхъ, но и паче утверждающая. О, дай-то Богъ, дабы отъ гисторіи сея научилися, вси гордіи, спесивіи, въ чину воинскомъ обрѣтающіися, отъ нихъ же и послѣднѣйшій офицеръ старцева на службу отдавшемуся помоществовати въ чемъ встыдается.

Здѣсь же самъ Архистратигъ преподобному на помощь ускорилъ. Аще бо разсудимъ Божественнаго сего старца въ нынѣшной гисторіи поминаемаго по внѣшнему его состоянію, что онъ былъ простой монахъ въ чину пономарскомъ церкви служащій, но сему надъ небесными силами учрежденный Архангелъ на служеніе избавити его отъ бѣдъ посылается, темное оное Павлово толкуя намъ слово: не вси ли служебніи дуси во служеніе посылаеми за хотя-

щихъ наслѣдовати спасеніе посланія къ Евреомъ главы 6. Тоежде толкуетъ и показуетъ намъ обитель сія святая, въ нейже воспоминаніе онаго преславнаго чудесе Михаиломъ Архангеломъ сотвореннаго радующеся празднуемъ. Яко особеннымъ нѣкіимъ смотреніемъ во служеніе посланъ за хотящихъ наслѣдовати спасеніе на мѣстѣ семъ святомъ, аки на стражи какой устроенный Архангелъ. сердцами и устнами честны ко здѣ во обители его живущихъ старцовъ, кто яко Богъ вопіющь, взывающь и глаголющь, аки нарочно для сего единаго на семъ мѣстѣ поставленный, дабы идоли отъ христіанскихъ идолопоклонниковъ призываеми и вызываеми паки изъ Днѣпра не видыбали. Яко же древніи идолопоклонники видящи боговъ своихъ отъ святаго Владимера въ Днѣпрѣ ввержениыхъ, на мѣстѣ семъ стоя, со слезами взывали, всякъ бога своего призывая: видыбай, боже нашъ, видыбай, боже нашъ. Откуду и обитель сія святая Видубицкою назвалася, по свидѣтельству исторіи. Тако и отъ теперешнихъ множайшіи, не глаголю же вси, древнихъ Каинъ подражающе, тоежде и творятъ. Что есть ненасытныхъ сребролюбцевъ желаніе, аще не сіе, дабы сребренныя и златыя къ нимъ видыбали? Что есть желаніе пьяницъ и ярыгъ, вездѣ валяющихъ? Аще не сіе, дабы богъ піянства, оній языческій бахусъ и видыбалъ и придыбалъ къ нимъ. Піяницы бо егда упившися и Божія по мнѣнію своему шумятъ, въ кабакахъ устнами поютъ, но сердцемъ въ самой вещи взываютъ: видыбай, боже нашъ. Кое есть всѣхъ желаніе воровъ, мошенниковъ, отъ нихъ нѣкоторіи подобно и въ сей храмъ святый будто на молитву пришли, аще не сіе дабы златый или серебряный какой божекъ аще не изъ Днѣпра, то поне изъ чужого кармана къ нимъ видыбалъ. Что иное творятъ и приходящіи во обитель сію въ домъ Михаила Архангела злымъ одержими пожеланіемъ. аще не безбожныхъ идоловъ призываютъ, всякъ по прихотямъ своимъ, имиже имѣетъ сердце исполненное и тако идолонеистовствующимъ безбожнымъ житіемъ своимъ вратамъ адовымъ побѣждати церковь Божію и предолевати ю весьма помоществуютъ, церковныхъ ученій и наставленій на слушая. Чимъ же бы такій христіанинъ отъ идолопоклонниковъ различествовалъ, познать невозможно.

Потщимся убо, потщимся, возлюбленніи о Господѣ слышателіе, донелѣже время есть, донелѣ еще праведный судъ Божій не постигъ насъ въ беззаконіяхъ нашихъ, не точію устнами, но и сердцемъ сквернымъ отрещися идоловъ, яже суть похоти злая, возжделѣнія сердецъ нашихъ. Вси язычески божки пусть плывутъ за водами, мы же, съ нелицемѣрнымъ покаяніемъ пришедши къ щедротамъ всемилостиваго Бога нашего, придержимся церкви святой православной, адовыми враты во вѣки не преодолѣнной, предъувѣдѣвши сіе, яко нѣсть премудрость, нѣсть мужество, нѣсть

совѣтъ противу Господа, воинствующую церковь Свою всегда и вездѣ отъ вратъ адовыхъ избавляющаго. Итакъ, крѣпкую возимѣемъ надежду, яко пошлетъ и намъ на помощь небесныхъ воиновъ Архистратига во всѣхъ нашихъ нуждахъ, во всѣхъ нашихъ бѣдствіяхъ отъ всѣхъ скорбей насъ избавляющаго, наипаче, егда при кончинѣ житія, со всѣмъ пекломъ треба будетъ сразитися; во остальномъ подвизѣ нашемъ не оставитъ насъ, дабы врата адова одолѣли насъ, но съ преславною побѣдою на вѣчность блаженную преселившихся сподобитъ купно съ тѣмъ же преславнымъ чиноначальникомъ Михаиломъ Архангеломъ хвалите Тебе во тріехъ Ипостасѣхъ славимаго Бога во вѣки. Аминь *).

Сообщ. **Н. Тодорскій.**

Ноября 28 дня 1909 года. Печатать разрѣшается. И. д. Ректора С.-Петербургской духовной академіи профессоръ *Ив. Троицкій.*

Редакторъ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи
Петръ Смирновъ.

*) Слова напечатаны по рукописи библіотеки СПБ. Духов. Академіи (Ап/305); титлы распущены и разставлены знаки препинанія. Сопоставляя почеркъ рукописи съ автографами Симона, хранящимися въ Импер. Публ. Библіотекѣ, ее нужно признать также автографомъ.